

А.И. КРАСНИЦКИЙ

ВАРЯГИ

Александр Иванович Красницкий

Гроза Византии

Исторический роман русского писателя А.И.Красницкого «Гроза Византии» пронизан главной темой — стремлением славян к созданию могучего государства. Как трудно шел этот процесс, какие условия и мужество требовались первым русским князьям, чтобы утвердить свое величие, об этом и узнает читатель.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕННЫЕ	0008
1. НА БЕРЕГУ БОСФОРА	0008
2. ТЕНЬ ПРОШЛОГО	0019
3. БЕГЛЕЦ	0030
4. ДРЕВНЯЯ ВИЗАНТИЯ	0038
5. ОБЛОМКИ ЯЗЫЧЕСКОГО МИРА	0046
6. НОВЫЙ РИМ	0060
7. СВЯТАЯ СОФИЯ	0069
8. ЗДАНИЕ НА ПЕСКЕ	0079
9. ПОД ПЫШНОЙ ДЕКОРАЦИЕЙ	0086
10. ЕЩЕ О НЕДУГАХ НОВОГО РИМА	0096
11. ЖЕНЩИНА НОВОГО РИМА	0114
12. ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ВИЗАНТИИ	0123
13. НЕРОН НОВОГО РИМА	0139
14. БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ	0144
15. ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕННЫЕ	0155
16. ВАСИЛИЙ И МАРЦИАН	0161
17. МАТРОНА ЗОЯ	0170
18. МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ	0179
19. ГОРЕ	0187
20. НАЧАЛО БОРЬБЫ	0194
21. ПЕРСТЕНЬ ИМПЕРАТОРА	0203
22. ЗА МИГ ОТ ПРИЗНАНИЯ	0212
23. КОВАРСТВО	0218
24. НА ФОРУМЕ	0226

25. НЕУДАЧНОЕ СОСТЯЗАНИЕ	0232
26. БЕГСТВО	0240
ЧАСТЬ ВТОРАЯ НА БЕРЕГАХ ДНЕПРА	0248
1. ПРОРОЧЕСТВО	0248
2. МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ	0255
3. НОРМАННЫ НА ДНЕПРЕ	0262
4. ТЯЖЕЛОЕ СЧАСТЬЕ	0269
5. ПЕРВЫЕ ИСКОРКИ	0274
6. СКАЛЬД	0280
7. ВСЕСЛАВ	0287
8. БОЖЬЯ КАРА	0292
9. ПЕРВЫЙ ГРОМ	0301
10. ПРАВИТЕЛЬ И МОРЕХОД	0307
11. В ПРЕДВИДЕНИИ ГРОЗЫ	0314
12. ДОПРОС	0322
13. ФОТИЙ	0330
14. ПОРУЧЕНИЕ	0336
15. К ЦЕЛИ	0340
16. СВОЕ И ЧУЖОЕ	0346
17. ОСУЖДЕННЫЕ НА СМЕРТЬ	0353
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧУДО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	0359
1. К РОДНЫМ БЕРЕГАМ	0359
2. СЛАВЯНКА	0364
3. НА РОДИНЕ	0370
4. СРЕДИ РОДИМЫХ	0375
5. БРАТ И СЕСТРА	0381
6. ГОСТЬЯ АСКОЛЬДА	0386

7. ЛЮБОВЬ	0391
8. ОПАСНОСТЬ	0396
9. ЧАРЫ ЛЮБВИ	0401
10. НА ВИЗАНТИЮ	0409
11. ПРИБЫТИЕ ПОСЛОВ	0414
12. У «ГОСТЕЙ»	0419
13. ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ	0425
14. ОТРАВЛЕННЫЕ ЗАПЯСТЬЯ	0430
15. ДВЕ СМЕРТИ	0436
16. ПОСЛЕДНИЙ ПИР	0441
17. ПОХОД	0446
18. ПАТРИАРШЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ	0451
19. ОГНЕМ И МЕЧОМ	0456
20. ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО	0460
21. ЧЕСТЬ СЛАВЯНИНА	0466
22. ЧУДНОЕ ВИДЕНИЕ	0472
23. ПАТРИАРХ И ЮРОДИВЫЙ	0478
24. В ОЖИДАНИИ ЧУДА	0485
25. ЧУДО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	0489
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НЕБЕСАМИ ПОБЕЖДЕННЫЕ	0495
1. ПОСЛЕ БУРИ	0495
2. НЕБЕСАМИ ПОБЕЖДЕННЫЕ	0501
3. СМИРИВШИЕСЯ	0506
4. СВЕТЛЫЕ НАДЕЖДЫ	0512
5. ПЕРВЫЕ ВАРЯГИ В ВИЗАНТИИ	0518
6. РАДОСТНОЕ СВИДАНИЕ	0524
7. МИЛЫЙ ОБРАЗ	0529

8. ПАТРИАРШЕЕ ВРАЗУМЛЕНИЕ	.0535
9. ОЗАРЕННЫЕ СВЕТОМ ИСТИНЫ	.0540
10. ВИЗАНТИЙСКИЕ ЦЕПИ	.0545
11. ДОМОЙ	.0551
12. НА ДНЕПРЕ СНОВА	.0556
13. ЗАМЫСЛЫ ВСЕСЛАВА	.0561
14. НА ИЛЬМЕНЕ	.0567
15. СМЕРТЬ АСКОЛЬДА И ДИРА	.0572
16. ПОСЛЕСЛОВИЕ	.0578

**Александр Иванович
Красницкий
Гроза Византии**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕННЫЕ

1. НА БЕРЕГУ БОСФОРА

День догорал.

Ярко— багровый диск заходящего солнца купался уже в позолоченных его же последними лучами волнах Босфора. Он как бы медлил погрузиться совсем в эту беспредельную гладь и, казалось, отдыхал теперь в отрадной вечерней прохладе, сменившей зной дня. Последние лучи его продолжали еще упорно бороться с надвигавшейся темнотой ночи. Они золотили не только воды пролива, теперь безмятежно покойного, но также играли и на куполах императорского дворца, на крестах дворцовых церквей и, золотя яркую зелень густых деревьев парка, полутенями спускались к самому берегу и пропадали в чуть заметной ряби Босфора, подходившего в этом месте как раз к подножью роскошных густолиственных деревьев, которые в, свою очередь, как зеленой рамкой, окаймляли бе-

рег.

Было очень тихо. Сюда почти что не доносился грохот и гам Нового Рима — его заглушали деревья парка и шум волн. Редко-редко чириканье птиц нарушало торжественную тишину этого покойного уголка всегда так шумной Византии.

Впрочем, не одни только птицы и волны Босфора нарушали эту тишину. Неуклюжая рыбацья ладья, покачивавшаяся у берега, показывала, что где-то близко были люди.

И, в самом деле, этот уголок был обитаем.

В нескольких шагах от воды видна была покачивающаяся жалкая лачужка. Растянутые около нее для просушки сети, невода, небрежно кинутые у самого входа весла прямо говорили, что хозяин этой лачужки несомненно был рыбаком.

Около входа в хижину, на небольшой прикрытой травой прогалинке, на камне сидел старик, нежась на догоравших лучах солнца. Он был согбен и сед. Волосы на его голове и длинной бороде были белы, как снег. Старчески сморщенное лицо с крупными чертами было очень добродушно. Выцветшие от лет

глаза смотрели тепло и ласково.

Одет он был чуть ли не в лохмотья, едва прикрывавшие его пепельно-серое тело.

Впрочем, в этом уголке другой одежды, пожалуй, и не надобно было. Люди сюда заходили редко, а молоденькая девушка, склонившая своей головкой на колени старика, никогда бы его не осудила за недостатки в одежде уже хотя бы по одному тому, что старик, ласково глядя ее рукой по голове, называл внучкой.

Девушка была очень молода и красива. На вид ей нельзя было бы дать более 15-16 лет, и это отражалось в ее невинных, чистых глазах с открытым прямым взглядом, в беззаботном, веселом смехе и шаловливости, которая так свойственна тем переходным годам, когда в ребенке-девочке только что просыпается женщина.

Она была красива, но, очевидно, не сознавала своей красоты. Однако, эта красота была совсем особенная. Среди красавиц Нового Рима блондинки были редкостью, а эта девушка была блондинка с золотистыми волосами, яркими голубыми глазами и ярким румянцем,

что пламя заливавшим ее щечки. Фигура — стройная, статная, с хорошо развитым бюстом, несколько приподнятыми плечами и крепкими мускулистыми руками. Она вся дышала не только красотой и молодостью, но совсем не свойственной женщинам юга физической мощью, разлитой во всех ее движениях и придававшей ей какой-то самоуверенный вид.

Она полулежала на траве, опираясь локтями в колени старика, и слушала его тихую речь, перерываемую время от времени нежными обращениями ее собеседника, которого она в свою очередь называла «добрым дедом Лукой».

Они говорили.

— Вот, так и все устроено, внучка, на этом свете, — тихо говорил старец, — всегда так было и будет... Радость и горе постоянно чередуются друг с другом. Хорошо человеку — радуется он, счастлив, думает, что так уже до конца дней его будет, а в это время горе сторожит уже его и вдруг, как дикий зверь, кидается на счастливец в тот самый миг, когда он и ожидать этого не мог... И всегда так...

— И меня, стало быть, ждет горе? — вздохнула девушка.

— И ты также, Ирина, не минуешь его... Это — общая участь всех...

— Близко это горе...

— Близко? Откуда ты можешь знать, дитя?... Наше будущее скрыто от нас...

— Так, я это знаю, чувствую... Да, наконец, ты мне и сам только что сказал...

— Я ничего не говорил...

— Нет, ты сказал!... Ты сказал сам, что горе подкрадывается к людям всегда в то время, когда они чувствуют себя счастливыми, так ведь?

— Да, это верно...

— Ну, вот, так и со мной... Я счастлива, безмерно счастлива, порой мне кажется, что счастливее меня никого нет во всей Византии, а вот теперь я думаю, что как раз горе и сторожит мое счастье, пронесется оно, унесет его, и я буду плакать, долго плакать...

— Отгони от себя мрачные мысли, дитя! Кто знает будущее?... Тебе придется страдать, как и всякому, но что же поделать, если уже так суждено... Да и счастлива ли ты теперь?...

— Счастлива, дедушка, я уже сказала тебе об этом... Да и как же я могу быть не счастливой? Все у меня есть: ты выезжаешь на ловлю и всегда привозишь так много рыбы, что мы совсем не знаем голода, а что же еще? Кругом всего так много! Вот, видишь, там журчит наш ручеек, вода его вкусна и холодна, кругом здесь цветы, красивые цветы, и я могу ими украшать свою голову... Я так хорошо умею плести венки... Наконец, ты, когда ходишь с рыбой к дворцовому куропалату, всегда получаешь от его слуг обильные подарки, так что нам даже не нужно заботиться об одежде... Видишь, всего у нас вдоволь, все есть, и живем мы тихо и покойно, не трогая других и сами забытые всеми...

Старик тяжело вздохнул.

— Когда бы всегда так было, Ирина! — печально промолвил он.

— Так и будет всегда...

— Нет, нет...

Так не может всегда быть... Я стар, дни мои сочтены, жизнь моя позади, ты молода, твоя жизнь у тебя впереди... Что хорошо для старца, совсем нехорошо для молодки... Моло-

досьт требует другого...

— Чего же, Лука?

— Мало ли чего... В твои годы все так рассуждают, потому что молчит пока сердце...

— Как молчит? Отчего?

— Оттого, что любовь еще не посетила его...

— Вот ты про что, дед! А почему ты знаешь, что я никого не люблю? Если так, то ты ошибаешься, я люблю...

— Как! Неужели? — с испугом в голосе воскликнул Лука.

— Да, да! Люблю...

Люблю вот эту хижину нашу, люблю свет солнца и это море, потом люблю нашу лодку, птиц, которые собираются клевать крошки после нашего обеда, люблю, когда звонят в колокола в храмах, а потом и тебя люблю...

— Хвала Создателю! — с облегчением вдохнул старик. — А я думал, что и в самом деле горе уже постигло тебя...

— А разве любовь — горе?

— Да, дитя...

— Я думала, что — счастье...

— Для кого как... Для очень немногих на

земле это, может быть, и счастье, только такое смутное, неясное, тревожное счастье, что, пожалуй, горе для человека — лучший удел, если сравнишь их; для остальных же любовь — горе, тяжелое, страшное горе...

— Вот как!

— Это верно... Видишь, я стар, долго-долго живу я на свете и твердо знаю это...

— Ты любил?

— Да, и меня постигло это горе... Оно неизбежно для всех...

— Но ты говорил, что был счастлив с твоей женой.

— Ты права... Мать твоего отца дала мне счастье, какое только возможно на земле, но это-то счастье и было вместе с тем горем...

— Я не понимаю тебя!

— Поймешь сейчас: я боялся потерять это счастье и мучился, а когда потерял мою жену, то, вот, прошло уже тому много лет, я не знаю счастья, а терплю только одни муки...

— Она умерла?

— Да, с тоски по свободе и с горя, что жена ее сына убила себя сама...

Я до сих пор вижу страшную рану на ее

горле...

— Убила? Зачем?

— Ты хочешь знать, дитя? Так я скажу. Она любила нас и решилась скорее умереть, чем расстаться с нами... Хочешь я расскажу тебе все...

Теперь ты выросла и должна знать, как ты попала сюда... Мне уже не долго жить на свете, и я должен, наконец, рассказать тебе все... Ты будешь слушать?

— Да, дед... Ты много раз обещал мне поведать это, но как я тебя ни просила, ты никогда не был со мной откровенен... Отчего это?

— Не приходило время еще.

— А теперь пришло?

Старик задумался.

— Не знаю, что и сказать тебе, как ответить на этот вопрос... Чувствую, что оно не пришло это время, но тут же чувствую, как какие-то мрачные предчувствия так вот и одолевают меня... Откуда это? Почему? Не знаю сам, но чувствую...

— Что же ты чувствуешь, Лука?

— Многое, ох, многое, дитя.

— Тобой недоволен куропалат...

— Нет, этого нет!... А вот чувствую я, что жить мне недолго, ох, недолго остается.

Ирина вскочила и с трепетным страхом смотрела на старика.

— Дед, дед! Что ты говоришь! Опомнись! — лепетала она.

— Что, дитя, чего ты так испугалась?...

— Ты сказал про смерть и так сказал, что и я поверила... Ты сказал это совсем по особенному, в твоих словах была страшная уверенность...

— Что делать?... Этот конец неизбежен для всех живущих...

— А как же я?...

— За тебя-то мне и страшно!... Да, за тебя... Ты — последнее звено, приковывающее меня к жизни...

Самое последнее... Ради тебя только и живу я... Что я такое? Одинокий, жалкий, затерявшийся среди чужих старик... Все равно как дерево, вырванное с корнем налетевшим вихрем и перенесенное на чужую почву...

Вот я... Привился, прозябаю, зачем? К чему?... Только вот ты, ты — мой побег молодой, молодая лоза, вот и жалко мне тебя...

— Лука, дед, старый дед, ты не умирай, ты послушайся меня, не умирай, — с громким воплем кинулась к нему на грудь Ирина.

— Да я и не думаю умирать.

— А сам сказал...

— Сказал только, что тоска меня смертная гложет, может быть, я еще и ошибаюсь... Может быть, все это пустяки из пустяков — так, плохо спалось, а вот, все-таки хочу я тебе рассказать про прошлое. Узнай на всякий случай...

— Лучше не говори, Лука.

— Отчего же, дитя?

— Ты так напугал меня...

Вот, я и не хочу слушать...

— Полно, успокойся, ну, не плачь же, прошу тебя, не плачь.

— Я не буду слушать, ты собираешься умирать, вот и хочешь мне рассказывать про свою прошлую жизнь...

— Ты должна слушать...

Если что случится, ты должна знать, кто ты... Будешь?

Ирина потупилась.

— Будешь слушать? — настойчиво повто-

рил Лука.

— Говори, буду! — прошептала девушка, отирая рукавом слезы.

2. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

— Слушай же, дитя, слушай и на всю жизнь запомни мои слова, — начал Лука, поудобнее усаживаясь на своем камне. — Ты живешь на свете уже шестнадцатую весну и помнишь себя всегда вот здесь, в этом тихом уголке дворцового парка; но, может быть, смутно, ты припомнишь, что не вся твоя жизнь протекала здесь...

Не так ли, Ирина?

— Да, да, дед Лука, как во сне иногда, особенно, когда задумываюсь, припоминаются мне высокие обросшие с вершин до скатов лесом горы, широкая река, то тихая и покойная, как вот этот наш залив, то бурная и ревущая. Потом помню я и людей, но совсем не таких, каких я видела здесь. Они были высоки ростом, широки в плечах. У них были голубые глаза, как у меня, и белые волосы, как у тебя... Впрочем, таких вот людей я видела и здесь - среди варваров... Скажи же, дед, что это такое

В самом деле, сон или действительность? Я думаю, что это — сон...

— Нет, память не изменяет тебе, это — не сон, не создание девичьей мечты...

— Но что же?

— То, что действительно было... Ты не здесь родилась, Ирина. Твоя родина — не шумная Византия. Первый раз свет солнца увидела ты не под сенью деревьев этого парка, а далеко-далеко от него...

— Но где же? Где, Лука?

— Сказал, далеко...

Слушай же и не перебивай. Далеко отсюда, от шумной и развратной Византии, за этим морем, которое кажется тебе безбрежным, есть другая страна. Она не похожа на эту. Нет там таких городов, как эта Византия, и народ там живет совсем другой — крепкий, сильный, здоровый, с русыми волосами и голубыми глазами.

— Варвары! — воскликнула Ирина.

— Здесь так называют их... Здесь, ведь, всех так называют, кто не римлянин или эллин. Только по совести — все варвары, даже дикие, и те добрее и лучше жителей Нового

Рима... Я знаю этих варваров близко, потому что я родился там, среди них, детство, юность, взрослые годы, начало, наконец, старости, провел в этой стране, потому здесь я сам — варвар.

— Ты никогда не говорил мне этого...

— Не приходило время, дитя... Да, я — варвар... Моя родина за этим морем, на берегах великой славянской реки Днепра. Там я родился, там жил, любил и был счастлив, но, видно, умереть мне там не суждено... Родина моя, родина, далекая, милая!... Поля мои зеленые, леса дремучие, непроходимые!... Не увижу никогда я вас, не вдохну своей старой грудью того воздуха, которым дышал, когда родился... Все потеряно для меня, и только в грезах моих да мечтах, да во сне еще вижу я родимую сторону, и болит мое старое сердце, трепещется оно, как подстреленная птица!... А как позор свой вспомню...

— Говори, дед, говори, я слушаю тебя! — с волнением закричала Ирина, отклоняясь от старика и становясь перед ним на колени.

Лицо ее пылало, как в огне, глаза сверкали, высокая грудь вздымалась, что волна Бос-

фора в бурю.

— Как же ты попал сюда? Каким образом очутился здесь, старый, хилый, ведь не по своей воле покинул ты родину? — задыхаясь от волнения, спрашивала она.

— Не по своей, не по своей! Кто же решится сам покинуть родную страну и уйти от нее... Ты права... Так слушай же! Тяжело мне, а все поведаю я тебе...

Слушай... Там в родной мне стране, на берегах Днепра, жили наши роды... Мы жили в долинах вокруг высот, на которых стоял наш город -великий Киев. Полянами нас всех звали другие племена. Жили мы мирно, никого не трогали, не обижали, хотя нас было много. Неподалеку от нас в дремучих лесах жили древляне. Нашего корня было это племя. Говорили они одним языком с нами. Мы их понимали, а они нас. Одним богам мы молились и жертвы приносили, только нравы да обычаи у нас были совсем разные: древляне, как звери дикие, лесные, жили — грабежами промышляли, вечно в раздорах между собой были, а наши роды тихие, смирные, хлеб растили, торговали с наезжими гостями в Киеве,

сбивали им, что из земли потом да кровью своей добывали, а о битвах, о войнах, не только что друг с другом, но и с обижавшими даже нас племенами не помышляли... Да и к чему эти войны? Ведь все мы — родные были, недаром на всем пути великом от варяг в греки и далеко окрест по сторонам все, кто жил там, одним именем — славянами назывались: и у нас на Днестре, и на великом озере славянском Ильмене, и все, все мы, сказал уже я, одинаково говорили и одним богам молились. Только одна беда наша была: не могли мы в мире и согласии между собой жить. Вечно между нами ссоры да раздоры шли, и не было между нами правды, что на Ильмене, то и на Днестре кровь братская всегда рекой лилась. Род постоянно враждовал с родом и чаще всего по пустякам, и внимания не стоившим. Оттого-то, хоть и много было нас и сильны были мы телом, зато духом слабее детей были... Всякий, кто хотел, мог явиться к нам, воевать с нами и всегда побеждал. Будь между нами согласие, не было бы народа равного нам в целом свете!... Но что же делать, если судьба не давала нам этого, а оттого и

гибли мы... Так, должно быть, предопределено самой судьбой славянским племенам во веки веков... Однако, даже при этих раздорах мы жили счастливо, особенно тот род, к которому я принадлежал. Этот род славен был богатством своим и красотой своих дев голубоких. Все окрест уважали его. К старикам его приходили даже дикие древляне, если хотели ссоры свои разрешить не кровью, а мирным правдивым словом. Не смущались даже тем, что во главе рода не старик стоял, опытом прожитых лет славный, а только что пришедший в зрелый возраст родич... Впрочем, нет, не так я говорю, больше пятидесяти зим было этому старейшине, когда его сородичи над собой во главе поставили. Был он человек добрый, справедливый, хотя и в обиду никогда своих не давал. Знали его не только в родах окрест, но в самом Киеве с почетом встречали, когда он приходил зачем-нибудь туда... Только, сказал уже я тебе, дитя, что не знают смертные, где конец счастья, где начало горя — так они близко друг с другом соединены. Стал думать этот старейшина, что боги всегда будут одинаково милостивы к нему...

— Ты говоришь, Лука, боги? Разве там, на твоей родине, не веровали во Христа...

— Нет, дитя, там не знали Его тогда, а, может быть, и теперь не знают...

— Но кому же там молятся?

— Кому? Главе всех богов — Перуну-громовержцу, злому Чернобогу, доброму Волосу, веселому Лелю...

— Истуканам?

— С виду истуканам, пожалуй, но на моей родине этими истуканами изображались великие силы природы. Однако, ты меня перебила... Узнай же, что случилось. Пришли в мой край злые люди, это были варяги, они из-за дальнего моря шли по своему обычному пути сюда. И прежде они часто проходили мимо, но никогда ни мы им, ни они нам зла не делали. Дружно всегда жили. Они выменивали у нас хлеб и сырье не свое железо и оружие. Так шло многие годы. Тут вдруг они явились к нам не с добром, а с мечом... После я уже слышал, что вышли у них распри с приильменскими родами, и покорили они их под свою власть, потом и к нам явились с военной грозой... Ну, могли ли мы им сопротив-

ляться? В ратном деле они очень искусны были, а мы едва умели в ряды построиться. Так и не смогли мы защитити себя от врага. Помощи нам ни откуда не было. Все соседние роды разбежались, и остался один только мой род, один на один с врагом лютым. Кто успел в леса к древлянам убежать, тот спасся. Больше всего пбили на месте, а многих в плен забрали и с собой, вот сюда — в Византию, как рабов, увезли. И старейшина увезен был со всей семьей своей, как раб. Были у него жена, с которой он прожил душа в душу, дочь, твоих, вот, лет — красавица, сын с женой и сыном маленьким. Так их всех и взяли. В Византии на рынках рабов семьями всегда охотно покупали. Варяги рассчитывали продать их там или на своих выменять. А тут еще славянский старейшина... За него рассчитывали и взять больше, хотя он и не молод был. По дороге, пока морем плыли, они обращались хорошо со всеми своими пленниками — никого не обижали, кормили, поили, причем от себя не отделяя, работать заставляли — когда ветра не было, мы должны были грести, — да это ничего было, легко. Старейшина пленный

только грустил тогда. Еще бы, первым человеком был, а вдруг стал жалким рабом... Так переменчиво счастье людское!...

— Дед, ведь, этот старейшина был...

— Молчи, дитя, и слушай! Ведь, только начинались беды этого старейшины тогда. Сын его любимый, единственный, Всеслав, вдруг одному из вражеских вождей полюбился. Молодец был этот Всеслав, во всем роде другого такого не было. Силы и удали он был непомерной и лицом пригож, и станом строен. Взял его варяг к себе, отнял от отца и матери, от жены молодой, и больше с той поры не видели они его никогда, и что с ним сделалось, скрыла от них судьба. Да и не суждено им знать и свидеться более. Плакала мать и жена, когда их разлучили, да что? Разве слезами поможешь тут чему-нибудь?... Разлука ли, горе ли повлияли — не знаю, только у оставшейся жены сына старейшины тут же на варяжской ладье дочь родилась. Варяги-то только смеялись да радовались, одного, говорят, нет, на его место новая пленница явилась, все что-нибудь в Византии и за нее дадут... Впрочем, они мало обращали внимания на плен-

ных, пока, наконец, не прибыли в Византию. Там варяги всех их сковали попарно. Старейшина был скован не только с женой своей, но и с дочерью, и с женой своего сына. Как плакала тогда она бедняжка... Малютка была у нее на руках, чувствовала она, эта бедная мать, что скоро, скоро придется ей навеки расстаться со своими детками! Так и случилось! Красавица была эта славянка, здесь таких нет, и как она была похожа...

Лука вдруг умолк и пристально посмотрел на Ирину.

— На меня? — тихо промолвила девушка, потупя взгляд.

— Да, на тебя...

— Это была моя мать?...

Но старик, как будто не слыша этого вопроса, продолжал:

— Нас вывели на рынок. Не одни мы там были. Много, много рабов было выставлено на продажу. Только как совестно было стоять. Мы ничего не понимали, что говорили вокруг, но нас осматривали как скот какой-нибудь. Меня — славянского вождя, заставляли раскрывать рот и показывать свои зубы... По-

зор!... О, какие страдания я тогда перенес!... Я не заметил, как увели от меня мою дочь, я даже не знал, кто купил ее, в себя меня привел отчаянный крик твоей матери... Она понимала по-эллинически. Ей сказали, что ее отдадут в рабыни старому развратнику византийцу, купившему ее по дорогой цене. Закипела славянская кровь тогда. Смерть казалась лучше и слаще позора... Как-то она успела выхватить у близко стоявшего варяга его короткий меч и закололась прежде, чем кто-нибудь смог отнять у нее оружие... Это была твоя мать, Ирина... Но что это такое?

Вблизи от них, в кустарниках, слышен был треск ломающихся ветвей. Как будто кто-то поспешно пробирался через чащу сюда на берег.

Старик вскочил, Ирина тоже. Треск слышался ближе и ближе.

3. БЕГЛЕЦ

Прошло всего несколько мгновений — мгновений смутного и тревожного ожидания, показавшихся Луке и его внучке очень-очень долгими. Ни тот, ни другая ни сколько не растерялись. Они знали, что зверей в парке нет, что от воров и грабителей, которыми кишела Византия, парк бдительно охраняется, потому что он окружает собою императорский дворец. Если же человек идет не прямою дорогой, а пробирается через кусты, то, стало быть, для этого есть какая-нибудь особенная причина.

Но какая?

Сюда, в этот уголок так редко заходили люди, что появление человеческого существа, да еще при таких обстоятельствах, могло грозить Бог знает какими неприятностями. В этом же случае нельзя даже было предугадать, как следовало поступить: встретить ли гостя или обороняться от него?

Однако, все эти недоумения быстро рассеялись.

Из чащи кустарников на прогалину выско-

чил человек и остановился, как бы пораженный присутствием людей.

Он был еще очень молод, но все лицо его было покрыто загаром. Глаза были такие же голубые, как и глаза Ирины, а грива густых русых волос, в беспорядке падавших на плечи, также указывала на его невизантийское происхождение. Одежда на нем была вся изорвана — недаром же он пробивался сквозь чащу кустарников. Из-под лохмотьев просвечивалось мускулистое розоватое тело. Руки незнакомца казались чрезвычайно развитыми, да и сам он весь был олицетворением физической мощи.

Он стоял, тяжело дыша, и вопросительно глядел на старика и молодую девушку.

Очевидно, незнакомец соображал, кого он встретил в этих двух существах — друзей или врагов.

Наконец, он решился заговорить.

— Кто бы вы ни были, спасите меня!...

Эти слова были произнесены далеко не чистым византийским говором. Напротив, незнакомец коверкал и ударения, и окончания, выговаривая все на какой-то особый лад.

В Византии так не говорили, и было видно по всему, что этот человек - иностранец...

Однако, Лука и Ирина сразу поняли незнакомца. Раз он обратился к ним с просьбой о спасении и помощи, он уже не мог быть им врагом. Это было ясно. Притом же этот юноша казался утомленным, ослабевшим до последней степени. Бояться насилия с его стороны было нечего.

— Кто ты? — тихо спросил его Лука.

— Все равно...

Потом... Пока только одно — спасите!...

— Спаси его, Лука, укрой его! — воскликнула Ирина. — Посмотри: он изнемогает...

— Но если сюда придут...

— Так что же? Кто найдет, если ты его спрячешь?...

Старик был в нерешительности. Он взглядывал то на внучку, то на так неожиданно появившегося в этом уголке юношу. И тот, и другая с мольбою смотрели на него, ожидая решительного ответа. Лука боролся. Он и желал спасти незнакомца, и в то же время боялся, чтобы не пришлось самому пострадать из-за этого. Последнее чувство пересилило.

— Нет, — проговорил он, опуская глаза в землю, — не могу я это сделать, я сам не свой... Из милости только позволяют мне жить здесь, и, если я навлеку на себя гнев ку-ропалата, мне придется плохо... Уходи ты, я не буду тебя задерживать, но и не надейся, чтобы я спас тебя...

От чего -я даже не знаю...

— Лука! — воскликнула Ирина. — Ты отказываешь ему...

— Мне нечего больше сделать... Уходи же, друг, и я никому не скажу, что ты здесь был...

Юноша тяжело вздохнул. Он по тону старика видел, что ему нечего ожидать помощи.

— Постой, Лука, — снова заговорила Ирина, — ты гонишь его, пусть так...

Но он, может быть, голоден... Позволь же мне накормить его. Тогда уже пусть он идет... Так, ведь, Лука? Я вижу, ты согласен, да? Пойдем же, незнакомец, в нашу хижину и стань хотя бы ненадолго нашим гостем... Знай, что в гостеприимстве славяне не отказывают даже заклятым врагам...

— Славяне? Славяне — вы? — воскликнул юноша с удивлением.

— Да!... Ну и что?

— Сами боги привели меня сюда... Ты, милая девушка, и ты, старик, знайте: я тоже славянин!...

— Славянин? — воскликнул Лука. — Ты?

— Я...

— Откуда, откуда, скажи скорей?...

— С Днепра, старик...

— Из-под Киева?

— Да...

— Вот, видишь, дед, а ты хотел ему отказать в помощи, — торжествующе проговорила Ирина. — Пойдем же! Я не знаю, как тебя зовут?

— Изок... По времени, когда я родился...

— Ну, вот...

А меня зовут — Ирина, его — дед Лука...

— Таких имен нет на Днестре...

— Ты прав...

Но прежде он назывался по другому...

Не Лукой... Так, ведь, дед?

— Да, да... Но поди же приготовь ему трапезу, дитя...

А мы подумаем, что можно будет сделать...

Ирина скрылась в лачуге. Лука и Изок

остались одни на поляне.

— Сядь, ты устал, — сказал Лука, указывая на камень. — Скажи, как ты попал сюда?... Откуда ты?...

— Я скажу тебе, старик, делай, как хочешь...

Я бежал из темницы...

Лука задрожал.

— Из дворцовой темницы... Как ты попал в нее?...

— Я захвачен был два года тому назад в плен и продан сюда в рабство. — Но кто же захватил тебя?

— Вблизи от того места, где наш Днепр впадает в море, основаны теперь греческие города... Около одного из них и захватили меня.

— А как ты к нам попал? Я помню, еще на родине я слышал об этих городах, но они никогда не воевали с днепровскими родами...

— Это было при тебе, если только ты — действительно славянин...

Теперь на Днепре все не то...

— А что?

— Все изменилось... В Киеве есть князья,

которым все приднепровские роды платят дань и дают в их дружины своих сынов...

— Князья...

Вот диво! Но кто они!...

— Варяжские витязи... Аскольд и Дир — так их зовут на Днепре... Они пришли к нам с Ильменя и прогнали хазар...

За это поляне и признали их своими князьями...

— Так, так... И лучше стало жить на Днепре?

— Еще бы! Явилась правда...

Всякий стал знать, где и у кого искать защиты...

В это время только что завязавшийся разговор перебило появление Ирины.

— Иди, Изок, сюда, — крикнула девушка. — Ты расскажешь дедушке все, что захочешь рассказать, а теперь подкрепи свои силы...

— Иди, и я пойду с тобою, но прежде скажи мне, что я могу для тебя сделать?

— Укрой меня, умоляю тебя, укрой, если будет погоня...

Не выдай! Укроешь?

— Попробую...

Только бы удалось... Пока отдыхай. Ирина была права, когда сказала, что славяне никому не отказывали в гостеприимстве.

— И в помощи, Лука, — дополнила девушка, — особенно своим...

Они скрылись в хижине.

Сумрак наступающего вечера быстро сменился мглою ночи.

Все затихло, откуда-то издалека доносился лай сторожевых собак.

Даже гром и гул всемирного города стал тише.

Ночь наступила.

4. ДРЕВНЯЯ ВИЗАНТИЯ

Тот шумный город, в тихом и скромном уголке которого мы только что познакомились с стариком Лукой, его внучкой Ириной и молодым варваром Изоком, в описываемое нами время достиг высшего своего великолепия и даже затмил собой в этом отношении Рим, переживавший уже период упадка. Византия же все украшалась и украшалась.

Целые пять веков скапливались здесь, по воле ее владык, богатства всего мира, и эти богатства являлись не чьим-либо личным достоянием, но собственностью этой новой столицы уже не древнего, а нового мира.

Она была столицей, волшебной по своему великолепию, могущественной по своему положению, как средоточие торговли Европы, Азии и Африки, и глубоко испорченной по своим нравам.

Сказочное великолепие Востока сменило в Византии утонченную роскошь Запада.

Но не всегда Византия была так великолепна.

За пять веков до начала нашего рассказа

это был жалкий городишко и даже не городишко, а просто большой поселок, жители которого постоянно трепетали за свою участь, так как каждый день, каждый час, каждую минуту жизнь их висела на волоске.

Однако, даже и тогда жители, особенно те, которые являлись среди других своих сограждан носителями традиций старины, гордились своим происхождением, своей прошлой славой, наконец, тем, что их жалкий разоренный городок, во всяком случае, являлся ключом из Азии в Европу.

Так оно и было на самом деле.

С одной стороны берега Византии омывало Черное море. На берегах его лежала та Азия, которая являлась в течение многих веков угрозой не только для Эллады, но даже и для гордого Рима. За этим морем жили таинственные скионы в своих никому еще тогда не ведомых землях. Там же лежали страны Гиперборейские. Через это море можно было попасть в таинственную Биармию, о которой кое-какие сведения были известны и в Византии. С другой стороны ее берега омывало море, приносившее сюда все товары Европы, а

вместе с ними иногда и грозные флоты всепобедного Рима.

Итак, коренным обитателям Византии до известной степени можно было гордиться своей родиной...

Пылкая южная фантазия создала массу легенд о первоначальном основании Нового Рима.

Конечно, при этом не обошлось без сказаний, относившихся ко временам самой седой старины.

Так, например, есть предание, что один из вождей аргонавтов — Визант, происходивший по прямой линии от самого Посейдона, возвращаясь из знаменитого похода за Золотым Руном, так пленился чудной местностью на берегу Пропонтиды, что решил здесь остаться навсегда. К нему примкнуло несколько храбрецов, и они, поселившись здесь, положили этим начало новой греческой колонии, названной, по имени основателя, Византией.

По другому сказанию, относимому уже не к таким отдаленным временам, этот Визант вовсе не был одним из аргонавтов, а просто

начальствовал над выходцами из Мегары, с которыми он и основал новую колонию в третьем году 30 олимпиады «в 658 г. до н.э.» на европейской стороне Босфора.

Важное значение этой колонии, находившейся в местности, господствовавшей над узким проливом, соединявшим Черное море с Мраморным и имевшим при себе единственную в мире по удобству для стоянки судов бухту «Золотой Рог», сразу обратило на себя внимание предприимчивых греков. Дельфийский оракул указал им устроить город против поселения «слепых», и это указывает, какое значение придавали этой колонии умнейшие люди древней Эллады.

В самом деле, Византия должна была собирать пошлины с судов, проходивших из Эгейского моря в Черное, вела торговлю со всеми европейскими и азиатскими народами и играла важную роль в борьбе греков с Персией.

Она первая испытала и приняла на себя удары Азии, так как во время похода Дария на скифов была сразу покорена им «515 г. до н.э.».

Некоторое время Византия находилась под

владычеством персов. За участие в Ионийском движении она лишилась самостоятельности, обитатели ее были разогнаны, сама она была обращена в персидскую крепость. Только после битвы при Платее Павзаний, начальствовавший над афинским и спартанским флотом, освободил Византию от власти персов.

Но этим испытания Византии не кончились. Сама Эллада была злой мачехой для этой цветущей колонии.

Во время Пелопонесской войны спартанцы и афиняне упорно боролись за обладание ею, и только победа Алкивиада «408 г. до н.э.» удержала ее в афинском союзе.

Однако, афиняне не даром боролись за Византию.

Овладев ею окончательно, они прежде всего постарались завладеть правами сбора пошлин, не делая в нем участниками византийцев. Этим они вызвали настолько упорное сопротивление, что Византия в конце концов добилась независимости «357-350 г. до н.э.», но, увы! — очень скоро ей пришлось выдержать новую борьбу и на этот раз с врагом бо-

лее страшным. Филипп Македонский, прекрасно сознавая значение Византии, пытался овладеть ею, но она победоносно отразила все нападения «340 г. до н.э.» смелого завоевателя и, желая сохранить свою независимость, стала на сторону Рима в его войнах.

Рим того времени не остался неблагодарным. Конечно, он не замедлил покорить Византию, после того как присоединил к своим владениям Грецию, но дал ей многие права и преимущества, которыми не владели другие римские колонии.

Так, например, Византия под римским господством сохранила свою автономию, с таким трудом отвоеванную у греков. Римские легионы не грабили ее владений, и так продолжалось до первых императоров, при которых она сумела достигнуть высокой степени благосостояния.

Однако, в конце концов и Рим обратил внимание на Византию. Как могла под его владычеством существовать страна, соединенная с ним только ничего не значившей связью, признававшая не вещественную, а лишь призрачную власть Рима!

Такое положение вещей было противно установившимся взглядам Рима на покоренный им мир. Он не мог допустить этого, он должен был заставить Византию узнать, что такое орел на значках римских легионов, и вот, римские императоры начали подыскивать предлог для окончательного покорения уже и без того подвластной им богатой страны.

Этот предлог нашел Веспасиан.

Он объявил, что Византия слишком «злоупотребляет» своей свободой в ущерб Риму.

Этого предлога было вполне достаточно для начала военных действий. Римский флот и легионы двинулись к стенам обреченного огню и мечу города, но византийцы встрепенулись, в них заговорила прежняя доблесть. Они решили бороться до последних сил, но что они могли сделать против несокрушимой в то время военной силы славного Рима!...

Византия жестоко пострадала...

Однако, ее богатство, ее могущество еще не было сломлены окончательно. В конце II века н.

Э. Византия все еще обладала огромными

средствами. Она на свой страх и риск продолжала борьбу с Римом, и, когда Септимий Север осадил ее «196 г. н.э.», византийцы смогли выставить против него огромный по тем временам флот в 500 триер.

Три года выдерживала Византия эту осаду, но в конце концов пала... Теперь ее благосостоянию был нанесен окончательный удар. Все ее укрепления были разрушены и даже скрыты, политические права и привилегии были отняты, из цветущей колонии Византия превратилась в жалкий, бедный город с второстепенным значением в торговле и без всякого значения в политической жизни подвластных Риму городов.

А в III веке Византию ждали новые испытания: на нее со всех сторон обрушились полчища варваров, которые разоряли ее, а помощи ждать было неоткуда...

Так шло время до тех пор, пока Константин Великий, после победы над Лицинием, не обратил внимания на Византию. Он сразу оценил все выгоды ее положения и поспешил основать здесь новый город, который должен был явиться для него второй столицей.

Так он и сделал. Город был основан, и уже сама судьба заставила Константина покинуть Рим и в 330 г., в мае месяце, перенести столицу римской империи в Византию...

5. ОБЛОМКИ ЯЗЫЧЕСКОГО МИРА

Прежде чем продолжить наше повествование, мы считаем необходимым познакомить наших читателей с теми причинами и положением дел, которые создали Византию, разбив окончательно древний языческий мир, его культуру, его верования и создав вместо прежнего стройного целого нечто уродливое, такое же расшатанное, как и языческий Рим в свое последнее время, но опирающееся, однако, на такую великую почву, как христианство.

Для этого мы должны прежде всего кинуть бросить на того, чьим повторением явилась великолепная Византия, превзойдя в своих пороках, однако, даже сам образец.

А этим образцом для Византии был великий Рим.

Это необходимо, потому что Византия явилась «Новым Римом» не только по своему на-

званию, но и по духу, по порочности и презрению к правам человека, хотя в то же время, по неисповедимой судьбе Промысла, она смогла сохранить в себе в полной чистоте и неприкосновенности заветы первых христиан, которые потом передала такими же чистыми и нашей Родине...

Рим — первообраз Византии — при первых императорах достиг высшей точки своего развития. Он стал господином всего мира. Все страны и народы были покорны ему. Борьба за обладание миром кончилась, кончились все военные тревоги, наступило время воспользоваться плодами многовековых трудов отчаянной борьбы за существование.

«Pigritia est mater omnium vitiorum» «лень есть мать всех пороков» -эта прописная истина оставлена нам римлянами, и на них она подтвердилась, как нельзя больше.

Лень же явилась следствием бездействия.

Простота сменилась роскошью, которую себе даже представить трудно. Вместе с роскошью в римском народе началось и растление нравов, и началось оно именно с роскошного дворца императоров, откуда распространи-

лось в домах патрициев, вызвав, как противника себе, ужасающую нищету плебеев, то есть главной составной части римского народа.

Рим, великий Рим, приходил к концу... Он, развращенный, терял права на свое существование. Сама судьба, казалось, вела его к гибели, награждая Неронами, Калигулами, Клавдиями с их Поппеями, Мессалинами и так далее. Это было заметно, но сами римляне ничего этого не видели, а те из них, которые и не были слепы, не смели говорить, потому что всякое слово, всякий протест против существовавшей разнузданности грозил опасностью для жизни, что и доказал пример первых христиан, выступивших с кратким пассивным протестом...

Самым замечательным временем Рима, с которого, собственно говоря, и начался упадок всемирной империи, должно считать то, которое предшествовало появлению христианства, и следовавшее за ним время после гонения на первых христиан при Нероне.

Старый Рим клонился к упадку.

Царившая в нем сказочная роскошь рас-

глевала нравы. Народ бездельничал. Пользуясь правами и преимуществами римских граждан, чернь не хотела труда. Но самым пагубным злом явились для Рима преторианцы.

Они до известной степени явились одной из самых явных причин падения всемирной империи.

История рисует нам римскую жизнь в таких непривлекательных красках, что даже теперь, по истечении семнадцати-восемнадцати веков, стыдно становится за человечество, имевшее своим особенно ярким представителем Рим и его обитателей.

Но, несмотря на внутреннее безобразие, Рим еще три с половиной века был крепок своими традициями. Народы в нем видели не только всепобеждающего властелина, но и важный рынок для сбыта своих продуктов и изделий.

Это до известной степени поддерживало Рим на прежней высоте.

Но чего стоила эта высота!

Рим самого себя принес в жертву миру, потому что и в самом деле, падая все ниже и ниже, он нес свою службу человечеству, если не

мечом, то самим собой...

Он утопал в своих собственных пороках, но это противно натуре людей, и стоило только христианству показать новые идеалы жизни, как именно в этом-то самом развратном, порочном и павшем в пропасть Риме они нашли себе наибольшее число приверженцев и последователей, ярким примером доказавших, что добродетель сильнее порока, а добро — зла...

Римляне сначала считали христианство одной из восточных сект и смотрели на него, как на религию рабов. Но вскоре эта религия, быстро развившаяся за пределами Рима, обратила на себя внимание, и семейство римлянина Праскилла первое отрешилось от древних традиций римского патрициата и явно высказалось за христианское учение, в духе которого матери стали воспитывать своих детей.

Быстрое распространение христианства и его отчуждение от римских городских богов, а также церемоний в честь императоров, обратили внимание правительства, и римское языческое общество, заметив развивающийся-

ся прозелитизм в своих семьях, обнаружило нерасположение к христианам, к которым особенно благоволили римлянки. Многие из них стали оставлять семьи для участия в ночных богослужениях в катакомбах. В семьях поселился раздор, а последствием его была ненависть к христианам. К тому же христиане, распространяя свою религию, не только убеждали прозелитов в ее превосходстве перед другими религиями, но и открыто нападали на язычество. Такое воззрение выработало религиозный энтузиазм, составлявший силу христианской церкви, но в то же время это оскорбляло национальные чувства римлян, и они вступились за свою религию, несмотря на то, что она уже давно утратила свое достоинство в их глазах. Таким образом, враждебное отношение к ней христиан и название новой религии «истинною» вызвало нерасположение всего римского общества, а затем и правительства, которое не замедлило изменить своей обычной политике и вмешаться в дела религии. Поводом для вмешательства правительства в религиозные дела, во-первых, было то, что император, как представи-

тель высшей религиозной власти, обязан был вступить за свою религию, на которую открыто нападали христиане. Во-вторых, нарушение христианами религиозных, освященных веками обрядностей, признавалось опасным для государства, потому что это могло раздражить богов. Так как христиане отказывались от участия в языческих обрядах, то это было признано язычниками за безбожие, и правительство стало недоверчиво относиться к людям, которые отказывались от участия в обычных церемониях, сопровождаемых иллюминациями, украшением статуй и вообще от участия во всех государственных праздниках. К тому же христиане, начиная со второго века, образовали многочисленное и прочно организованное общество, которое в глазах римских властей было обществом тайным, а потому опасным для могущества империи. До императоров и сената то и дело доходили самые дикие обвинения в адрес христиан, не замедлившие распространиться и в народе. Так, например, цезарь и патриции слышали, что христиане, собираясь тайно на сходки, употребляли в пищу человеческое мясо и кровь,

но разве они могли постигнуть, что такое обвинение основано на темных слухах, что христиане за общими своими трапезами вкушали кровь и плоть Христа, под видом хлеба и вина. Считая их безбожниками, за которых боги наказывали Рим засухой, неурожаями, землетрясениями и другими несчастьями, цезари начали преследования христиан, убедив народ, что они вступаются за поправных божеств его...

Преследования начались с Нерона, который поджог Рим, приписав пожар гневу богов и обвиняя в нем христиан. Но все-таки до времен Траяна не было особого закона против христиан, и им приходилось испытывать беды только от разнузданной народной массы.

Наконец, при Деции начались систематические гонения на христиан за отказ поклоняться статуям богов и не в одном Риме, а во всей империи. Два года продолжались это гонения, в течение которых христиан подвергали ужасным пыткам, их мучили до смерти, и самой легкой из смертей было обезглавливание. Храмы христианские жгли и разрушали, но это только увеличивало число мучеников

церкви, и император был не в силах истребить христианство, которое настолько глубоко пустило свои корни в языческую почву в продолжение двухсот лет, что вся свирепость гонителей, несмотря ни на какие усилия, не могла их искоренить.

Но вот, настало время царствования Диоклетиана, которому жрецы объявили, что присутствие христиан лишает внутренности животных, приносимых в жертву богам, силы прорицания, что подтвердил и оракул Милета, указавший на истребление христиан, как противников богов, и их религии, как на средство возратить в Рим милость богов.

Диоклетиан послушался голоса, враждебного христианству, и приказал повсеместно в империи разрушать христианские храмы, жечь священные книги, сажать в тюрьмы священников и пытками заставлять всех без исключения христиан приносить жертвы богам, а ослушников императорского повеления наказывать смертью.

Эта угроза императора все-таки не утратила христиан.

Их мучили, сжигали заживо, привязывали

к раскаленным металлическим сиденьям, рубили, травили дикими зверями, лишали зрения, вырывали зубы, сажали в ямы с негашеной известью, рвали кусками их тело еще при жизни.

Не будучи в силах достичь желаемого результата такими мерами, христиан даже склоняли к даче ложных свидетельств об отступлении от христианства, то есть, предлагали им спасение жизни путем лицемерного обмана.

Но все оставалось втуне.

Ничто не остановило роста христианства. Гонения только утверждали его последователей в их чувствах и убеждениях, подготавливая окончательное падение язычества и торжество истинной религии...

Это происходило за двадцать лет до вступления на престол императора Константина, впоследствии названного Великим, так как именно со времени его царствования христианская религия сделалась господствующей в Римской империи...

Диоклетиан, утомленный борьбой с христианством и введением новых реформ в им-

перии, в 305 году от Рождества Христова сложил с себя титул императора и, удалившись на родину, стал заниматься садоводством, предоставив управление империей своим цезарям Лицинию и Констанцию Хлору, между которыми вскоре возникли раздоры, выдвинувшие в центр исторических событий Константина, сына Констанция Хлора.

Междоусобная война соправителей окончилась решительным поражением легионов Лициния от легионов Константина, наследовавшего титул цезаря после смерти своего отца и провозглашенного легионерами императором.

Легионы Константина, доставившие ему императорский титул, состояли из христиан, которые, помня хорошее отношение к ним его отца и благочестивой матери Елены, ставшей христианкою, были преданы своему императору, несмотря даже на то, что он был язычником. Кроме того, они были воодушевлены данными им Константином знаменами с изображением креста, вместо римского орла.

Такая замена орла на символ христианско-

го спасения произошла следующим образом.

Константин перед сражением со своим соперником Максенцием увидел во сне сияющий на небе крест с надписью, которую можно перевести по-русски словами: «Сим знаменем победишь». Под впечатлением этого сна он тотчас же приказал обложить золотом копье с крестообразной перекладиной и привести к ней пурпурную ткань с изображением на ней своего портрета с сыновьями и это знамя, увенчанное крестом, вручил своим легионам, а вместе с ним и щиты, также с изображением креста. Легионы, считая себя под покровительством креста, с религиозным воодушевлением бросились на неприятеля и, разбив его, доставили Константину единодержавие в империи. Константин, получивший в истории титул Великого, после вступления на престол прекратил преследования христиан и дал полную свободу развитию их религии, но в то же время не стеснял и язычества. Христианская религия, благодаря этому, быстро стала распространяться во всех слоях общества, над могилами мучеников стали строиться христианские храмы, а богослужение,

совершаемое до того времени в криптах катакомб подземного Рима, перешло в открытые храмы и совершалось совершенно открыто.

Но это предпочтение «религии рабов» перед древнеримской породило неудовольствие при дворе императора, а новый его строй и изменение государственной жизни, вместе с разделением империи на префектуры, оказались очень не по сердцу высшим сословиям. К большому прискорбию императора образовались партии недовольных. И он сам, не чувствуя безопасности в Риме, задумал расстаться с ним и основать новую столицу. Константин долго отыскивал место для основания новой столицы, и, наконец, остановил свой выбор на дорийской колонии Византии, подчиненной Риму при обращении Греции, Македонии и Фракии в римской провинции и разрушенной, как было упомянуто выше, в конце второго века римлянами за попытку освобождения.

Константин, облюбовав Византию и объявив, что здесь будет новая столица Великой империи, согласно древнеримскому обычаю сам провел плугом ее границы, и вот, на рубе-

же Европы и Азии, в 330 году возникла столица Восточной империи и была названа ее основателем «Новым Римом», а народом -Константинополем.

Новая столица, благодаря прекрасному климату, выгодному местоположению и дарованным привилегиям, вскоре затмила своим великолепием гордый старый Рим и стала столицей не только могущественнейшего государства, но и колыбелью православия и центром восточной империи...

Мы остановились так надолго на характеристике Рима, чтобы показать нашим читателям, как возрос Новый Рим — Константинополь, явившийся в нравственном отношении осколком старого.

А теперь, покончив с этим старым, мы перейдем к новому.

6. НОВЫЙ РИМ

Константин Великий, восстановив в достойном новой столицы блеске Византию, все еще оставался в Риме.

Важный шаг — признание христианства государственной религией — был уже совершен им, но сам Константин все еще не проникся великими истинами нового учения и, если и не оставался язычником в душе, то сохранил все-таки все, что было отличительной чертой римлян в период упадка.

Он был коварен, жесток, свиреп. Кровопролитие не останавливало его. Он легко отдавался первому порыву и под влиянием его совершал преступления, которые были бы немыслимы, если бы он проникся истинами христианства до глубины души.

К таким преступлениям должно быть отнесено убийство Константином своего сына — юноши Криспа.

Этот юноша был рожден императором от первой его жены Минервины и, как первенец, являлся наследником престола. Крисп, воспитанный под наблюдением философа

Лактанция, оказался чрезвычайно способным полководцем, а по личным качествам — человеком чрезвычайно симпатичным. Признанный в 17 лет цезарем, он управлял Галлией, освободил ее от германцев, отразил в междоусобной войне своего отца с Лицинием неприятельский флот и всем этим успел приобрести себе уважение войск, любовь народа и почесть при дворе. Но, на свое несчастье, этим он возбудил в своем отце завистливое чувство к себе.

Это чувство обратилось в ненависть, и, когда мачеха Криспа Фауста оговорила юношу перед своим супругом и его отцом в попытке соблазнить ее, Константин, не слушая никаких оправданий своего первенца, приказал его казнить.

Однако, народ, солдаты, придворные все были за Криспа, все требовали его оправдания, и испуганный Константин не посмел противиться народной воле. Он сделал вид, что милует сына, и ограничился только ссылкой его в Истрию, где вскоре несчастный юноша был по приказанию отца убит...

Но в этой смерти сказалась воля судьбы.

Весть об убийстве Криспа вызвала в Риме такое негодование — тем более, что Фауста была изобличена в это время во лжи матерью императора Еленой, — что пребывание Константина в Вечном городе стало небезопасным. Народ прямо оскорблял его на улицах, и, скрепя сердце, Константин покинул Рим, объявив, что он переносит столицу империи в Византию.

С этих пор началось не прекращавшееся вплоть до разорения Византии сперва крестоносцами, а потом турками, великолепие этого города, затмившего собою Рим.

В течение девяти столетий копились здесь лучшие произведения искусства, особенно вааяния. В Византию было перенесено из Рима древнейшее изваяние волчицы, своей тенью показывавшей часы. Тут была колоссальная статуя Юноны, конная статуя Беллерофонта, громадная статуя Геркулеса, захваченная римлянами в Таренте, необыкновенная по своей красоте статуя августы Елены, святой матери основателя Византии императора Константина. Каждый из императоров стремился украшать свою столицу статуями и бю-

стами, и своими, и своих предшественников, и выдающихся людей своего царствования.

Самый город, который таким образом являлся сокровищницей богатств всего мира, вполне соответствовал своему назначению. Еще только наметив здесь место новой столицы, Константин Великий сам копьем начертил на земле направление ее стен, и эти стены, как свидетельствуют историки, были в семь раз больше стен прежней Византии. Заботясь о блеске новой столицы, первый христианский император построил множество богатых зданий, собрал массу памятников и драгоценностей из всех мест своей империи. Главная городская площадь, как и в Риме, носила название форума. Она была великолепно разукрашена портиками, триумфальными арками, часть которых сохранилась до нашего времени «Горелая колонна». Ипподром «ныне Ат-Майдан», для излюбленных в то время сначала римлянами, а потом и византийцами, конных состязаний, был возобновлен и окружен роскошнейшими по своей архитектуре и убранству зданиями, украшен древними статуями, свезенными отовсюду.

Наконец, устроен был колоссальный водоем, известный под названием «Тысяча и одной колонны». Выстроено было множество церквей, отличавшихся сказочным, доступным только восточной фантазии, великолепием. Возводя новую столицу, Константин Великий назвал ее Новым Римом, но современники и потомство, признавая обновленный новый город созданием исключительно этого императора, назвали его городом Константина — Константинополем, а название «Новый Рим» сохранилось в надписи на одной из колонн ипподрома. Но, вместе с тем, за новой столицей осталось и прежнее название — Византия.

Чтобы привлечь в Византию возможно больше населения, Константин давал жителям массу льгот и преимуществ, причем члены городского совета возводились даже в сенаторское достоинство. Следовавшие за Константином императоры действовали в том же направлении.

Византия, т.

Е. Константинополь, несмотря на разрушавшие его несколько раз землетрясения,

опустошительные пожары, набеги варваров, быстро разросся. Он состоял из 14 округов, из которых 12 лежало внутри городской стены. За нею расположен был также лагерь семитысячного отряда готов -телохранителей царствовавшего императора, который собственно и составлял 13-й округ «ныне Галата». В 14-ом округе, тоже загородном, находился Влахернский дворец.

Стена Константина в 411 году была разрушена землетрясением и вновь восстановлена Феодосием II, ввиду ожидавшегося нападения гуннов. Эта стена через 14 лет тоже была разрушена землетрясением, и только в 477 г.

Была выстроена почти сохранившаяся и поныне двойная Феодосиева стена «эта стена тянулась на север до Золотого Рога и на юг до Мраморного моря на протяжении 6800 метров и извилистой дугой огибала город с северо-запада и запада; остатки ее видны и поныне». Строительство стен являлось настоящей необходимостью, потому что Константинополь и его богатства отовсюду как магнит привлекали к себе варваров «за время своего существования Константинополь выдержал

29 осад и восемь раз был в руках врагов».

Но особенно замечателен был большой императорский дворец, выстроенный Константином Великим между ипподромом и роскошными садами, уступами спускавшимися к самому Босфору. Особенного великолепия он достиг при Феодосии, выстроившем в садах дворца пять различных церквей.

Дворец этот поражал даже варваров красотой своей архитектуры. Колонны из фригийского мрамора поддерживали полукруглые портики, везде было золото, серебро, мрамор, порфир, живопись, мозаика, пурпур. В садах, кроме естественных деревьев, было установлено отлитое из бронзы дерево с искусственными птицами, заводившимися во всякое время и, таким образом, певшими по первому приказу императора. У входа во дворец поставлены были прекрасно вылитые из золота львы, которые ворочали головами и издавали рычанье. В разных местах дворцового парка были фонтаны, бассейны которых по краям были выложены серебряными плитами.

Как и в древнем Риме, самой роскошной частью дворца был триклиний.

Каким был Константинополь, всего видно из описания путешественника Вениамина Тудельского, который говорит:

"Здесь, в этой царице городов, собраны богатства всей греческой (византийской) империи. Башни Константинополя полны доверху запасами золота, шелка, пурпура. Ежедневно уплачивает этот город своему правительству 20.000 золотых монет «вероятно, „византин“, или, иначе, солидов», собранных с лавок, харчевен, рынков, где торгуют купцы из Египта, с Руси, от Венгров, из Рима, Испании, Африки и всего мира."

Это свидетельство очевидца относительно доходов указывает, что Константинополю было на что украшаться и год от года становиться все более и более великолепным.

Ясно, что это великолепие поглощало массу средств. Но куда же было их девать, как не на украшение столицы? Государственные доходы превышали расходы, а все правители как Рима, так и Византии, никогда не давали себе труда заботиться ни о народном благосостоянии, ни о укреплении государства в его границах. Они стремились только создавать

свои престолы да, добившись власти, жить в свое удовольствие, не думая ни о чем другом. Провинции страдали. За их счет шло украшение столиц, но столицы защищались от врагов, а провинции первые выдерживали нападения варваров. Мы уже видели, как украсился за счет целой империи один только Константинополь.

В нем одно здание нового Капитолия стоило сумасшедших денег. Кроме Капитолия, было два театра, восемь публичных бань, пятьдесят два портика, четыре громадных зала для заседаний сената, четырнадцать церквей, четырнадцать дворцов и четыре тысячи частных домов, принадлежавших исключительно местным богачам...

Бедность ютилась, где попало...

7. СВЯТАЯ СОФИЯ

Ранее мы говорили о великолепии византийских зданий...

Рим, в свое время, тоже был замечателен своими постройками. Римские театры и, вообще, публичные постройки поражали своей грандиозностью. Об этом и теперь нам говорят развалины Колизея, воздвигнутого при Веспасиане евреями-рабами, которых Тит привел из Иерусалима после его разрушения.

Не меньшей славой пользовался и пользуется сохранившийся до сих пор мавзолей Адриана. Затем обращали на себя внимание водопроводы, публичные бани, триумфальные арки и, наконец, храмы богов.

Христианская Византия также посвятила много труда украшению храма Единого Бога. Церкви Константинополя поражали своей величественной архитектурой и великолепием отделки внутри.

Но со времени Юстиниана гордостью Константинополя, или Византии, стал построенный этим императором храм святой Софии, в память усмирения бунта, когда этот государь

едва не лишился престола.

Задумав соорудить храм, Юстиниан обратился к знаменитейшим зодчим своего времени — Анфимию из Траллеса и Исидору из Милета.

Он желал, чтобы воздвигаемый храм стал для него великим памятником, и потому не щадил для постройки никаких издержек. Под руководством Анфимия и Исидора на постройках ежедневно были заняты до 10.000 человек каменщиков, плотников и других работников.

По мысли Юстиниана, храм святой Софии должен был превзойти все когда-либо существовавшие храмы своей величиной и роскошью. Золото, серебро, слоновая кость, дорогие породы камней использовались для постройки и украшения в несметном количестве. Со всех концов империи свозились колонны и глыбы редких мраморов, шедшие на убранство храма. Результатом было то, что невиданное и неслыханное великолепие поразило даже народную фантазию, и в Византии сложились легенды, что в постройке зодчим помогали сами небесные силы.

Там, где Юстиниан задумал постройку, был уже храм во имя божественной мудрости — святой Софии, построенный Константином. Храм, над которым место святого Креста так оскорбительно для христиан уже четыре столетия занимает магометанская луна, построен на том же месте, как и первый, но гораздо позже. Первый был мал для многочисленного христианского населения, и Констанций, сын Константина, увеличил его. В 404 г., в царствование Аркадия, он был сожжен во время смятения. Император Феодосий вновь отстроил собор. Впоследствии он еще раз сгорел, и только император Юстиниан выстроил новый каменный храм св. Софии в несравненно больших размерах и с большим великолепием. Этот-то храм и сохранился до наших времен. Чтобы выполнить свой замысел, император приказал всем губернаторам отыскивать мрамор, колонны и скульптурные украшения для нового храма. Последний пожар, уничтоживший остатки прежнего храма, был в январе 532 года, а 23-го февраля того же года был заложен первый камень нового. Новый храм возводился около семи лет, и в

декабре 538 года праздновалось окончание строительства, но семнадцать лет спустя восточная часть главного купола обрушилась от землетрясения и пала на драгоценный алтарь и амвон. Это несчастье нисколько не уменьшило рвения Юстиниана: он возобновил церковь с большою прочностью и великолепием, и 24-го декабря 568 года, перед днем Рождества Христова, праздновали ее освящение. Под руководством двух главных архитекторов — Анфимия Траллесского и Исидора Милетского — сто других архитекторов управляли работами, и каждый из них имел под своим начальством по сто каменщиков. Пять тысяч работников трудились на правой стороне храма и столько же на левой. По византийским преданиям, Ангел начертал план этой церкви императору во время сна. Император ободрял работников деньгами и своим присутствием и, вместо того, чтобы по восточному обычаю отдыхать после обеда, он, обвязав голову платком и с палкою в руке, ходил осматривать работы в самой простой полотняной одежде. Все сословия внесли денежную дань на построение храма. Мрамор всех цве-

тов — белый, розовый, зеленый и голубой, гранит Египта и порфиры, а также драгоценные колонны, извлеченные из разных древних языческих храмов: восемь порфировых колонн нижнего этажа знаменитого храма Солнца в Баальбеке, другие восемь из храма Дианы в Эфесе — украшали его. Замечательно, что материалы, вошедшие в состав здания, взяты из храмов, принадлежащих почти всем языческим религиям, так что оно опиралось на колонны храмов Изиды и Озириса, Солнца и Луны (в Гелиополисе), Минервы Афинской и Аполлона Делосского.

Вообще, во всем здании преобладает форма святилища храма Соломонова.

Чтобы легче понять устройство собора св. Софии, надо вообразить пространный четырехугольник, к которому с четырех его сторон примыкают четыре меньших квадрата и тем образуют внутри главные части здания и форму креста. По углам среднего большого квадрата выстроены четыре массивных столба (пильеры), вершины которых соединены между собою полукруглыми арками, и поверх всей этой аркады возвышается огромный ку-

пол, имеющий 35 метров в диаметре. Купол, по-видимому, опирается на арки только четырьмя точками, а остальная часть его поддерживается пандативами (треугольники в пересечении арок), которые начинаются на острых углах пильеров и идут вверх, так незаметно округляясь, что кажутся простыми легкими жилками, а точки опоры этого гигантского свода ускользают от глаз наблюдателя, и купол кажется висящим в воздухе. Верхняя точка свода возвышалась на 61 метр над полом церкви; длина церкви внутри стен 81 метр, а ширина 60 метров. К восточной и западной части среднего свода примыкают два полукупола и к каждому из них по три ниши, так что крыша главной части здания состоит из девяти куполов, возвышающихся один над другим. Остальная часть была покрыта мраморными плитами, а сами купола — свинцовыми листами. Полукупола и ниши поддерживаются как четырьмя главными пильерами, так еще другими четырьмя меньшими, и под каждой нишей — по две порфиновые колонны с капителями и базисами из белого мрамора. С севера и юга главного квадрата,

под арками, между каждыми двумя большими пилерами, помещаются по четыре колонны из прекраснейшего гранита, поддерживающие хоры или галереи для женщин, которые у древних христиан стояли во время богослужения отдельно. На 24-х других колоннах из египетского гранита примыкают к хорам боковые галереи, освещенные окнами в три яруса: в нижнем и среднем по семи окон, а в верхнем пять. Главный купол освещен 4-мя окнами. Над 40 колоннами нижнего этажа расположены в верхних галереях 60 других и выше входных дверей еще семь, так что всего 107 колонн. Этому числу на Востоке приписывали таинственное значение. Все колонны верхнего этажа мраморные или гранитные, превосходно полированные и гладкие, но карнизы и архивольты поверх этих колонн совершенно фантастические. Они украшены бесчисленным множеством листьев и полосок в виде галунов, перемешанных и переплетенных между собою. Главный купол, для соединения полного развития его размеров с легкостью стиля, сложен из глиняных горшков, которые до сих пор удивляют своею кре-

постью; они сделаны из легкой глины, найденной на острове Родосе, и так легки, что вес 12-ти горшков равен весу одного обыкновенного кирпича. Стены сложены из кирпича и все покрыты мраморными плитами, а пилеры — из больших известковых камней, сцепленных между собою железными связями, и гладко оштукатурены известковым раствором на масле под мрамор различных цветов.

Карниз над основанием купола сделан из белого мрамора: простота господствует в его профиле. Везде на стенах блистали прежде изображения Богоматери, апостолов, евангелистов и греческих крестов, с надписью: «Сим знамение победиши!» В куполе сделано изображение Отца Предвечного и четырех херувимов. Все это было исполнено из мозаики и цветного стекла, смешанного с серебром и золотом. В четырех пандативах помещены мозаичные изображения херувимов колоссального размера. Перед входом в храм был атриум, четырехугольный открытый двор, обнесенный портиком и вымощенный плитами, посреди которого был сделан бассейн. Одна только передняя галерея партекса, или па-

перти, была без украшений. В следующей внутренней галерее у входных дверей был представлен мозаичной работы архангел Михаил с огромным поднятым мечем. Все живописные изображения были нарисованы красками по золотому полю. В восточной полукруглой части был помещен престол, патриаршее место и другие места для соборного сидения. Эта часть была отделена невысоким иконостасом из кедрового дерева, украшенным 12-ю серебряными колоннами, на котором помещены образа Спасителя, Божией Матери, апостолов и другие. Главные богатства были заключены в алтаре: золото, серебро и драгоценные камни блистали там на каждом шагу и особенно в украшении престола. Император желал, чтобы он был сделан из вещества, которое было бы драгоценнее золота, а потому верхнюю доску его сплавил из золота и серебра с мелкими драгоценными камнями и алмазами. Неудивительно, что, по преданию, император при виде своего творения, взойдя в него, с восторгом сказал: «Хвала Господу, удостоившему меня кончить этот храм! О, Соломон! Я превзошел тебя!» У нас в России

храм этот служил образцом для знаменитой древней церкви, построенной в Киеве также во имя святой Софии Ярославом, и для Софийского собора в Новгороде. Константинопольский храм, почитавшийся чудом средних веков, в настоящее время лишен почти всех своих украшений: огромные ковры скрывают его прекрасный мраморный пол. Все мозаичные изображения на стенах каждые два года безжалостно закрашиваются, и самые части мозаики разобраны и проданы иностранцам. Вся живопись, знаменитый образец нашей церковной, которая в XI и XII веках проникла не только в Россию, но и в Италию и Францию, также забелена. В боковых нишах, около бывшего алтаря, помещены две вазы для омовения поклонников лжепророка. На месте изображения Предвечного Бога, в главном куполе, написаны стихи из корана. Высокие минареты, пристроенные к церкви турецкими султанами, придали смешанный, неопределенный характер зданию. Кроме того, наружность обезображена тяжелыми контрфорсами; христианский крест на вершине главного купола заменен по приказанию султана Му-

рада III полумесяцем. Замечательно, что многие мозаичные изображения, несмотря на старания турок, часто освобождаются из-под окраски и остаются незабеленными. Так, например, сохранился образ святой Богородицы в алтаре.

Такова святая София в Константинополе в прежнем своем виде.

8. ЗДАНИЕ НА ПЕСКЕ

Вот каков был Новый Рим по своему велико-лепию.

Своей внешностью он превзошел даже древний Рим и стал, действительно, столицей мира, но и с внутренней, духовной стороне, он мало чем уступал своему прообразу.

Мы уже видели, чем был Рим при начале своего падения, но это был Рим языческий, боровшийся всеми своими нравственными силами с новым мировоззрением и павший в этой борьбе. Константинополь, заняв место Рима, перенес к себе на новое место и все характерные его особенности.

Это был тот же Рим, но — увы! — христианский...

Впрочем, и в отношении порочности Новый Рим несомненно превзошел старый...

Население города, собравшееся с разных сторон мира, разнородное, разнохарактерное, не связанное племенными узами или общими интересами, соединяло в себе все пороки европейского, еще не успевшего вполне освободиться от языческих веяний, человечества с дурными качествами азиатского мира. В нем тесно было переплетено друг с другом стремление к роскоши с кровожадностью, чувственность с ложным благочестием, спесь с низкопоклонством. Страсть к зрелищам, волнуящим кровь, разжигающим фантазию, вызывающим постоянное возбуждение, переходила с арены и ипподрома в жизнь и народа, и высших слоев общества, и в политику, и даже в то, что, казалось бы, должно было быть для всех неприкосновенным, — в религию. Сразу породилось множество сект, главы которых искажали серьезность христианского вероучения и увлекали за собой не установившихся еще в правилах веры людей, что также не оставалось без пагубного влияния на общественную жизнь. Шли бесконечные и

в то же время совершенно бесполезные, ничего не выявившие религиозные споры, сами императоры принимали в них иногда чересчур горячее участие, так как они считали себя главами не только государства, но, по примеру Константина Великого, и церкви.

Другого рода смуты вызывались то честолюбивыми полководцами, добивавшимися для себя — и очень часто не без удачи — императорской короны (в Византии, так же, как и в Риме, не было установлено прочного порядка престолонаследия), то различными временщиками, куртизанками, фаворитами и фаворитками, то, наконец, императрицами, дарившими в огромном большинстве не своим супругам, а первым, кто им успел понравиться, свою любовь, а, вместе с тем, и императорскую корону.

Бывали случаи, что по милости императриц на византийский престол вступали простые дворцовые слуги. Так, известен факт, что предшественником Юстина — простого солдата — был дворцовый служитель Анастасий, понравившийся императрице Арианне тем, что у него один глаз был голубой, а другой

черный. Чтобы сделать его своим мужем и императором, Арианна воспользовалась обмороком императора Зенона, своего законного мужа, отравившего, чтобы сделаться императором, своего сына. Она объявила Зенона умершим и приказала немедленно похоронить его. Несчастный был зарыт в могилу живым. Императорские гвардейцы слышали из могилы надрывающие душу крики, но не решились подать помощь заживо погребенному, и он задохнулся под землей «в 491 г.». Жена императора Юстина, о котором сказано выше, Лупицина Евфимия была рабой, а жена племянника Юстина Циранда, восшедшего на византийский престол под именем Юстиниана «строитель храма св. Софии», Феодора была дочерью циркового дрессировщика медведей, цирковой актрисой, окруженной неревнивыми поклонниками, и в след за этим византийской императрицей, разделявшей с мужем власть над жизнью и смертью своих подданных.

Впрочем, как Юстин, так и Юстиниан, славяне по происхождению, были одними из лучших императоров Византии. Лупицина

Евфимия была простая, но добрая женщина, а Феодора сумела держать себя в качестве императрицы с редким тактом, чего нельзя сказать о ней, как о женщине и супруге.

Вообще, история рисует нам византийские нравы в самых неприглядных красках. Это — целый ряд кровавых казней, измен, насильственных захватов власти, отрав, пыток, страшной мести и так далее. Женщины, даже императрицы, совершенно равнодушно переходили от одного мужчины к другому. Дети составляли заговоры против родителей, родители против детей, дворцовые евнухи захватывали власть в свои руки, полководцы уважались не за храбрость, не за способности, а за искусство интриговать. Сегодняшний император завтра мог пасть под ударами наемных убийц, а сегодняшний приговоренный им к смертной казни в это же завтра сам начинал царствовать. И среди этого — бесконечные богословские споры, торжественные процессии и так далее.

Понятно, что при таком порядке вещей императоры должны были волей-неволей заискивать перед чернью и потакать самым

грубым ее инстинктам. Начиная с Константина Великого, по примеру римских императоров в Константинополе черни раздавался хлеб, вино, оливковое масло и деньги. В таком положении большинству не зачем было что-нибудь делать — чернь могла жить без занятий, так как дневное пропитание у нее было обеспечено. Раз это было так, сытый народ не знал, куда девать свободное время, и так же, как в Риме, требовал зрелищ. Императоры не решались отказывать ему в этом, тем более, что императорская гвардия Константинополя была тем же, чем преторианцы последнего времени Рима. Она сама выбирала себе вождей и ставила их на престол, не спрашивая даже воли народа. Император, вступая таким образом во власть, не знал, на кого ему опираться — на народ или на гвардию. Угодить же тому и другому удавалось редко. Если император не угождал гвардии, она свергала его, если он не угождал народу — начинались мятежи. Эти мятежи были злом для Византии. Они сопровождались страшными и чаще всего беспричинными кровопролитиями, грабежами, пожарами. Победа той или другой

партии ипподрома очень часто влекла за собой народный мятеж. Одно из таких возмущений было при Юстиниане. Причина его была пустяшная. Борьба голубых и зеленых во время ристалищ вызвала спор. Спор перешел в город, праздный народ поднял оружие и осадил императорский дворец. Знаменитый полководец Велизарий, собрав горсть оставшихся верными солдат, кинулся на бунтовщиков, произвел в их рядах смущение, заставил отступить в цирк. В один миг ворота были заперты, и 30.000 человек очутились в ловушке...

Немногие вышли из нее...

Таково было положение народа и императоров в Константинополе, где сосредоточена была вся жизнь восточной римской империи. Из всего сказанного ясно, что, возникнув при Константине, разделившись с Римом при Галерии, она тотчас же начала клониться к упадку, как клонится и всегда близко к падению всякое здание, построенное на песке.

Византия, вся страна, все государство, вся восточная империя и олицетворявший ее Константинополь, была именно таким здани-

ем...

9. ПОД ПЫШНОЙ ДЕКОРАЦИЕЙ

Несмотря на свое великолепие, Византия представляется воображению как организм, снедаемый страшными недугами.

Это были недуги нравственные. Лихоимство, низкопоклонство, интриганство, неправоудие, пьянство — все это существовало в византийской империи.

В одной обличительной проповеди сохранилась такая характеристика Царьграда.

"Наш град — блудница, вертеп разбойников, жилище убийц, наша столица — град плачущих и стонущих. Почему же это? Потому что справедливость покинула ее, и она возненавидела правосудие. Потому что в него ушли ростовщики и льстецы. Потому что в нем царят ложь, интрига, высокомерие, насилие. Наш город — источник зла для всей страны, из него повсюду распространяется зараза. Правящие нами творят беззакония, торгуют правосудием, любят дары, за все требуют вздаяния. Сборщики податей отнимают у нас последние крохи. Исчезли стыд и целомуд-

рие, их заменили страсть к наживе и всякие вожделения. Господствуют наглость, суетные заботы — как бы приумножить свое имущество, как бы поесть и попить. Женщины зарятся на мужчин, мужчины — на женщин.”

Пьянство не представляло, по всей вероятности, очень распространенного порока. В южных странах, в Италии и Греции, где растет виноград и народ имеет возможность пить вино ежедневно, почти никогда не видишь пьяных на улицах. По всей вероятности, так было и в Византии, где по большей части пили вино с водой.

Но пьяницы все-таки встречались.

В одном византийском памфлете говорится: "Не входи в мои виноградники, Иаков, не срезай у меня лозы, не выжимай у меня винограда, ибо ты, как сухая губка, вбираешь в себя вино всеми частями. Ты пьешь целую ночь и, хвастаясь, говоришь: я не примешал к вину воды, как делают трактирщики, ни горячей, ни холодной; я пью его не смешанным.”

В другом памфлете об осмеиваемом лице сказано, что он изучил все столичные трактиры и, поднеся кубок ко рту, пьет, не переводя

дыхания, как животное.

Трактиры были в Константинополе, но посещать их считалось неприличным для людей порядочного общества, и самое ремесло трактирщика считалось позорным. Молодежь кутила, но задавала пиры у себя дома. Об одном важном сановнике, любившем пожуировать, историк Никита Хониат рассказывает: "Не имея себе соперников в обжорстве и превосходя всех в питье вина, он умел подпевать под лиру, играл на арфе и плясал кордакс (комическую пляску с непристойными телодвижениями), быстро перебирая ногами. Жадно наливаясь вином и часто насасываясь им как губка, он не потоплял, однако же, своего ума в вине, не шатался как пьяные, не склонял головы на сторону, как бывает от хмеля, но говорил умно и становился еще одушевленнее в разговоре. Он любил устраивать пиршества и этим приобрел любовь всех лиц, жаловавших веселый разгул. Приезжая к подобным господам, он пил так много, что им долго приходилось отрезвляться и освежать голову. Другие же пили с ним наравне. Это были люди, которые вливали в свое брюхо по

целым бочкам, пили из кувшинов, вместо стаканов. Этот сановник мог не только пить, но и есть необыкновенно много. Особенно любил он зеленые бобы, и вот, когда он однажды был на войне и стоял лагерем на берегу реки, завидел он на другом берегу полосу бобов. Тотчас же, раздевшись до нага и переплыв на другую сторону, он поел большую часть их, но и тем не удовлетворился. Связав остатки в пучки и положив на спину, он перетащил их через реку и, расположившись на полу в палатке, с наслаждением поедая бобы, как будто долгое время ничего не ел.”

Нечего и говорить, что жестокость также была в тогдашних нравах. Делались такие зверства, от которых волосы становятся дыбом. пытки и членовредительные наказания указывают на большую жестокость, но это, по крайней мере, делалось по суду. На суде можно было оправдаться, можно было надеяться, что судьи будут действовать по закону и справедливости. Гораздо хуже был административный произвол. Лиц, заподозренных в заговоре, обыкновенно не судили, а «убирали». Этим пользовались, когда кто-нибудь казался

неудобным. Временщики, как уже сказано выше, играли большую роль в Византии. Они пользовались неограниченным доверием царя и распоряжались его именем совершенно самовластно. Против таких лиц не было управы: они отравляли, конфисковали имущество, ссылали; нельзя было жаловаться на них в суд. Впрочем, если хотели стоять на почве закона, то подбирали подходящих судей, возводили на совершенно невиновных какое угодно обвинение и, считая его доказанным, действовали уже на основании такой-то статьи свода законов. Вот примеры жестокости нравов, господствовавших в Византии.

Один император придумал для своего дяди, имевшего титул деспота, место заключения особого рода. Была крепость, выстроенная на скале; жители ее выламывали камень из этой скалы, и таким образом образовывались глубокие ямы, куда стекала дождевая вода. Вычерпав воду из одной такой ямы, туда спустили по лестнице «деспота» и одного мальчика из его прислуги. Затем закрыли яму и, по словам византийского историка,

"держали страдальца в тесноте и невообразимо несчастном положении. Нечего говорить уже о других неудобствах, о мраке и об удушливом воздухе; а скажу лишь об одном, более важном, что приводит меня в содрогание при одной мысли. Место, где сидели заключенные, было очень тесно; следовательно, по необходимости должны были находиться рядом горшок для известного употребления и хлеб. Можно себе представить, что должно было быть на душе у заключенных во время еды при таком отвратительнейшем запахе! Но этого еще мало; горшок, поднимаемый вечером сторожами на веревке, часто опрокидывался деспоту на голову, потому ли что сторожа издевались над ним или по нечаянности."

Некоего Феодосия, показавшегося неудобным полководцу Велизарию, поместили в совершенно темное подземелье. Тут его привязали к яслям очень короткой веревкой, продетой за шею, так что он должен был стоять все время в согнутом положении и разогнуться не мог; не мог он ни сесть, ни лечь. На ясли клали ему пищу, которую он ел, как живот-

ное. В таком удручающем положении провел он четыре месяца, наконец, сошел с ума и был освобожден. Сейчас же после этого он умер.

Едва ли в каком-нибудь государстве взяточничество было так распространено, как в Византии.

Это была страшная язва, разъедавшая все византийское общество и в значительной степени способствовавшая падению восточно-римской империи. Случаи, когда судьи брали взятки с ответчиков в гражданском процессе, принадлежали к самым обыкновенным. Бывало, что судья возьмет взятку с обеих сторон — и с истца, и с ответчика. Тогда он, надув обоих, оставлял дело нерешенным. Молодые чиновники начинали обыкновенно службу со сборщика податей где-нибудь в провинции, и тут-то они проходили особую школу. Податная система была очень сложна, потому что было много всяких податей, налогов и сборов. Поземельная подать взыскивалась в разных размерах, смотря по тому, какой землей владел платательщик. Земля же делилась, как и у нас в московском государстве,

на три категории: хорошую, дурную и среднюю. Затем было множество дополнительных сборов. Эти прибавки появлялись, когда императоры считали нужным увеличить государственные доходы. Наконец, монетная система бала довольно путаная. Подать высчитывалась на полновесные золотые монеты. Между тем, императоры постоянно чеканили монеты, в которых лигатуры было более против положенного количества. Эти монеты подданные обязаны были принимать за полновесные, но государство не принимало их по номинальной цене. Например, крестьянину следует уплатить номисму (золотую монету в 4 рубля). Он дает сборщику податей монету, которая в ходу, но в которой нет узаконенного веса. Сборщик ее принимает, но высчитывает, сколько ему надо еще доплатить, чтобы его монета имела номинальную ценность.

Вот этой путаницей пользовались молодые чиновники и, под видом податей, вымогали с народа гораздо больше денег, чем следовало платить.

Излишек поступал, конечно, в их пользу, и таким путем составлялось не одно состояние.

На вымогательства сборщиков податей общество смотрело до нельзя снисходительно, хотя по закону за это взимался громадный штраф. Однажды губернатор одной провинции собирался привлечь к суду или наказать собственною властью своего подчиненного, позволившего себе незаконные поборы при взимании податей. Провинившийся чиновник нашел сильного покровителя в лице важного сановника и знаменитого философа Пселла, который написал по этому поводу губернатору письмо приблизительно следующего содержания: «Я уже просил тебя об этом молодом человеке и опять прошу: помогай ему при сборе податей и относись к нему благосклонно. Он не может довольствоваться законным сбором, потому что ему же нужно вернуть свои затраты. Ты, конечно, не позволяй ему поступать противозаконно, но не замечай того, что он делает, так чтобы тебе, глядя, не видеть и не слышать. Таким образом ты можешь в одно и тоже время избежать упрека в незаконных действиях и быть милостивым к сборщикам податей». Это письмо - драгоценнейший перл византийской литера-

туры. У бедного сборщика были большие расходы, прежде чем он поступил на место; другими словами, он дал кому-нибудь приличную взятку: это — достаточная причина, чтобы обирать народ. Что же делать губернатору? Не смотреть, как его чиновники берут взятки, и затыкать уши, если до него дойдет подобный слух. Тогда он и перед начальством будет чист (знать, мол, не знаю, ведать не ведаю), и с подчиненными будет жить в ладу. Вот мораль, достойная великого философа. Другой отличительной чертой византийского общества было низкопоклонство и лакейство. По римской традиции императора боготворили: его называли не только державным и великим, но также божественнейшим и священным. Самые важные сановники падали пред ним ниц и лобызали его пурпурные туфли и колени. В торжественных случаях царю произносили панегирики, необыкновенно напыщенные и необыкновенно лживые. Царствует, например, император самый непопулярный, распутный, и вот среди всеобщих стонов, среди всеобщего недовольства его развратом и тяжестью податей, во дворце разда-

ются слова оратора: «Ты, царь, защитник бедных. Ты поощряешь добрых, караешь злых. Указами твоими ты ввел в государстве правосудие и справедливость, ты не позволяешь сборщикам податей брать незаконных поборов или судьям судить не по закону. Будь жив Гесиод, он вынужден был бы изменить свой порядок: он должен был бы сказать, что сначала был медный век, потом серебряный, а теперь наступил золотой».

10. ЕЩЕ О НЕДУГАХ НОВОГО РИМА

Итак, под пышной декорацией скрывалась такая распущенность, что Рим, действовавший в этом отношении с грубой откровенностью, должен был уступить пальму первенства своему преемнику.

Суеверия, волшебство, гадания, симпатические средства — все это было очень распространено в Византии и не только в народе, но и среди образованного класса.

Думали, например, что существует особое существо в женском образе, так называемая Гило, отвратительная старуха с огненными глазами, железными руками, с головы до пят

покрытая шерстью, похожую на верблюжью. Гило обладает свойством проходить через запертые двери. Она зла, и главное ее занятие заключается в том, что она убивает новорожденных младенцев. Она отравляет также воду источников, из которых пьет скот, и таким образом губит животных. Чтобы избавиться от нее, надо знать двенадцать имен, которые она носит. В тот дом, где знают эти имена, Гило не входит, но бежит за 5000 миль. Наблюдения над значительною смертностью малолетних подали, вероятно, повод к этому суеверию, так как, по некоторым сказаниям, Гило умела обращаться в дух, вселялась в младенцев и высасывала из них материнское молоко. Вера в Гило была так распространена, что однажды нескольких женщин привлекли к суду и обвинили в том, они, оборачиваясь в духов и проникая незаметно через запертые двери, убивали грудных детей. Обвинители были убеждены, что эти женщины умеют принимать вид Гило. К счастью, их судил просвещенный судья и оправдал обвиняемых, считая немислимым превращения в призраков. Но дело на этом не кончилось.

Император Константин Копроним «741 — 775 гг.» усомнился в правильности такого решения. Он призвал к себе судью. Несмотря на пытки, судья стоял на своем, и только тогда царь решился утвердить его приговор.

Волшебство и разные магические средства были в большом ходу. До наших времен дошел трактат, где собраны рецепты подобных средств. Порошок, приготовлявшийся из асфоделя, корня проскурняка, чечевицы, белого мака и лука, назывался противоголодом и обладал таким свойством, что, поев его, можно было много дней ничего не есть. Средство некоей Зинарии, состоявшее из ромашки, белого перца, меда, смирны, шафрана, обладало тем свойством, что стоило только поесть его, как сейчас же забывалось все дурное и вспоминалось только хорошее. Чтобы иметь детей, мужчина должен был намазаться заячьей кровью или гусиным жиром. Женщины, не желавшие иметь детей, носили пуп лягушки, завернутый в тряпочку. Было средство, изобличающее воров. Надо было вырезать у головастика языки, засушить их и смешать с хлебом, затем предложить этот со-

став подозреваемому лицу. Если это был действительно вор, он приходил в экстаз и публично сознавался в воровстве.

Разгадать будущее, найти способ предсказывать его — это одна из тех неразрешимых загадок, которой человечество занималось больше всего.

В Византии практиковались всякие способы гадания, из которых многие перешли в наследство от древней Греции. Вырезали, например, кости животных и гадали по костям. В христианской стране, конечно, не могло быть и речи о жертвенных животных и о жертвах богам, откуда произошел этот обычай; но делались вещи еще более дикие. Жители города Пергама, осажденные однажды сарацинами, схватили беременную женщину, собиравшуюся родить, вырезали из ее чрева младенца и бросили последнего в сосуд с кипятком. Чего они хотели достигнуть этим зверством, неизвестно, но, очевидно, они надеялись получить что-то хорошее за свою жестокость. Были люди, специально занимавшиеся предсказанием будущего и бравшие за это деньги. Они гадали, главным образом,

тремя способами: по особому рода книгам, по звездам и по снам. Существовали сивиллины книги, заключающие загадочные и очень туманные изречения о византийских императорах. Эти загадки старались объяснять и применять их в разных случаях. Вот, например, в сивиллиной книге было сказано: пятидесятая цифра возьмет перевес над сороковой. Когда против императора Михаила VII восстал Никифор Вотаниат, последнему на этом основании предсказали, что он победит и будет царем. Действительно, цифра 50 обозначалась у греков буквой Н, а 40 буквой М. По изречению, Н должно было одолеть М, то есть Никифор — Михаила.

Снотолкование было своего рода наукой. Сны рассматривались как особому рода откровения, как впечатление, получаемые душою в то время, когда она в течение сна разлучается с телом. Не стоит распространяться об этом, потому что у нас самих до сих пор в большом ходу сонники, и Византия не представляла в этом отношении ничего оригинального.

Астрология — наука столь же древняя как мир, уступившая затем свое место астроно-

мии и почти исчезнувшая с лица земли. Недостаточное знакомство с небесными явлениями приводило людей к убеждению, что есть какая-то связь между движением светил и человеческими действиями. По положению звезд предсказывали удастся ли то или другое предприятие. Когда византийские императоры колебались в своих решениях, они призывали астрологов, и те объявляли, какой их ждет исход.

У древних греков и римлян существовало гадание, сохранившееся до настоящего времени. Раскрывали Гомера или Вергилия, читали первый попавшийся стих и считали его изречением оракула. В христианские времена классических авторов заменило священное писание. Закрыв глаза, раскрывали Библию или сочинение какого-нибудь отца церкви и случайно попавшуюся строчку считали ответом на вопрос, обращенный к судьбе. Способ этот практиковался и в древней Руси, как нам известно из поучения Владимира Мономаха. Суеверные девицы до сих пор с закрытыми глазами раскрывают первую попавшуюся книгу и читают наудачу: «Что мне выйдет».

С этим способом гадания связан практиковавшийся в Византии обычай испытания судьбы двумя свитками. В чем он заключался, видно из следующего. Император Алексей Комнин желал выступить в поход против половцев, но его приближенные находили это неблагоразумным. Чтобы не подвергать себя упрекам и снять с себя ответственность, император, не возражая против общего голоса, обратился к высшей воле и объявил, что он отдает решение вопроса на волю божию. Сопровождаемый военными чинами и многочисленным духовенством, император отправился вечером в храм святой Софии. В присутствии патриарха он написал два жребия на двух хартиях, то есть, на одной было написано, что следует идти в поход против половцев, на другой - не следует. По приказанию императора, патриарх положил оба жребия на престол великой церкви, где они и оставались во время всеобщего бдения. По окончании богослужения, уже утром патриарх снова вошел в алтарь и вынес одну из хартий, которая была при всех распечатана и громогласно прочитана. Вышел жребий, решающий поход

на половцев, и против этого никто уже не возражал. Таким образом неоднократно решались важнейшие государственные вопросы.

Точно так же избирались игумены монастырей. Выбирали трех кандидатов, записывали их имена на хартии, клали на престол, затем брали одну их хартий и считали избранным того, чье имя было вынуто.

У нас, на Руси, этот способ также был в ходу при избрании новгородского епископа.

В Византии постоянно происходили очень таинственные и сверхъестественные явления, о которых сообщают летописцы. Вот, например, в субботу первой недели поста царь Андроник Палеолог «XIV в.» отправился в церковь и присутствовал при всенощном бдении, начинавшемся в то время поздно вечером. К нему прибегают люди и сообщают, что случилось нечто необыкновенное: они слышали громкое ржание, между тем как ни во дворце, ни по соседству нет ни одной лошади. Все смутились, и в то время, как рассуждали об этом таинственном явлении, раздалось опять громкое ржание. Царь приказал исследовать это дело, и оказалось, что ржет ло-

шадь, нарисованная на одной из стен дворца. Первый министр очень обрадовался этому и объявил царю, что ржание предвещает победу над турками. Но царь с ним не согласился. По его словам эта самая нарисованная лошадь ржала в царствование его отца, и тогда случилось большое бедствие. Действительно, на другой же день стоявшая на площади колонна со статуей Византа, основателя Византии, начала шататься и шаталась несколько дней. Это уже, очевидно, было не к добру. Тогда царь с первым министром достали книги, где записаны были разные оракулы, занялись астрологическими выкладками и на основании всего этого пришли к убеждению, что надо ждать нашествия неприятеля и смут в государстве.

В другом случае царь Михаил Палеолог отправился в Солунь и прожив здесь год, умер, как это ему было предсказано. А предсказание заключалось в следующем. Когда он был в Андрианополе, во дворце открыли над дверями круг, а в кругу этом — изображение четырех животных: льва, барса, лисицы и зайца. Над этими животными оказались стихи, в

которых было сказано, что в Солуни поселится один царь из дома Палеологов и умрет там. "Этот круг, - рассказывает историк того времени, — находился от пола на высоте двух мужчин. Невероятно, чтобы стихи эти написал человек. Нельзя думать, чтобы кто-нибудь подставлял лестницу и влезал туда для писания в то время, как во дворце находился царь, и множество народу постоянно входило и выходило."

Распространение в народе оракулов иногда имело грустные последствия. Так, один царь казнил некоего Пахомия только потому, что по Константинополю ходило предсказание, будто преемником его будет Пахомий! Никто не решался отвергать возможность гадания и значение, которое имеют разные предзнаменования вроде затмения, шатания колонны и тому подобное. Но образованные люди старались подыскать этому ученое объяснение. Вот, что пишет по этому поводу один ученейший писатель XIV века: "Что затмения небесных светил предвещают земные страдания, этого, думаю, не станет опровергать никто, разве кто любит попусту спорить. Если

бы кто вздумал убедить такого человека словом, тогда как его не могут убедить совершающиеся в разные времена и в разных местах события, то он понапрасну стал бы трудиться и поступил бы крайне нерассудительно, взявшись учить неспособного к учению. Что бывает с телом человека, то происходит и с организмом вселенной. Мир, как и человек, — органическое целое, состоящее из частей и членов. Как у человека боль головы или шеи производит жестокое страдание в голенях и пятках, так и в организме вселенной страдания небесных светил доходят до земли и дают себя чувствовать и здесь.”

“Может быть, кто-нибудь недоумеваает, — говорит тот же писатель, — откуда берутся и как появляются оракулы, которые ходят между людьми, а также почему они, заключая в себе указание на будущее, изображают его в чертах, чрезвычайно загадочных. Кто был их составителем и кто передал их последующим поколениям, об этом мы не находим ничего ни у историков, ни у других писателей. Все они замечают только, что в то или другое время тот или другой оракул ходил в народе и

впоследствии оправдался тем или другим событием. А кому обязан своим происхождением каждый из них, этого решительно никто не может сказать и объяснить, если только не захочет солгать. По мнению некоторых, какие-то таинственные силы летают вокруг земли, присматриваясь к тому, что происходит здесь, и, получив свыше знания о будущих событиях, передают их людям то в видениях, то при помощи звезд, то с какого-нибудь дельфийского треножника, то при посредстве внутренностей жертвенных животных, а иногда посредством голоса, сначала неопределенно раздающегося в воздухе, а потом отдельно в ушах каждого. Этот-то голос древние мудрецы и называли божественным. Часто случалось также, что на скалах или стенах находили письма, без всякого указания на того, кто их написал. Но все оракулы даются не иначе, как загадочно и не совсем ясно, чтобы, подобно царским регалиям, оставаться священными и недоступными для толпы. Известно: к чему открыты доступы всякому, то мало ценят и уважают. Нельзя, однако, сказать, чтобы польза от оракулов была ничтож-

на, если рассматривать их не поверхностно, а с должным вниманием. Для одних они служат наказанием, для других — благодеянием. Руководствуясь ими, одни, заранее приняв должные меры или смягчали грозившие им бедствия, или даже совсем отклоняли их от себя, умиловив Бога исправлением своей жизни. Но для людей малодушных ожидание грядущих бедствий становится сущим наказанием. Они заранее страдают от того, от чего должны еще пострадать, и это — по усмотрению Промысла, чтобы сильнее наказать их за то, в чем они согрешили. Если же некоторые оракулы оказываются ложными, то это только потому, что их не умеют правильно истолковать.”

Естественно, что в Византии верили в чудотворные иконы, так как христианская религия считает их реальностью.

Но интересно то, что в Византии чудеса, творимые иконами, могли иметь силу судебного доказательства. П.Безобразов указывает на один случай подобного рода, ставший известным сравнительно недавно, когда он открыл в одной рукописи ватиканской библио-

теки интереснейший протокол, до сих пор не напечатанный.

В одном из главных константинопольских храмов, Влахернском, была икона Божьей Матери, обладавшая особенным чудодейственным свойством. Она находилась на правой стороне иконостаса и была задрапирована куском материи, как до сих пор, по древнему обычаю, драпируются иконы в Греции. В обыкновенное время драпировка вполне закрывала лик Богородицы, а по субботам, во время утрени, драпировка внезапно раскрывалась или поднималась кверху, и молящимся являлся скрытый обыкновенно лик Божьей Матери. Чудо это считалось обычным и свершалось еженедельно, но, кроме того, оно могло явиться и в другое время по какому-нибудь особенному поводу. Выступая в поход, императоры имели обыкновение помолиться во Влахернской церкви и, когда при этом не совершалось чуда, они считали это дурным предзнаменованием. Так, например, царь Алексей Комнин решил начать поход против Боэмунда Таренского 1 ноября 1107 года, но испугался, потому что Влахернская Божия Ма-

теперь не явила обычного чуда, когда он выходил из храма. Он принял это за зловещий признак и решил подождать четыре дня.

Затем он отправился вновь во Влахернский храм. После его усердной молитвы чудо свершилось, и он вышел из церкви уверенный в победе.

Один гражданский иск был решен однажды на основании такого чуда. Воевода Лев Мадал поспорил с Каллийским монастырем о том, кому должна принадлежать мельница, стоявшая на границе их владений. Судились они несколько раз, и судьи присуждали мельницу то одной стороне, то другой, потому что ни у воеводы, ни у монастыря не было в руках надлежащих документов. Последний раз, когда они судились, судья постановил владеть им мельницей сообща, но это давало повод к массе пререканий, никого не удовлетворяло, и они порешили покончить дело без суда, полюбовно. Думали, думали и рассудили сделать так: рано поутру отправиться обеим сторонам в Влахернский храм, стать против чудотворной иконы Богородицы и молить ее быть судьей в их деле. А самую тяжбу решить

таким способом: если завеса на иконе останется неподвижною, признать, что дело выиграли монахи, если же она задвигается, и, следовательно, чудо свершится, признать, что прав воевода. На этом основании воевода и монахи написали договор, который они в любом случае обязаны были исполнить. Как условились, так и сделали.

Обе стороны пришли во Влахернский храм, стали против иконы, молились со слезами и ожидали решения своей участи от того, придет в движение или нет завеса на иконе. Подождали некоторое время, завеса осталась неподвижною. Это было сочтено за решение и окончание дела. Монахи радовались своей победе, а воевода стоял опечаленный, осужденный судом Божьим. Воевода собирался уже передать монахам письменное удостоверение, что признает себя осужденным и отказывается от права владения половиною мельницы, как вдруг завеса на иконе Божией Матери поднялась вверх. Дело приняло иной оборот: радовавшиеся опечалились, а опечаленный преисполнился радости и удовольствия. Монахи стали говорить, что чудо свер-

шилось слишком поздно. Утверждали, что завеса пришла в движение по другому поводу, что чудо свершилось не в то время, когда молились стороны, а тогда, когда воевода признал монастырь владельцем мельницы. Они говорили, что чудо указывает на их правоту и явилось, как знак согласия на то, что хотел сделать воевода, собиравшийся в эту минуту отказаться от своих прав на мельницу.

Спор продолжался, и дело было доведено до сведения императора Михаила Дуки. Он приказал Пселлу разобрать тяжбу и написать протокол и судебный приговор. Надо было оформить этот оригинальный процесс, подыскать статьи закона, поставить все дело на юридическую почву. Такому тонкому диалектику, как Пселл, сделать это было нетрудно. Прежде всего желательно было решить эту тяжбу окончательно и устранить всякий повод к новому ее пересмотру. Поэтому соглашение сторон было понято таким образом, что они обратились к третейскому суду. Третейский суд признавался законами, и на него нельзя было апеллировать. Следовательно, знамение чудотворной иконы должно рас-

смаатриваться как приговор третейского суда. В чью же пользу клонится этот приговор? Очевидно, в пользу воеводы. Он выиграл процесс, потому что чудо явилось. Возражение же монахов, будто чудо явилось слишком поздно, когда они собирались уходить из церкви, ничего не доказывает: в условии не было сказано, когда ждать чудесного знамения и сколько стоять в церкви. На этом основании было написано судебное постановление, подписанное властями. Оно служило воеводе оправдательным документом и давало ему право владеть спорной мельницей.

Такова Византия — пышная преемница когда-то славного Рима.

Чтобы покончить с рассказом о ее недугах, мы должны показать, чем была византийская женщина, так как в Новом Риме дочери Евы играли роль, пожалуй, еще более видную, чем в старом.

11. ЖЕНЩИНА НОВОГО РИМА

Византия, переняв культуру от Рима, вместе с тем не отрешилась и от азиатского деспотизма, что в особенности сказалось в положении византийской женщины.

В византийской империи женщина не пользовалась большим уважением.

Ее считали порождением дьявола, виновницей грехопадения рода человеческого, существом слабым и нечистым, предназначенным быть служанкой и рабой мужчины. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имела права распоряжаться ни собою, ни своим имуществом. До замужества она полностью починалась отцу; выданная замуж за человека, которого часто в глаза не видела, она попадала в полное подчинение к мужу. Данное ей отцом приданое отдавалось мужу, который мог распоряжаться ее доходами по своему усмотрению, не имея только права отчуждать капитал. Но, если она расходилась с мужем, приданое возвращалось не ей, а ее отцу.

Жена была до некоторой степени свободна

только у себя дома. Тут она могла и даже обязана была заниматься своими домашним хозяйством и женскими рукоделиями. Но выходить из дому, бывать в театре или цирке она могла только с разрешения мужа. Ослушание в подобных случаях считалось преступлением.

Даже в собственном доме свобода была ограничена. Ей отводилась отдельная половина дома, называвшаяся гинекеем, откуда она не имела права выходить, когда у ее мужа сидели гости — мужчины.

На этом основании, один византийский писатель дает совет не помещать у себя дома приезжих гостей.

"Если имеешь друга, — говорит он, — живущего где-нибудь в другом городе, и он приезжает в город, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме, но пусть он остановится в другом месте, а ты посылай ему все нужное. Если же ты поместишь его в своем доме, то послушай, сколько из-за этого произойдет неприятностей. Во-первых, ни жена твоя, ни дочери не будут иметь свободы выходить из комнаты своей и распоряжаться в до-

ме, как следует. А если же им будет неотложная нужда выйти, то друг твой вытянет шею и устремит на них свои глаза. Пока ты будешь стоять вместе с ним, он, конечно, притворно потупит голову, но все-таки будет подсматривать, какая у них походка, как они поворачиваются, как подпоясаны и какой у них взгляд, одним словом, будет их оглядывать с головы до ног, а после станет передразнивать перед своими домашними и осмеивать. Если он найдет удобный случай, он будет делать любовные знаки твоей жене, будет на нее смотреть бесстыдными глазами. Если сможет, то и соблазнит ее. Если же и нет, то все-таки, когда уйдет, похвастает, чем не следует.”

Так мало доверяли своим женам византийцы.

Они не допускали, чтобы можно было разговаривать с женщиной без грязного намерения, так как видели в ней исключительно орудие наслаждения. Полное бесправие византийской женщины видно из того факта, что она не могла быть свидетельницей на суде, а также из тех поводов, по которым она могла требовать развода.

По византийским законам, муж мог требовать развода в следующих случаях: 1) если жена принимала участие в заговоре против царя и не сообщала об этом мужу; 2) если жена была ему неверна; 3) если жена намеревалась убить его; 4) если она без согласия мужа принимала участие в пиршествах с посторонними мужчинами или мылась вместе с ними в бане; 5) если она без ведома или против желания мужа отправилась в театр или цирк; 6) если она против желания мужа провела ночь вне дома, где бы ни было, исключая только родительский дом.

В последнем случае закон оговаривал, что если муж выгонит жену из дома, и она, не имея родителей, переночует у знакомых, это не может считаться поводом к разводу.

Жена имела право требовать развода: 1) когда муж без ее ведома принимал участие в заговоре против императора; 2) когда он имел намерение убить ее; 3) когда он старался тем или иным способом заставить ее совершить прелюбодеяние; 4) когда он был неспособен к супружеской жизни, и это продолжалось три года с момента вступления в брак.

Сейчас же бросается в глаза, что неверность мужа не служила поводом к разводу. Мужу достаточно было застать в комнате жены постороннего мужчину, чтобы обличить ее и развестись. Жена же могла ссылаться на неверность мужа только в совершенно исключительных случаях. Единичного факта было мало, нужно было доказать, что муж изменяет постоянно. И даже в таком случае развод давался только после усиленных увещаний родителей жены, когда муж категорически заявлял, что не намерен отказаться от своего преступного образа жизни.

Зато византийский закон предоставлял мужу множество поводов к разводу, так как он требовал полнейшего подчинения жены, и, в случае малейшего неповиновения с ее стороны, муж мог бросить ее.

Пойти в театр, принять приглашение на обед, где будут посторонние мужчины, — все это считалось для женщины зазорным, подобные поступки могла себе позволить только преступная жена.

Вот еще одна несправедливость византийского закона относительно женщин.

Если жена получала развод по собственной вине, она не имела права вступать в новый брак раньше, чем через пять лет, а если виновным был признан муж, она не могла венчаться раньше, как через год.

А разведенному мужу никто не мешал жениться вторично хоть в тот самый день, когда был получен развод. Таким образом, сам закон делал некоторую поблажку мужу в бракоразводных делах. Это не значит, однако, что византийские законы не карали преступлений против нравственности, совершаемых мужчиною. De jure мужчина отвечал наравне с женщиною, и за безнравственные поступки полагалось очень строгие наказания. Незаконная связь между родственниками каралась или простым телесным наказанием, или отсечением руки, или смертной казнью, смотря по степени родства. За обыкновенное прелюбодеяние отрезали нос. Впрочем, в некоторых случаях можно было отделаться штрафом. Вступивший в связь с невинной девушкой с ее согласия, в случае, если он отказывался жениться, обязан был по закону уплатить ей литру золота (около 280 золотых

рублей). Несостоятельных подвергали телесному наказанию и ссылали.

Кроме того, в Византии существовал обычай, вредно сказывавшийся на семейной нравственности. Родители или, лучше сказать, отцы обручали детей во время малолетства, и, выросши, эти несчастные дети обязаны были исполнить обещание, данное за них родителями. Обыкновенно при этом писался брачный договор, жених (в лице своих родственников) давал задаток, получал приданое и обязывался жениться впоследствии на девочке-невесте. Закон признавал подобные контракты и требовал, чтобы они не нарушались. Он ставил только одно ограничение: жениху и невесте должно было быть, по крайней мере, семь лет — не меньше. Замечательно, что этот обычай перешел к нам, и в московском государстве точно также обручались дети и составлялись обязательные контракты, называвшиеся рядными записями.

Когда обручали семилетнюю девочку, конечно, не могло быть и речи о любви с ее стороны: родители старались устроить детям выгодную партию, и привязанность супругов,

единственное условие счастливого брака, не входила в их расчеты. Сколько трагических случаев должно было возникнуть из этого нелепого обычая! Выросшая девочка нередко замечала, что жених ей антипатичен, что она любит другого, но, тем не менее, она обязана была выйти за нелюбимого человека. Таких случаев, несомненно, было множество, и едва ли они могли способствовать семейному счастью. Раннее обручение детей имело и другую вредную сторону. Родители требовали, чтобы свадьба была отпразднована, как только невеста вступит в законный возраст, а по византийским законам жениться можно было с четырнадцати лет, выходить замуж — с двенадцати. Хотя на юге женщины развиваются быстрее, тем не менее трудно предполагать, чтобы двенадцатилетняя девочка окончательно сформировалась, и понятно, как вредно отзывались такие ранние браки на физических и нравственных отношениях.

Простые смертные обручали детей в нежном возрасте, но еще чаще это случалось в императорской фамилии, где браки имели большое политическое значение. Нечего и го-

ворить о том, что дипломатия не признавала любви: иначе и быть не может; но историки сообщили нам ряд возмутительных и безобразных фактов, творившихся во дворце. Византийские императоры не признавали закона, а потому считали возможным выдавать замуж дочерей, не достигших двенадцати лет. Так, например, восьмилетняя царица была выдана замуж за сорокалетнего сербского короля, и хотя последний поклялся, что пощадит девочку и дождетя ее созревания, он этого не исполнил, вследствие чего у его жены никогда не было детей. Император Андроник I «XII в.» сверг с престола Алексея и женился на его невесте, одиннадцатилетней Марии, тогда как ему самому было уже пятьдесят лет, и на его голове только кое-где росли седые волосы. Елена, дочь болгарского князя Асеня, была выдана замуж в одиннадцать лет за Федора, сына императора Иоанна Дуки. Можно привести много подобных фактов, но и сказанного довольно, чтобы составить представление об этом безобразном обычае.

Курьезно то, что этот обычай сохранился до нашего времени.

До сих пор в Греции родители, не спросивши дочери, обручают ее с каким-нибудь молодым человеком по своему выбору и заключают при этом брачный контракт от своего имени.

12. ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ВИЗАНТИИ

Не все, что сказано выше, касается женщин высших кругов.

Женщина Византии по своему развитию несколько не уступала женщинам Рима. Несмотря на то, что женщинам считалось неприличным показываться на улице, и им полагалось довольствоваться домашнею жизнью, девочек все-таки учили и некоторым давали даже отличное образование. Были ли отдельные школы для девочек — неизвестно, но есть несколько указаний, что девочек учили грамоте. В то время образование своим детям могли давать только люди состоятельные, поэтому высокообразованных женщин мы видим только в высших сферах. Известны две византийские писательницы: Евдокия Макремволитиса и Анна Комнина.

Евдокия была замужем за Константином Дукою, случайно попавшим на престол в 1059 году. Следовательно, хотя она и была императрицей, но получила такое же воспитание, как и другие византийские аристократки. Она написала особого рода хрестоматию, где сначала изложены басни и разные фантастические рассказы, генеалогия языческих богов, превращение героев и героинь, мифы и аллегории, а за этим следуют выдержки из разных писателей — философов, медиков, риторов, поэтов, с биографическими сведениями об этих писателях и с перечислением их сочинений. Из труда Евдокии видно, что она великолепно знала греческую литературу и в начитанности не уступала самым ученым византийцам.

Анна Комнина описала в двенадцати книгах деяния своего отца, императора Алексея «1081 — 1118 гг.». Это солидный труд, составленный не только по рассказам очевидцев, но и по подлинным документам. Из него видно, что византийская царица вполне владела византийской риторикой и философией; она умела писать искусственным языком, каким

писали в ее время. Язык этот не имел ничего общего с живою разговорной речью. Византийцы старались писать языком древних авторов, Платона и Фукидида, уснащали свои произведения множеством архаизмов, оборотов, давно вышедших из употребления, почерпнутых из классиков и священного писания. Нужно было много учиться, чтобы писать таким искусственным языком, и, таким образом, самый факт, что Анна Комнина писала на языке, на котором давно никто не говорил, доказывает, как она была образована.

Из этого следует, что некоторые женщины играли в Византии видную роль, по крайней мере, при дворе.

Императрицы нередко вмешивались в политику и подавали советы мужьям. Выдающуюся роль играла в свое время императрица Феодора, супруга Юстиниана.

Она была дочерью укротителя зверей и в первой молодости плясала в театре. Ею пленился Юстиниан, женился на ней и короновал императрицей. Она была не только чрезвычайно красива, но необыкновенно умна и энергична. Юстиниан постоянно советовался

с ней, и старался приводить в исполнение внушенные ею планы. Она с необыкновенною проницательностью разгадывала своих противников, а ее разгадать было трудно. Она могла быть и верным другом, и самым беспощадным врагом. Среди неги, которой она предавалась, среди роскошной и беспутной жизни, она находила время заниматься государственными делами, вмешивалась даже в церковные дела и богословские споры.

И вот, старики рассказывают такой случай.

Феодора принимает во дворце епископов мартиропольского и анкирского. — С твоего разрешения мы прибегаем к тебе, владычица, — сказал епископ анкирский. — Досточтимый патриарх антиохийский Север, наш отец, наш владыка, смещен за то, что он — противник Халкидонского собора (против монофизитов). Народ отказывается признать патриарха, занявшего его место; поднялся бунт, проливается кровь. Мы разделяем учение Севера. Император пригласил нас на совет вместе с другими епископами, которые держатся противоположных мнений, чтоб об-

судить вопросы, волнующие восточную церковь. Мы умоляем тебя склонить на нашу сторону твоего супруга, этого нового Давида.

— Каким образом, — ответила Феодора, — может женщина рассудить эти глубокие философские споры, происходящие между вами, людьми, служащими украшением церкви?

— Мы не верим безумному Евтихию, — продолжал епископ анкирский, — отрицающему воплощение Христа, мы не одобряем Нестория, но мы верим вместе с Севером, что Иисус принял плоть бесстрастную и не страдал на самом деле телесным страданием.

— Правда, — ответила императрица, — что тело Спасителя отличалось от нашего.

— Мудрость глаголет твоими устами, владычица, — сказал епископ мартиропольский. — Божественное тело не могло иметь никаких плотских слабостей; Христос не мог ощущать голода и жажды.

— Мне кажется, это учение более подходит к величию Божества. Впрочем, император рассудит это. Бог дал ему свет, рассеивающий мрак всех ересей. Епископы удалились, очарованные милостивым вниманием и благоче-

стием императрицы.

У Феодоры была своя тайная полиция, главным агентом которой была Хариклея. Это была женщина весьма подозрительная, служившая Феодоре помощницей в ее любовных интригах, когда она еще не была на престоле. Тогда ее звали Македонией. Чтобы скрыть ее прошлое, императрица велела ей называться Хариклеей. Официально ее обязанности состояли в том, чтобы раздавать милостыню бедным, неофициально же — в шпионстве. Однажды императрица позвала к себе Хариклею.

— Экивал еще жив, — сказала она глухим голосом.

— Если бы все, кого ты ненавидишь, были настолько же живы, как он! -ответила Хариклея. — Ты должно быть во сне видела этот преследующий тебя образ. Вот уже десять лет, как он умер в Антиохии.

Экевал был губернатором одной из византийских провинций. С ним Феодора жила некоторое время, он прогнал ее в конце концов и жестоко оскорбил.

— Нет, нет! — сказала Феодора. — Я видела

вчера на улице старика, одетого по-персидски, который все шел рядом с моей стражей и как будто старался пробраться к моей колеснице. Это он!

— В самом деле, — ответила с ужасом Хариклея, — я уже несколько дней замечаю, что меня преследует какой-то странный человек, которого я как будто знаю и который, видимо, желает заговорить со мной.

— Если бы я сомневалась, то теперь перестала бы. Человек, прогнавший меня, как прогоняют рабыню, человек, который мог бы под моей пурпурной мантией показать следы нанесенных им мне ударов, этот человек живет в Константинополе и рассказывает о своих любовных похождениях с Феодорой! Он жив в то время, как я царствую?

— Ну, он не долго будет жить. Впрочем, какое дело тебе, живущей на Олимпе, до шипения какой-то змеи?

— На ступенях этого трона, блеск которого ослепляет тебя, сидят неумолимые враги. Они не забывают, что я когда-то плясала в театре. Как они торжествуют, что я не родилась наследницей престола! Надо мной тяготеет ка-

кое-то проклятие. Когда приходил из Палестины Савва, которого считают святым и которому приписывают чудодейственную силу, я унижалась перед ним, я просила его помолиться, чтобы у меня был сын. Он отказал мне. Он осмелился сказать императору, что из моей утробы никогда не выйдет сына, потому что он был бы вскормлен нечестивыми догматами Севера и смущал бы церковь. Он — заодно с моими врагами, с представителями прежней династии. Император не обращает на них никакого внимания, но я — настороже. Преследование монофизитов может привести к бунту. Партия зеленых, ненавидящая меня, очень взволнована. Собирается страшная гроза. Ты помнишь, какая удивительная комета появилась два месяца тому назад?

— Да, есть и другие зловещие предзнаменования. На днях люди видели, как одна статуя проливала слезы, да и слезы-то были не простые, а кровавые.

— Отсюда, из этого дворца, я слышу крики ненависти тех, кто хотел бы совлечь меня с трона. Приближается роковой день, когда все

погибнет или все будет спасено. Пусть он наступает скорее, я устала сражаться с гидрой, у которой тысяча голов, постоянно вырастающих вновь, по мере того как их отрубает. Отец мой был укротителем зверей, я продолжаю его ремесло. Я тоже кормлю и укрощаю диких зверей. Я постоянно чувствую их дыхание, и на моих руках следы их укусов.

Императрица побледнела и легла отдохнуть на несколько минут.

— Смотри, Македония, — сказала она, оправившись, — не дремли! Предупреди сегодня же Елиазара. Пусть тот исчезнет без шума.

Смеркалось, когда Хариклея вышла из дворца и направилась к еврею Елиазару, секретному агенту императрицы. Евреи не принимали никакого участия в религиозных и политических распрях того времени, поэтому они лучше всех исполняли всякие даваемые им тайные поручения.

Когда Хариклея свернула в узкую и темную улицу, она заметила, что незнакомец, о котором она говорила с императрицей, следует за ней. Он подходил к ней несколько раз,

но, по-видимому, колебался.

— Македония, — сказал он, наконец.

Она вздрогнула, услышав свое настоящее имя, и, ничего не ответив, пошла дальше.

— Македония! — позвал незнакомец еще раз и схватил ее за руку.

— Что тебе нужно от Хариклеи? — спросила она, высвобождаясь.

— Мы давно знакомы, — ответил он грубым голосом. — Я сейчас же узнал тебя: десять лет не настолько изменили ту, что помогла мне в интриге с Феодорой. Годы оставили на моем лице неизгладимые следы, но не может быть, чтобы ты забыла Экевала.

Она посмотрела на него с ужасом.

— Ты думала, что я умер? Не правда ли? Все это говорили. Я сам распустил этот слух, когда расстался с этой женщиной. Меня лишили места, я впал в нищету, потерял жену и сына. Потом я скрывался в Аравии, где жил кое-как, торгуя ароматами.

— Какое падение! — сказала Македония.

— Обеднеть, лишиться высокого положения — это бы еще ничего. Но вот, я вдруг почувствовал, что эта женщина, которую я про-

гнал, жестоко оскорбив ее, стала мне необходима, как воздух, — вот это истинное мучение. Ее обольстительный образ являлся ко мне по ночам, смущал меня даже днем. Я напрасно искал ее. Я не знал, куда она девалась.

— Она возвратилась в Константинополь и жила здесь в такой же бедности, как ты.

— Проходили годы, я начал успокаиваться, и вдруг до меня доходит неслыханная весть: Феодора на троне. Я долго не верил этому.

— Почему же? Разве ты не знаешь, что такие лучезарные существа, как Феодора, Аспазия, Клеопатра, имеют особую прелесть, которой все покоряется. Это — бриллианты необъятной величины, которые могут временно валяться в грязи, но которые непременно попадут в царскую корону.

— Когда странный слух оправдался, я устремился сюда, я страстно пожелал увидеть ее. Напрасно старался я побороть это безумное желание. Случайно я встретил тебя на улице. Я сейчас же узнал Македонию, единственную женщину, которая может напомнить ей об Экевале.

— Увидеть ее! Ты требуешь слишком многого, — сказала Македония. — Пойди к императору, объясни ему, что ты имеешь больше прав на Феодору, потому что раньше овладел ею, и проси отдать Феодору, без которой ты не можешь жить. Да, кстати, потребуй, чтобы он уступил тебе корону.

— Ты насмехаешься надо мною. Если я желаю увидеть ее, намерения у меня самые чистые. Я мечтаю об этом, как мечтают увидеть Бога, я хочу насладиться ее лицезрением. Слушай, я видел вчера, как она возвращалась во дворец. Нитки жемчуга, спускавшиеся с диадемы, окаймляли ее щеки. Ее величественная фигура была величаво-спокойна. Приветственные возгласы толпы поднимались к ней, как фимиам к небесам. Это ли, — думал я, — актриса, оболъстительная сирена? В первый раз через десять лет увидел я ее лицо. Мне сделалось дурно, я должен был схватиться за колонну.

— Успокойся, Экевал. Даже слыша твой голос, я сомневалась, ты ли это, но теперь узнаю тебя по страсти, которая все еще кипит в тебе. Для нашего брата любовь — забава, но

для таких людей, как ты, это — яд, отравляющий кровь, от которого не избавишься. Ты мне очень жалок! Хотя я посвятила себя благотворениям и раздаю бедным деньги, получаемые от императрицы, я постараюсь помочь тебе. Но скажи: у кого ты живешь?

— Я остановился под именем Аркаса в одной гостинице.

— Однако, это не безопасно. Твое приключение с Феодорой слишком известно, тебя легко могут узнать. Тебе необходимо укрыться где-нибудь и сделаться совсем другим лицом. У меня был брат, он уехал восемь лет тому назад и исчез бесследно, его знали Вианором.

— Да, я видел его в Сирии.

— Ты понял: Экевал умер, а пускай появится вновь Вианор. Я устрою все это, и тебе можно будет всюду показываться и добиться свидания с императрицей.

— Как, я увижу ее?

— Разве вчера она не говорила мне о тебе? Никто не помешает мне привести к ней моего нашедшегося брата, потому что ты для всех, кроме нее, будешь моим братом. Счастливая

звезда привела тебя в Константинополь. Императрица страшна врагам, но кого любит — богато одаряет. Она сумеет сделать тебя опять богатым и важным сановником. Жди удобной минуты, она настанет очень скоро, может быть, через два-три дня. Я сведу тебя в дом моей большой подруги. Это — еврейское семейство, где ты будешь в полной безопасности. Живут они далеко отсюда, но, тем не менее, пойдем.

Долго шли они по константинопольским улицам, наконец, Македония остановилась у одного дома и постучала три раза в дверь. Появилась старая еврейка.

— Пусти нас, — сказала Македония, — я привела тебе своего брата, которого оплакивала в течение восьми лет. Он нашелся, но его ждут неумолимые кредиторы, от которых ему нужно скрыться на время. Береги его, как родного, и никому ничего не рассказывай.

Македония отошла в сторону с сыном еврейки Елиазаром и шепнула ему несколько слов.

— До свидания, — сказала она Экевалу, — завтра мы увидимся с тобою. Македония вы-

шла из дома и остановилась в саду. Она прождала здесь некоторое время. На террасе появился Елиазар, сделал ей знак и шепнул: «Дело сделано». Македония ушла довольная: она исполнила поручение императрицы.

Феодора была права, когда предсказывала беду.

Против Юстиниана поднялся народный бунт. Провозгласили другого императора, и решено было осадить Юстиниана в его дворце. Казалось, не было спасения. В это время император в присутствии Феодоры держал совет со своими приближенными. Он решил не сопротивляться больше, так как сопротивление казалось бесполезным, но взять все свои сокровища и бежать. Выслушав это решение, Феодора встала и сказала: "Женщина имеет право вмешиваться в дела, когда мужчины слабеют и впадают в отчаяние. В критическом положении, всякий обязан высказать свое мнение. Я не убегу, даже если бегство — единственное средство спасения. Смерть неизбежна, а для того, кто царствовал, она предпочтительнее жизни изгнанника. Я не могу жить без пурпурной мантии, без диаде-

мы, без поклонения народа. Если ты хочешь бежать, самодержец, — вот море, вот корабли и золото, но помни, что вместо спасения тебя постигнет, может быть, позорная смерть. По моему, лучше со славою умереть на троне.”

После этой энергической речи Феодоры Юстиниан изменил свое мнение: он остался во дворце, и ему удалось подавить восстание.

Итак, вот чем были женщины Нового Рима. Униженные в низших и средних кругах, они сияли великолепием наверху, но это великолепие было только прозрачной декорацией, прикрывавшей собою развращенность последней степени... Женщины Византии, как это видно из приведенных примеров, были до некоторой степени недугом Византии и недугом органическим, приведшем к падению эту сказочную столицу востока...

13. НЕРОН НОВОГО РИМА

Однако, несмотря на полный упадок нравов восточной римской империи, редкий из ее императоров, точно по указаниям свыше, не был человеком выдающихся государственных способностей. Все они были лживы, коварны, не ставили ни во что никакую добродетель, но даже самые низкие из них всегда заботились о внешнем благе и величии своего государства, расширяли его пределы, заботились о развитии сношений с соседями, ходили в случае надобности на них войной, покровительствовали наукам и искусствам, окружали себя государственным умом людьми, которых нередко даже брали себе в соправители.

Очень часто на византийском императорском престоле являлись люди совсем низкого происхождения, но, достигнув высшей власти, они совсем изменялись и в делах правления выказывали самые разнообразные таланты. Много императоров дало Византии славянское племя, и эти императоры были самыми замечательными в истории восточной

римской империи.

Редко кто из императоров занимал престол по праву наследства.

Такие императоры были исключением, и сам народ отмечал их прозвищем порфирогенетов, то есть рожденных в порфире.

Таким порфирогенетом был Михаил III, внук Михаила Косноязычного и сын императора Феофила, которому, кроме прозвища порфирогенета, народ дал еще другое, рисующее его с самой невыгодной стороны, — пьяницы.

Это прозвище было дано Михаилу III за его необыкновенное пристрастие к оргиям.

После отца «Феофил умер в 842 г.» Михаил остался четырех лет, и управление перешло к матери малолетнего императора — Феодоре, при котором был совет из трех высших византийских чиновников с братом Феодоры Вардасом во главе. Несмотря на заботы Феодоры о воспитании сына, руководство которым было поручено его дяде Вардасу, Михаил оказался человеком совершенно неспособным к правлению, слабохарактерным и развращенным донельзя.

Известно, например, что не раз он выступал в цирке возникшим к великому смущению всего народа.

Личного участия в делах управления он почти не принимал, предоставляя его матери и дяде. Впрочем, это было к лучшему для Византии. Управление Феодоры ознаменовалось прежде всего восстановлением иконопочитания на константинопольском соборе и установлением праздника «Торжества православия». При ней же сарацины все более и более распространяли свою власть в Сицилии, и византийцы смогли удержать в своих руках только восточную часть острова с Таорминой и Сиракузами. Борьба с арабами на восточной границе и морской поход против арабских пиратов, занявших остров Крит, окончились неудачей.

В это время Михаил возмужал и решил прежде всего избавиться от опеки своей матери. Вскоре после войны с Борисом Булгаринем, закончившейся мирным договором, Михаил низверг свою мать и, объявив себя новым Нероном, не последовал ему только в одном: Феодора была не убита, а заключена в

монастырь, где и окончила свою жизнь. Ее место занял Вардас, к которому перешло все дело правления «856 г.» и которому император дал титул цезаря. Вардас был замечательным политиком своего времени, но низложение им патриарха Игнатия и возведение на его место Фотия «857 г.» привело к распри с римским папой Николаем I, имевшей своим последствием разделение церквей. В последовавшей затем борьбе с болгарами Византии посчастливилось. Был заключен почетный мир, и болгарский царь Борис, последовав примеру Ростислава моравского, обратившись к Михаилу с просьбой прислать к нему вероучителей христианства «862 г., Кирилл и Мефодий», что и было сделано, сам принял святое крещение. Между тем, на востоке борьба против арабов продолжалась. Союзниками магометан явились здесь павликиане. Византийский полководец Лев успешно боролся с арабами, но походы самого Михаила всегда кончались неудачей. Однако, победа, одержанная братом Вардаса над эмиром Омаром митиленским «863 г.», обеспечила византийцам спокойствие на востоке, но вскоре после

того над ней разразилась нежданная гроза в виде норманнских храбрецов пришедших в Византию из Скифии...

Одной из наиболее крупных личностей в царствование Михаила является Вардас. Помимо дел правления, заслугой его являются заботы о распространении образования. Так, Вардас учредил в Константинополе светскую академию, во главе которой был поставлен ученый Лев, бывший архиепископом фессалоникским.

Вообще, с внешней стороны, царствование Михаила III было блестящим. Такие выдающиеся личности, как Вардас, Фотий, Василий Македонянин, оставили о нем неизгладимый след в истории, но сам император вовсе не соответствовал этому внешнему блеску...

«Удовольствия малой и низкой души, — говорит нам Н.М.Карамзин, — были единственным предметом императора Михаила, а добродетель казалась ему врагом удовольствия. Он жил на ипподроме и, восхищаясь ристанием, не хотел слушать людей, которые приходили ему сказать о близости неприятелей». Вступив на престол, Михаил объявил, что он

будет править, «как Нерон», но наш историк по этому поводу замечает: "Нерон, по крайней мере, любил музыку и поэзию, Михаил — одних коней и распутство!..."

Фаворитки его менялись с поразительной быстротой, но в то время, когда начинается наш рассказ, вниманием порфирогенета всецело владела славянка Ингерина, которой цезарь был увлечен не на шутку.

14. БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Весь шум, гул, борьба Византии никогда не долетали даже в незначительных откликах до того укромного уголка, где жили старый Лука и Ирина. Они даже не знали того, что давно было известно каждому мальчишке Нового Рима.

Михаил после некоторого перерыва, когда несколько утихло его увлечение красавицей Ингериной, словно спешил наверстать в вихре безумных удовольствий то время, которое отняло у него сердечное увлечение.

Пир в императорском дворце не прекращались. С вечера до позднего утра раздавались пение невольниц, звон кубков, говор,

смех, пьяный лепет пирующих...

Но и это в конце концов наскучило византийскому Нерону...

Ингерина потеряла уже для него прелесть новизны, желания не волновали владыку Византии, а вместе с этим в нем пробуждалась жажда новых сильных ощущений, без которых пресыщенному деспоту и сама жизнь была не в жизнь. Он вспомнил, что давно уже не был на ипподроме.

Не бывать на ипподроме, забыть о ристалищах, не знать, кто теперь побеждает, голубые или зеленые...

Это — ужас, это — позор, это...

Это — явная опасность для династии и опасность самого близкого будущего... Что скажет народ, так долго не выдавший своего императора?... Он отвыкнет от него, забудет его, а тут долго ли и до открытого возмущения?... Такие примеры бывали не раз. Кругом враги, они всегда готовы воспользоваться каждой оплошностью своего повелителя...

Нет, скорее на ристалище...

Но кто теперь в фаворе у византийцев? Голубые или зеленые?...

Михаил с грустью сознался сам пред собой, что он этого не знает...

Он даже забыл, какая партия — дворцовая...

У кого спросить? У Фотия!...

Нет, нет... С тех пор, как этот не так еще давно блестящий царедворец стал против своей воли монахом, он изменился до неузнаваемости. Он углубился во внешнюю политику, в церковные дела, воюет там с латинянами, спорит с ними до слез, до обморока, и нет ему никакого дела ни до голубых, ни до зеленых, ни до какого-либо из тех светских удовольствий, которые так любят византийцы...

Да и страшно подступиться к нему... Михаил не на шутку побаивался патриарха, имевшего огромное нравственное влияние на народ. Он всегда такой холодный, суровый, строгий... Кого же спросить?... Да! Вот этого молодца, которого он заметил на последнем пиру...

Михаил был обрадован этой новой мыслью. Теперь он знал, кто выведет его из неловкого, по его мнению, положения, в которое его поставило увлечение Ингериной. На

последнем пиру он случайно заметил совсем нового человека. Он не принадлежал к царедворцам, держался в стороне от них, но, вместе с тем, был полон необъяснимого в его положении достоинства. Он мог рассказать Михаилу об интересовавших его предметах, и притом с ним можно было говорить более откровенно, не сдерживаясь особенно, потому что это было новое, еще во дворце мало кому известно, лицо, и в случае чего-либо неприятного его можно легко, без всякого шума, убрать куда-нибудь подальше, и никто не заметит отсутствия нового человека.

Император, сразу пришедший от этой мысли в хорошее настроение духа, громко захлопал в ладоши.

На зов его явился протостратор «главный дворцовый служитель».

— Что изволишь повелеть, несравненный? — вкрадчиво проговорил он, склоняясь в три погибели перед своим владыкой.

— Э...

Э...

Ты?... Да...

Позови ко мне...

Как его... Тут новый...

Молодой, высокий такой, я его видел...

— Ты говоришь о македонянине Василии, великий?

— О нем...

Может быть...

Не знаю, как его... Позови македонянина...

— Сейчас он явится пред твои ясные очи, — и протостратор исчез из императорского покоя.

Успокоившийся Михаил задремал в ожидании. Подремать ему пришлось недолго, протостратор очень скоро снова появился перед ним, ведя молодого человека с загорелым мужественным лицом и открытым взглядом.

Заснувший было император очнулся и устремил на вошедшего свои помутневшие от головной боли и попойки глаза.

— Э...

Ведь...

Ты — Василий? — промычал он.

— Да, несравненный!...

— Я знаю...

Видишь, я все знаю... Македонянин?

— Македония — моя родина!...

— Знаю...

От меня ничего не укроется...

Я все знаю...

— Всему миру известна твоя проницательность, несравненный. Все народы удивляются ей, а я, теперь испытавший это на себе, могу сказать: они правы, нет более проницательного, всеведущего на земле, чем Михаил порфирогенет — повелитель Византии. Он читает сердца людей и их мысли, как открытый свиток.

Михаилу очень понравилась эта речь. Он всегда был склонен к лести, и, чем беззастенчивее была лесть, тем более она была ему приятна.

Поэтому македонянин произвел на него очень приятное впечатление.

— Я... Знаешь, хочу говорить с тобой о делах... О важных делах... Нас никто не должен слышать... Оставь нас! — кивнул император протостратору. Тот моментально исчез с поклоном. Михаил и Василий остались с глазу на глаз.

Напрасно однако повелитель Византии считал себя проницательным... Напрасно он

верил в этом отношении льстецам... Если бы он мог хотя на миг приподнять завесу будущего и заглянуть в него, он принял бы все меры, чтобы этот человек, теперь смиренный и почти что приниженный, с таким подобострастным вниманием ожидающий, что скажет ему повелитель, был как можно скорее уничтожен, стерт с лица земли...

Увы! Даже мудрецы не могут проникнуть в тайны будущего... Михаилу недоступен был истинный смысл совершающихся перед ним событий настоящего, а о том, чтобы он мог проникнуть в будущее, не могло быть и речи... Македонянин стоял перед своим повелителем. С тех пор, как они остались одни после ухода протостратора, Василий изменился. Он прямо и смело смотрел в глаза Михаилу, смущая его этим своим до дерзости вызывающим взглядом.

Император некоторое время подыскивал выражения для начала разговора. — Э...

Знаешь ли? Я все знаю, все... Но ты был в народе?

— Был...

— Что там говорят?...

— Прославляют твое имя, несравненный!

— Знаю... А что говорят об ипподроме?

— Жалуются, что ты забыл его... Ведь, давно уже не было ристалищ.

— Так, так...

И это я знаю...

Ты видишь, мне все известно. Но что же делать! Мы были во благо народа заняты важными делами...

Чуть заметная улыбка скользнула при этом возгласе по губам Василия.

Михаил заметил это.

— Ты смеешься, несчастный? — воскликнул он. — Над кем? Может быть, надо мной?

Он приподнялся даже со своего золотого кресла, ожидая ответа. Участь македонянина висела на волоске...

Однако, он быстро нашелся.

— Прости, несравненный, — спокойно заговорил Василий, — прости мне это невольное мое преступление, но я знаю, что твоя пронцательность уже подсказала, что эта невольная улыбка относилась вовсе не к тебе...

— Я знаю!... Я все знаю, но я требую, чтобы

мне говорили правду, одну правду!...

— Мое сердце открыто пред тобой... Моя улыбка относилась...

— К кому?

— К тем безумным, которые уверяли, что ты забыл ипподром ради восторгов любви... Разве не безумцы те, кто мог хотя на миг один предположить это?...

Лицо Михаила прояснилось. Гроза над головой македонянина пронеслась, не разразившись.

— Так, так, — закивал головой Михаил, — я верю тебе... Ты говоришь правду... Но кто были эти безумцы? Назови мне их!

— Прости, несравненный, я — человек новый и мало кого знаю по именам...

— Хорошо, когда узнаешь, приходи и скажи мне, прямо скажи! Я все знаю, но требую правды, да, вообще, ты приходи ко мне прямо, хочешь, я прикажу назначить тебя моим протовестиарием «хранитель императорского гардероба». Ты мне очень нравишься!... Или нет, подождем, зачем возбуждать лишнюю зависть? А ты мне скажи потом имена безумцев, осмелившихся так думать обо мне.

Македонянин низко поклонился императору.

«Если мне кого-нибудь нужно будет устранить со своей дороги, я назову тебе его имя!» — подумал он.

— Теперь скажи, народ очень скучает по ристалищам? — снова заговорил Михаил.

— Он ждет их с нетерпением, как твоей великой милости.

— И народ получит ее!...

— Тогда он будет счастлив, как в тот день, когда после дождя и бури из-за туч появляется солнце на небе.

— Ты так думаешь?... Разве народ так уж любит ристалища?

— Он любит солнце...

— Какое?

— Его освещающее, оживляющее, ободряющее...

— Что ты говоришь? Что за солнце?

— Ты, несравненный! Кто же, кроме тебя, может быть для Византии солнцем?

Эта новая лесть окончательно расположила Михаила к македонянину.

— Так, так, ты хорошо говоришь, я очень

люблю правду, — закивал он головой. — Но скажи мне, ты это должен знать, за кого народ?

— За кого ты, великий.

— Мы и все наши предки всегда были за зеленых... Это — хороший яркий цвет, мы любим его, но разве есть вкус у низменной черни?

— Ты справедлив, как всегда, несравненный!... Ведь, победы зеленых знаменуют собой урожай.

— Так, так! Хлеб — это богатство страны, но чернь не понимает этого... Она за голубых?

— Не думаю... Теперь так мало мореходов в Византии.

— Тогда примут ли «голубые» состязание?

— Они никогда не отказывались...

— Так, вот, ты все это узнай и мне сообщи... Но ристалища во всяком случае будут, я извещу об этом сегодня же протоскафория «начальник телохранителей» и великого эпарха «начальник варягов», пусть они будут наготове к моему выходу, а ты теперь иди, узнай все и сообщи мне. Вот, тебе мой перстенек...

С ним и епарх «градоначальник», и даже сам великий логофет «верховный блюститель законов; высший чин в государстве; нечто вроде канцлера» окажут тебе помощь... Иди...

А мы, отдохнув немного, будем заниматься государственными делами...

Василий, преклонив колена, поцеловал протянутую ему в знак особой милости руку и быстро скрылся.

15. ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ

Василий вышел из покоев императора окончательно переродившимся.

Еще так недавно, всего только за час до этой беседы, никто во дворце не считал бы для себя нужным даже удостоить его взглядом, не только обращать внимание, а вот теперь со всех сторон неслись к нему заискивающие поклоны, улыбки. Не только протостратор, но даже сам куропалат «начальник дворца» поспешил к нему навстречу и первым заговорил с ним.

— Что слышно, мой друг? — вкрадчиво спрашивал он его.

— О чем? — с надменностью спросил рав-

нодушно македонянин.

Он прекрасно понимал, что значат и чего стоят все эти заискивания, и невольно увлекся желанием отплатить за то унижение, которое так недавно ему приходилось выносить от этих теперь так подобострастно склоняющихся перед ним людей.

— Там, у нашего несравненного императора? — смутился придворный.

— А? Ты говоришь про это? Прости меня, я имею некоторое поручение от Михаила и пока должен держать его в тайне... Ты понимаешь, что это необходимо.

— Да, да...

Но, может быть, одно слово...

— Не могу ничего...

Спешу... Прощай!

Голова македонянина кружилась. Мысли одна смелее другой волновали его.

"Удача! Несомненная удача! — шептал он. — Я верю в себя, я буду близок к этому, потерявшему облик человеческий, существу... Недаром я пожертвовал ему Ингериной! Я пожертвую всем ради власти... Может быть, завтра я буду великим логофетом, а там кто зна-

ет?”

Даже дыхание сперлось в груди Василия, когда эта мысль промелькнула в его голове.

“Что же, были, ведь примеры!... Сам великий Юстин...”

Громкий окрик прервал его размышления.

Василий остановился и оглянулся. Позади него стоял средних лет богато одетый царедворец. В одежде его, широкой и богато украшенной, преобладал зеленый цвет.

Это был цвет одной из двух наиболее сильных партий константинопольского ристалища.

Конные ристалища, известные еще в древнем Риме, особенно развились в Константинополе со времени императрицы Феодоры, жены Юстиниана, сумевшей придать им даже политическое значение. Вначале явились четыре партии, разделявшиеся по цветам своих одеяний: были красные, белые, голубые, зеленые.

Красные обозначали собой силы солнца и, вообще, огня, белые — зиму и ее влияние на землю.

Эти две партии не пользовались никаким

влиянием среди константинопольцев.

Нельзя сказать того о зеленых и голубых.

Первые олицетворяли собой высшую власть, императорский двор, вторые - народ, море...

Эти партии постоянно боролись между собой и не только в цирке, но и в жизни. Народ видел в голубых олицетворение самого себя и всегда стоял за них. При Феодоре эта вражда достигла крайних пределов и едва не закончилась народным восстанием, которое успокоило только необыкновенное присутствие духа императрицы.

Всем же доступное состязание партий обыкновенно происходило на ипподроме.

Ипподром состоял из продолговатой выравненной арены, одной своей стороной примыкавшей к крутому склону холма, на котором были устроены места для зрителей. С противоположной стороны была искусственная терраса также с местами для зрителей, изгибавшаяся в своем конце в виде полукружия. Возницы получали обыкновенно при состязаниях места по жребию, и в константинопольском цирке их допускалось на ристали-

ща неограниченное количество.

При установке колесниц всегда соблюдалось следующее правило. Перед каждым стойлом протягивалась веревка. Лишь только давался сигнал к началу ристалища, веревки перед самыми дальними стойлами одновременно опускались. Когда выехавшие из них колесницы достигали следующих ближайших стойл, отворялись и эти последние, и так до конца, пока все колесницы не выстраивались в одну прямую линию около заранее помеченного пункта.

После этого начиналось самое ристалище.

Колесницы во весь опор мчались вдоль ристалища сперва мимо его правой террасы и, достигнув заключающего террасы полукружия, поворачивали и продолжали путь вдоль левой террасы. Место поворота обозначалось особым столбом — кампером, от которого шел барьер, ограниченный на другом конце величественной статуей Гипподамии.

Длина арены была тысячу двести футов, а ширина сто.

Начало ристалищ возвещалось поднятием в воздух бронзового орла, а конец их — спус-

ком на землю золотого дельфина.

На ристалища собирался от мала до велика весь Константинополь. Приходили даже из окрестностей.

Чернь не стеснялась во время состязаний присутствием императора. Она стояла всегда за своих любимцев голубых, и очень часто императоры должны были вступать в спор на состязаниях с народом.

Красные и белые никогда не привлекали к себе особенного внимания. У них были худшие кони, менее искусные возницы и, если они выступали, то обыкновенно только для начала состязания...

Зато борьба голубых и зеленых всегда приковывала к себе внимание зрителей. За тех или других ставились огромные заклады. Чернь отдавала в азарте свои последние гроши, рискуя остаться в тот же день без необходимого пропитания. Победа той или другой партии встречалась бесконечными криками восторга с одной стороны, проклятьями и угрозами с другой. Борьба с ипподрома, как уже сказано выше, нередко переходила на улицы Византии и заканчивалась подчас кро-

вопролитием.

По своему политическому значению, голубые и зеленые были так могущественны, что нередко возводили даже на престол императоров.

16. ВАСИЛИЙ И МАРЦИАН

В разговаривавшем с ним придворном македонянин узнал одного из влиятельных придворных куртизанов, пользовавшихся большою благосклонностью не только самого порфирогенета, но и его дяди Вардаса.

Еще сегодня утром этот самый придворный не ответил даже кивком головы на почтительный поклон македонянина, а теперь, после того как этот последний имел продолжительную беседу с глазу на глаз с императором, он сам первый нашел нужным заговорить с ним, как со старым приятелем.

Звали этого куртизана Марциан.

— Куда ты так спешишь, Василий? — говорил он. — Я едва мог остановить тебя... Поклон тебе от прекрасной Зои.

— Благодарю тебя, Марциан, — ответил Василий, — твое известие наполняет радостью

мое бедное сердце.

— Бедное, ты говоришь? Не верю! Или ты все еще тоскуешь по своей Ингерине? Так зачем же ты уступил ее другому?

— Нет...

Нет... — быстро заговорил Василий, почуяв в этих словах ловушку. — Я не знаю, о какой Ингерине ты говоришь?

— Уж будто?

— Право...

— А та, из-за которой наш великолепный порфирогенет столько времени забывает и нас, и пиры, и даже цирк?

— Что же она мне?

— А прошлое?

— Оно забыто!

— Так скоро?...

— Ты меня удивляешь, Марциан! Долго ли, скоро ли, но великолепная Ингерина теперь для меня недосягаема... Она стоит на такой высоте, что при одном взгляде на нее у меня может закружиться моя бедная голова.

— Ты не искренен...

— Я говорю, что чувствую... Она недосягаема для меня.

— Но эта высота не из тех, до которых нельзя подняться...

— Не понимаю твоих слов...

— Ингерина может вспомнить тебя... Порфирогенет не вечен, народ и войско всегда за того, кто им понравится... Примеры налицо: Анастасий был рабом, Юстин — простым солдатом...

Василий ясно видел, о чем шла речь. Заговоры вошли в плоть и кровь византийцев. Они не могли вести даже простой разговор, чтобы не вставить в него несколько слов о возможном для каждого достижении высшей власти. Кроме того, Марциан был придворный до мозга костей. Он, как и другие, при одном только знаке милости императора к совершенно неизвестному лицу, уже видел в этом лице нового фаворита, будущего временщика, и, кто знает, может быть, и будущего повелителя судеб Византии. Ведь такие примеры бывали уже не раз. Во всяком случае, ничто не мешало заручиться расположением вероятного будущего светила, тем более, что около императора было лицо, которое, по всей вероятности, не оставит своими мило-

стями этого безвестного македонянина, выведет его в большие люди...

Этим лицом была новая фаворитка Михаила — красавица Ингерина.

Кто она, откуда — это не было известно. Знали только, что этот самый македонянин, который и ко двору-то попал случайно, был ей одно время очень и очень близок. Они жили вместе, всюду являлись вместе, хотя и не были женаты. Потом она обратила на себя внимание императора Михаила...

Злые языки поговаривали, что это устроил сам Василий. Он даже помог сближению своей Ингерины с порфирогенетом. Благодаря существовавшей легкости нравов, никто не видел в этом ничего дурного, напротив, опытные царедворцы считали такой поступок македонянина весьма ловким ходом, который, в конце концов, должен был привести его к могуществу и власти, а, может быть, и к императорской короне.

Все это прекрасно понимал Василий, но на первых порох, вступив в разговор с Марцианом, он решил держать себя по возможности скромнее и даже не подавать виду, что он пи-

тает какие-либо надежды на будущее.

— Перестанем говорить об этом, благородный Марциан, — тихо сказал он. — Мне ли неизвестному думать — о чем? — о власти!... Нет, я доволен тем, что имею, хочу остаться таким, каков я теперь... Больше мне ничего не надо... — Ого! Ты скромн!

— Что еще поручила передать тебе несравненная Зоя?

— Да больше ничего... Ведь, ты знаешь, эта красивая славянка стала теперь приближенной Ингерини...

— Опять Ингерина?

— А что же? Ну, не буду, перестань сердиться!... Ты спешишь?

— Неособенно...

— Так пойдем со мной... У нас в темнице Демонодоры случилась беда: оттуда убежал один из заключенных там варягов. Уже посланы во все стороны гвардейцы, чтобы отыскать его.

Василия нисколько не интересовал этот беглец, но из вежливости он все-таки не замедлил спросить Марциана:

— Что же, этот варяг — знатное лицо?

— Нет, не то... Он ровно ничего не стоит, как и все они, вместе взятые, эти варвары. Но дело в том, что тут вмешалась любовь...

— Неужели?

— Разве ты не знаешь? Впрочем, да! Ты недавно при дворце. Дело в том, что этот жалкий варяг пришелся очень по сердцу Склирене. Ты, наверное, слышал про нее — это приятельница Зои... Что только она нашла в нем хорошего?... Грязный, дикий варвар и больше ничего... Впрочем, о вкусах не спорят... Наши матроны капризны... Ну, понравился, так понравился, каждый волен выбирать себе игрушку по своему вкусу... Если это позволено и доступно даже детям, так отчего же не может быть доступно и для наших взрослых красавиц?... Ты только представь себе, этот варвар — глаза у него, кажется, не были выколоты — осмелился пренебречь несравненной Склиреной... — Он отвергнул ее?

— В том то и дело! Вот позор!... Ничего такого не слыхано было с тех пор, как Визант, сын Посейдона, положил первый камень в основание этого города! Как ты находишь?

— Ужасно!

— Я тоже так думаю!...

Разговаривая таким образом, Василий и Марциан уже вышли из дворца и шли по улицам Константинополя. Был жаркий день. Константинополь казался вымершим. Все прятались в тени домов.

— Куда же мы идем? — спросил Василий.

— погоди, ты это скоро узнаешь. Но я продолжаю о варяге... Как его звали-то? Да! Изок! Какое варварское имя! Оно может сломать нам уши... Посуди сам, разве могла перенести подобный позор гордая Склирена?

— Конечно же, нет... Что этот Изок, как ты его назвал, и что — она!

— Очень рад, что ты держишься моего мнения... Склирена приказала бросить его в темницу Демонодоры «Демонодора — народное прозвище Феодоры, жены Юстиниана Великого», надеясь, что там он смирится... Ведь, с этими дикими зверями делать более нечего... Его, конечно, немедленно бросили... — И что же он? Смирился?

— Вовсе нет! Говорю, что это — дикий зверь... Он рвался, метался, отказывался от пищи и, в конце концов, нашел возможность

убежать.

— Его поймают!

— Нет сомнения... Только будет ли милостива к нему Склирена?... Но бросим об этом варяге. Что слышно у императора?

— О чем?

— Скоро он кончит свое затворничество?

— Я не знаю...

— Опять неискренность, Василий, и с кем же? С твоим искренним другом!...

— Но откуда я могу знать?

— Всей Византии уже известно, что ты только что вышел от порфирогенета, с которым беседовал о чем-то с глазу на глаз. Ведь, правда? — Да, это было!

— Так я и прошу тебя, скажи мне, скоро ли ристалище?...

— Не знаю...

— Опять «не знаю»... Ты смеешься...

— Разве могут быть мне известны мысли великого Михаила?

— Ну, да, конечно! Это только он один знает, «все знает»... Перестань скрывать, скажи!...

— Император не назначил еще дня...

— Но, может быть, он говорил, что скоро...

— Вероятно!

— Это — радостная весть! Пора, давно пора! Народ скучает, и долго ли до греха... Наша чернь не должна знать скуки, иначе она сразу может превратиться в очень опасного зверя... Пример великого Юстиниана налицо... Итак, император решил, что выйдет на ристалище... И мы скучаем. Признаться, я обезденежел и не прочь взять заклад... На кого тыставишь на будущем ристалище?

— Ни на кого!

— Вот как? Ты не только скрытен, но и скуп... Однако, чьи это носилки?...

Марциан заметил впереди чьи-то носилки, на которых видна была женская фигура. Носилки поддерживали четверо рабов-эфиопов, рядом шли невольницы с зонтами и опахалами.

— Кто это может быть? — размышлял вслух Марциан. — В такое время...

Все отдыхают! Ба, да, ведь это — Зоя... Она, она!... Пойдем скорее, догоним ее... Кстати, ты поблагодаришь ее за внимание и спросишь об... Ингерине... Идем скорее!

17. МАТРОНА ЗОЯ

Они быстро догнали носилки.

Марциан оказался прав: в них действительно была Зоя. Василий узнал ее при первом взгляде.

Это была уже не первой молодости, но замечательно сохранившаяся матрона. Тип ее был не южный. Марциан уже сказал, что Зоя была славянка по происхождению. Черты ее лица были несколько крупны, но очень гармоничны. Фигура ее была также крупная, мощная. Одета она была со всей возможной по тому времени роскошью.

На поклоны Марциана и Василия она ответила легким наклоном головы, при этом взгляд ее, скользнув по первому, несколько дольше остановился на македонянине.

— Великолепная Зоя, — вскричал Марциан, — сегодня для нас обоих счастливый, как никогда в жизни, день!

— Почему? — лениво спросила матрона.

— Ты спрашиваешь?

— Откуда же я могу знать, что сделало вас счастливыми?!...

— А эта встреча? Разве могли мы, смели ли даже думать, что появившись в такое глухое время, мы здесь встретим нашу великолепную, нашу несравненную Зою?... О, я уверен, что даже древний Писистрат — в зените своего счастья...

— Лъстец! — перебила его, улыбаясь, матрона. — Перестань... Твой язык в разладе с твоей головой. Бери пример с твоего товарища, он молчит в то время, когда ты сыплешь словами.

— Каждый выражает свой восторг по-своему... Я уверен, что у этого почтенного македонянина от восторга встречи с тобой язык прилип к гортани. Зоя засмеялась.

— Так ли он говорит, Василий? — обратилась она к угрюмо молчавшему македонянину.

— Он прав, великолепная, — серьезно отвечал тот, — но на моей угрюмой скалистой родине и в самом деле не привыкли выражать волнующие душу чувства словами... Для этого необходимы дела.

— Я понимаю тебя, Василий... Но вы не сказали, куда вы идете?

— Он идет со мной, — отвечал Марциан, кивая на македонянина, — а я иду сообщить поскорее моим зеленым радостную весть: скоро ристалище...

— Вот как! Это в самом деле прекрасная весть... Откуда ты знаешь это? — От него!

Василий во время этого разговора отошел несколько поодаль и стоял с смиренным видом, потупив в землю глаза. Он скорее почувствовал, чем увидел обращенный к нему полный удивления взгляд Зои.

Матрона, очевидно, не была еще осведомлена о происшествии дня. Марциан сделал ей едва заметный знак, из которого она поняла, что в императорских покоях случилось нечто такое, что в самом недалеком будущем обещает Византии нового временщика.

— А Вардас? — чуть не шепотом спросила она Марциана.

Тот пожал плечами.

— Что же Вардас? Он стар и надоел вместе со своим Фотием порфирогенету...

— Кто же за него при дворе?

— Ингерина.

— Вот как! Я и не знала... Сожалею!

— Я поправил эту беду, великолепно...

— Как?

— Передав ему от тебя поклон и сообщив, что ты близка с этой Ингериной.

— Благодарю!

— За что? Мы должны помогать друг другу...

— С каких это пор? — оправившись окончательно, насмешливо спросила Зоя. — Разве ты меняешь свой цвет?

— Нет! Я был и буду зеленым.

— А я была и буду голубой!

— Ну, это для ипподрома!

— Что в ипподроме, то и в жизни... А он за кого?

— Не знаю пока! Он скрытен и скуп, но, может быть, последнее — от бедности...

— Теперь его кошелек скоро будет битком набит золотыми солидами. Однако, мы долго оставляем его одного... Подойди же сюда, благородный Василий!

Василий, слух которого был с малых лет изоцрэн до тонкости, слышал весь этот разговор, как ни тихо вели его собеседники. В душе он был очень рад ему. Хитрый и сообрази-

тельный македонянин прекрасно понимал, что все эти таинственные переговоры и сообщения знаменуют собой его несомненный успех. Как крысы покидают корабль пред его близким крушением, так точно они стадами являются на судно, недавно оставленное, но снова снаряжаемое в далекий путь, потому что ожидают, что на этом корабле будет собрана масса всевозможных запасов, которыми можно будет вдоволь поживиться. Точно так же и в роскошной Византии ее пышные царедворцы всегда покидали того, на кого падала хотя бы тень немилости императора, и в то же время курили фимиам всякому, кто сумел привлечь к себе внимание правителя. Македонянин был простого происхождения. Детство, юность, молодость он провел на приюлье своей родины. Только двадцати пяти лет от роду появился он в этом великолепном городе. Поэтому он не совсем еще был опошлен придворной жизнью, хотя природный ум его ясно представлял ему общую картину положения дел. Василий прекрасно знал цену этим ухаживаниям, а потому и не особенно обращал на них внимание.

Но внимание Зои было ему дорого.

Эта матрона была очень близка ко двору. Марциан только что сказал, что она близка и к Ингерине. Если это так, то через нее Василий мог знать все о дорогой ему женщине, пожертвованной им ради удовлетворения своего честолюбия. Может быть, она даже поможет ему хоть изредка видеться с ней. Потом это устроится само собой, если только ему удастся создать себе прочное положение около порфиrogenета, но пока не мешает записаться расположением этой Зои.

Кто была Зоя? Марциан сказал, что она была славянка. Да это было видно и при первом взгляде на нее. В Византии говорили, что она сперва была рабой и куплена уже умершим теперь патрицием Романом на рынке невольников. Роман был стар, развратен, пресыщен жизнью, но Зоя так повела себя с ним, что сумела окончательно овладеть стариком. Ради нее Роман позабыл все на свете. Он был увлечен молоденькой славянкой настолько, что не задумался даже жениться на ней и сделать ее, таким образом, полной госпожой в своем доме. Однако, он скоро умер, оставив Зою пол-

ной своей наследницей. Та недолго горевала по старику и вышла замуж за фаворита императрицы Феодоры, вдовы покойного Феофана и матери уже царствовавшего тогда малюткой Михаила-порфирогенета. Благодаря этому, она попала ко двору и держала себя так удачно, что когда возмужавший Михаил заключил в монастырь свою энергичную мать, она сумела остаться на высоте, а не пала вместе с Феодорой, как этого можно было ожидать. С тех пор она постоянно была при дворе, хотя и второй ее муж скоро умер. Злые языки Византии поговаривали, что всем своим положением она безусловно обязана была Вардасу, дяде Михаила-порфирогенета, ставшему еще при жизни второго мужа Зои ее неизменным покровителем. Теперь Вардас был болен. Зоя знала, что, если он умрет, разрушится и ее могущество. Она не показывала виду, но в душе сильно беспокоилась за свое будущее... Вот почему она обратила особенное внимание на македонянина, предчувствуя в нем так же, как и Марциан, новое яркое светило византийского двора.

— Я вижу, ты очень скромна, — заговорила

она. — Неужели все мужи твоей родины похожи на тебя?

— Не знаю, что и сказать тебе, великолепная, — ответил, подходя, Василий. — Действительно, у нас в Македонии говорят, что скромность — лучшее украшение мужей.

Зоя улыбнулась.

— Что хорошо в Македонии, то никуда не годится в Константинополе, — сказала она. — Но вот что: хотя Марциан и сказал мне, что вы оба идете сообщить вашим друзьям радостную весть о начале ристалищ, я вижу — вы все-таки не особенно спешите. Если это так, пойдите со мной, я отправляюсь к Склирене и тебе, Василий, советую заслужить ее расположение... Идем!

— К Венере подобной Склирене! — вскричал Марциан. — О, если бы там меня ждала сама смерть, я готов был бы и с нею встретиться в покоях Склирены.

— Прекрасно! Ты согласен. А ты, Василий?

— Я тоже готов последовать за тобой, несравненная...

— Тогда идем, Склирена заждалась меня...

— Она утешилась? — спросил Марциан. —

Радостью или горем блещут ее чудные очи?

— Разве может утешиться женщина в положении Склирены? В этом вопросе я не узнаю тебя, Марциан!

— Прости, несравненная!... Но женское горе — что весенняя гроза. Прогремит гром, соберутся тучи, сверкнет молния, а затем снова все ясно и светло, снова светит радостное солнце... Но что там за шум?

Действительно, из одного из переулков доносились бряцание оружия, громкие голоса, хохот и отчаянные крики о помощи.

Крики эти были так громки, что Зоя испугалась.

Однако, опасности не было.

Из— за поворота дома показалась толпа вооруженных солдат. Среди них виден был связанный крепко-накрепко веревками какой-то человек, для которого императорские гвардейцы не жалели пинков и самых отборных ругательств.

Несколько в стороне от солдат, сбоку, шел человек в богатой одежде таких же цветов, какая была и на Марциане. Около него двое солдат скорее тащили, чем вели молодень-

кую девушку.

— Ого, — воскликнул Марциан, увидев эту группу, — мы принесем несравненной Склирене приятную весть! Ведь это — ее варяг! Молодец Никифор!

Действительно, императорские гвардейцы вели Изока. Девушка же была Ирина, внучка старого Луки.

18. МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Предчувствие недоброго недаром овладело старым Лукой, когда он, повинувшись желанию внучки, с одной стороны, а с другой — влечению своего сердца, решил оказать помощь несчастному беглецу.

Да и как он мог отказать в этом Изоку? Ведь он был ему родной по духу, по крови, по родине... Ведь он был славянин.

Стар был уже Лука, всякая надежда когда-нибудь увидеть родину давно уже покинула его. Он состарился здесь, переменил даже веру отцов, но ничего не могло заставить его забыть родной Днепр, с его беспредельными береговыми равнинами. Постоянно не выходил он из головы старика, который грезил,

мечтал о нем... И вот, теперь перед ним явился сын родной ему страны и просит о помощи...

Лука не решился ответить отказом.

Он прекрасно понимал, что в случае, если погоня найдет здесь Изока, ему, жалкому рабу, придется плохо, но не за себя он боялся, а только за Ирину.

В жилах девушки текла чистая славянская кровь. Старик знал, что его внучка смела, отважна, сумеет постоять за себя, не дать себя в обиду, но он не рассчитал того, чему его, казалось бы, должен был научить опыт всей его жизни: Ирина была сильна и смела, но она была одна, а не одной же ей было бороться и одолеть целую Византию...

Раз решившись приютить и укрыть у себя Изока, Лука разом откинул все свои сомнения и думы. Его решение было твердо, и оставалось только привести его в исполнение, то есть, другими словами, во чтобы то ни стало укрыть беглеца.

Но, прежде чем сделать это, ему нужно было дать отдохнуть, подкрепить свои силы, а потом уже и спрятать его.

Скромный ужин, поданный Ириной, был моментально уничтожен голодным Изоком. Не осталось даже крошек, которыми внучка Луки кормила обыкновенно своих любимых птиц. Рыба была обглодана до костей. Первое чувство голода было утолено. Сытым себя Изок далеко еще не чувствовал, но силы все-таки были несколько подкреплены.

Теперь его стало клонить в сон, но он не хотел казаться невежей и не узнать, кто так радушно приютил его и разделил с ним более чем скромную трапезу.

— Скажи мне твое имя, старик? — заговорил Изок, стараясь преодолеть дремоту.

— Лука.

— Лука? Она сказала — ты с Днепра.

— Да!

— Но там нет таких имен!

— Ты прав... Это имя я получил уже здесь.

— А как звали тебя раньше, у нас на Днепре?

— Я готов тебе сказать это. Там, у себя на родине, я носил имя Улеба...

— Улеба, Улеба!... Знакомое имя! — проговорил задумчиво Изок. — У нас на Днепре до

сих пор свято хранится память одного Улеба.

— Какого?

— Старейшины полянского... Он был взят в плен варягами, и с тех пор о нем ничего не слышно.

— Что же говорят об Улебе?

— Что это был один из лучших старейшин на Днепре, и боги покарали полян, отняв их у него... Но ты плачешь, старик, ты, может быть, знал Улеба...

— Знал... О, Боже! Благодарю Тебя!... Юноша! Ты после стольких лет горя, тоски, первый приносишь мне счастье! Ведь тот самый Улеб, о котором ты только что сказал, что его память не забыта на родном Днепре, этот Улеб — я!

— Ты!

— Да, мальчик... Ты первый узнаешь это...

Изок вскочил. Сон разом отошел от него. Глаза его загорелись радостным огнем.

— О, боги! Боги! Великий Перун! Ты дал мне встретиться с ним!... Ты, ты — Улеб?... Скажи мне это еще раз!

— Да, я... Но что с тобой, я не узнаю тебя, ты весь переменялся...

Как будто весь горишь...

— Да, я горю...

Горю от счастья... Еще спрошу тебя. Эта девушка, которую ты зовешь своей внучкой, кто она?...

— Как кто?

— Имя ее отца... Ради богов, ради Перуна... Ведь ее отец — твой сын? Ирина, слушавшая весь этот разговор из угла хижины, теперь встала и подошла. Женским чутьем она поняла, что сейчас должно совершиться что-то очень важное, что произведет окончательный поворот в ее жизни.

— Скажи ему, Лука, как звали моего отца, — произнесла она. — Ты только что называл мне его имя...

Старик, однако, молчал. Он не понимал этого странного восторга, охватившего юношу.

— Скажи, Улеб, как имя ее отца? — по-прежнему настойчиво говорил Изок. — Или ты забыл?

— Нет...

— Не Всеслав ли?

— Да, Всеслав! Но откуда ты можешь это

знать?

— Откуда? О, боги! О, Перун! Да как же мне не знать имени моего родного отца?!

— Родного отца? Что я слышу! Отца? Всеслава?

— Да, да! Всеслава, сына Улеба, полянского старейшины, увезенного в плен варягами... Если это — это его дочь, — Изок указал на Ирину, — то она — моя сестра!

Вслед за этим признанием в хижине разом воцарилось мертвое молчание. Все трое стояли и молча, в каком то изумлении, смотрели друг на друга. Первым пришел в себя старик.

— Бог христиан и вы — боги моей родины, — полным восторга и слез голоса заговорил он, — за что посылаете вы мне такое неслыханное счастье? Или для того, чтобы скрасить скрывающееся за ним новое горе?... Изок — сын Всеслава, того Всеслава, которого я давно считал мертвым... Всеслав жив... О, Боже, Боже!... Ирина, что ты молчишь? Ведь, это — твой брат! И как же я сразу не узнал тебя... Ведь ты так похож на твоего отца... Приди же, обними меня!...

Старик переживал чуть ли не первые

счастливые минуты с той поры, как потерял все самое дорогое для человека на свете: родину, свободу, жену, детей...

Радость его не знала пределов. Ирина и Изок тоже сияли восторгом. Спать уже никто не ложился, до сна ли было счастливым в эту ночь?

Изок рассказал деду, что его сын, Всеслав, так полюбившийся варяжскому вождю, был взят этим последним к себе. Сперва он был у него рабом, но потом варяг увез его в свою родную страну, где он был освобожден и стал свободным воином. Вместе с норманнскими викингамы бывал Всеслав в их походах, приобрел славу и честь и стал известен даже самому Рюрику, приемному сыну короля Белы. Вместе с ним он ходил войною на Ильмень, а затем, когда приильменцы призвали Рюрика княжить и владеть ими, он пошел в родную землю вместе с варяжскими дружинами. Потом, когда Аскольд и Дир ушли на Днепр, он ушел с ними и теперь живет на родной стороне и в большом почете у норманнских витязей. Еще до прихода на Ильмень, он женился на норманнке, и Изок родился там, в суровой

Скандинавии. За отцом он пошел на его дальнюю сторону, полюбил приволье Днепра, но злая, как он думал, судьба привела его сюда, в Византию...

Юноша воодушевлялся, когда говорил о Днепре...

Видно было, что в его жилах текла славянская кровь. Норманн по матери, он все-таки был славянин по отцу. Славянское простодушие сливалось в нем с скандинавской суровостью.

Он был силен, храбр, любил отца, князей, свой Днепр, свою вторую родину, и вот теперь он, встретив этих людей, к которым его, очевидно, привела судьба, был просто сам не свой и не знал, что и подумать о таком странном стечении обстоятельств.

Он остановился на минутку.

— О, говори, говори! — восклицал старик. — Я так давно не слышал родного наречия, что твои слова мне кажутся музыкой.

И Изок снова говорил, не утомляясь и не уставая.

19. ГОРЕ

Поднявшееся снова на небо солнце застало всех троих бодрствующими.

Изок и Ирина говорили без умолку, их дед молчал, и только радостная улыбка свидетельствовала о том великом счастье, которое он переживал в эти мгновения.

— Мы должны бежать все трое на родимый наш Днепр, — говорил восторженно Изок.

— Да, да! Мы бежим отсюда, — вторила Ирина, — там ждет нас отец... Но как это сделать?

— Найдем возможность... Улеб, отчего ты не вернулся на родину? Ведь, ты пользуешься свободой...

— Ты спрашиваешь меня об этом, дитя? Я готов тебе сказать это. Когда я жил здесь первое время, я был рабом. Цепи тяготили мое тело, а потом, когда меня освободили от них, я уже чувствовал себя настолько дряхлым и слабым, что побег мне и одному был не по силам...

— Ты был не один?

— Здесь умерла мать твоего отца... Кроме же нее, у меня была на руках, вот она, Ирина. Не мог же я бросить их и бежать один!... Да и как бежать, с кем? Варяги же, какие бывают здесь, меня не взяли, а пробраться одному — разве это было мыслимо?...

— И ты остался?...

— Да, ради жены и внучки.

— И изменил своим богам?...

— Не я им изменил, а они мне изменили. Бог же христиан помогал мне во многом. Я бывал в его храмах, и мое сердце было им тронуто. Я решил жить и умереть здесь, а потому и крестился. Она — тоже христианка.

— Но теперь, когда мы вернемся на родину, на наш Днепр, ты оставишь Бога христиан?

Старик печально, в знак отрицания, покачал своей седой головой.

— Нет! — произнес он.

— Но ты должен!

— Пусть! Но что мы будем говорить об этом!...

— Это правда! Скажи мне лучше, как вам жилось здесь?

— Не скажу, что плохо... Я даже думаю, что там во дворце мне кто-то покровительствует... Куропалат всегда добр ко мне, отдает мне почти все остатки с кухни императора, дарит мне одежду, потом живем мы здесь — нас никто не трогает. Мало этого, никто даже не заходит сюда. Мне покойно, и в этой тишине я даже не боюсь за мою Ирину.

— Но кто этот покровитель?

— Не знаю!...

День уже совсем начался, когда счастливицы почувствовали усталость и новый призыв ко сну. Разговоры прекратились.

Старый славянин заметил это.

— Усни, Изок, и ты Ирина! — сказал он.

— А ты?

— Я не могу...

— Тогда и мы не будем спать.

— Нет, нет!... Вам, особенно тебе, Изок, необходим отдых. Ирина, ты останешься здесь, а я укажу ему место, где он будет в полной безопасности. Сказав так, Лука увел юношу.

— Его никто не найдет, если даже придут сюда, — сказал он Ирине, возвратившись в

хижину.

— О, Лука, скажи мне, мы уйдем отсюда? — спрашивала девушка.

— Что и сказать тебе — не знаю... Кто знает волю судьбы?

— Но мы должны уйти!

— Пусть вернется на Днепр Изок, он там найдет способ выручить нас, особенно если этого захочет Всеслав.

— Мой отец! Как сладко мне это слово!...

Лепеча так, Ирина заснула. Она не помнила, долго ли ей пришлось спать, только громкий шум, крик, бряцанье железа о железо разбудили ее. «Что там такое? Верно, пришли за Изоком», — подумала Ирина и выбежала из хижины.

Она не ошиблась. На поляне, перед хижинной, она увидела надменного вида патриция, громко спорившего с ее дедом. Около патриция стояло двое вооруженных воинов, ожидавших приказаний своего начальника.

— Ты должен был видеть его, — кричал патриций.

— Нет, благородный господин, здесь никого не было! — смиренно отвечал Лука.

— Лжешь!

— Я никого не видал...

— Следы показывают, что варвар скрылся здесь...

— Пусть благородный господин прикажет осмотреть все кругом, и, если он кого-нибудь найдет, я готов ответить жизнью!...

— Твоей жизнью! Кому она нужна, собака? Ну, смотри, я ухожу, мы уже все обшарили кругом, и, если ты только осмелился солгать, то берегись, горе тебе!

Говоривший обвел глазами вокруг, и взгляд его остановился на вышедшей из хижины Ирине.

— Это кто? — отрывисто спросил он.

— Моя внучка, благородный господин!

Патриций так и впился глазами в девушку.

Ирина смутилась под этим совершенно новым для нее взглядом, в котором так и отражалась — она инстинктом чистой неиспорченной души чувствовала это — какое-то неведомое для нее скверное чувство.

— Внучка, ты говоришь? Подойди сюда, красавица!... Вот цветок, который так пышно расцвел в нашем парке, и я не знал об этом.

Как твое имя?

— Ирина!

— Чудное имя! Вот что, старик: я уже сказал, что я тебе не верю, но что же делать! Если ты и скрыл варвара где-нибудь, то, признаю это, скрыл ты его очень ловко... Ты упорствуешь и не хочешь мне выдать его, так вот что: я, чтобы сломить твое упорство и заставить тебя быть искренним, беру эту девушку заложницей!

— Нет, нет, — закричал Лука, — ты не посмеешь этого!...

— Отчего?

— Она — моя внучка!

— Ну, так что же?

— Я не отдам тебе ее...

— Посмотрим, как ты это сделаешь... Эй, вы!... Взять ее!...

— А старика? — спросил один из солдат.

— Оставьте эту падаль!

Ирина отчаянно отбивалась от солдат. Лука кинулся к ней на помощь. Он с ожесточением вцепился в одного из воинов, но тот, чтобы избавиться от него, ударил его мечом...

Лука покатился с рассеченной надвое голо-

вой...

Дикий крик Ирины, видевшей это злодеяние, огласил парк. Ей в ответ раздался другой крик.

Это Изок, вырвав с корнем молодое деревцо, кинулся на помощь сестре. — Вот он, вот, держите! — закричал патриций, кидаясь сам в сторону и укрываясь за ближайшим деревом.

Изок бешеным ударом свалил с ног солдата, державшего Ирину, другой отскочил сам, но в это мгновение привлеченные криками другие воины из отряда появились на поляне.

После недолгой борьбы Изок был схвачен и крепко опутан веревками.

Ирину пришлось тоже связать...

Поляна скоро опустела...

Лука, уже мертвый и похолодевший, остался на том месте, где упал.

20. НАЧАЛО БОРЬБЫ

Ирина эту ужасную сцену, так неожиданно разыгравшуюся перед ее глазами и участницей которой стала она сама, сперва не приняла за действительность. Ей казалось, что она видит какой-то ужасный сон, и стоит ей только сделать усилие проснуться — все это мигом развеется, как дым от дуновения ветра, — и снова, но уже наяву, возвратятся сладкие мечты и грезы.

Но, увы, страшная действительность скоро дала себя почувствовать. Веревки резали ее тело, грубые толчки императорских гвардейцев помимо ее собственной воли заставляли ее передвигать ноги и идти вперед, а этот противный начальник солдат, лишивших ее самого дорогого на свете существа, шел рядом и шептал ей на ухо слова, смысл которых заставлял ее краснеть даже в такую минуту.

Впрочем, она плохо понимала, что говорит ей этот человек. Отдельные фразы, достигавшие ее слуха, поражали ее, заставляли невольно краснеть, но общий смысл все-таки ускользал. Пониманию этого ребенка-полуди-

каря мало была доступна витиеватая, полная фигурных оборотов, речь византийца.

Она так была поражена постигшим ее несчастьем, что все еще жила душой в страшной сцене, разыгравшейся на берегу Босфора в том мирном уголке, где она провела всю свою жизнь.

"Как прав был Лука! — говорила сама себе Ирина. — Еще вчера он говорил мне, что в счастье скрыто горе... Явилось счастье и тотчас же оно затмилось горем!... Неужели все так бывает на свете?..."

Машинально она стала прислушиваться к тому, что говорил шедший рядом с ней византиец.

— Ты была, — шептал он ей, — среди всех цветов парка нашего императора самым роскошнейшим, самым пышным, но это было в лесной глуши, вдали от всего живого... Только птицы да солнце любовались твоей красотой, но теперь, о, радуйся же, радуйся, теперь все изменится, все пойдет по-другому! Мой дом полон золота, серебра и багряниц. Сотни рабов будут стремиться выполнить каждое твое желание, каждую твою прихоть; все, что

на земле есть великолепного, роскошного, все будет готово к твоим услугам, и в моем доме ты, скромный цветочек, распустишься еще пышней, станешь еще прекраснее... И все это будет тебе за один только твой ласковый взгляд, за твою улыбку, за ласковое слово...

— Что тебе нужно от меня? — невольно вырвалось у расслышавшей эти слова Ирины.

Она вся дрожала.

— Любви, твоей любви... — услышала она.

— К тебе? К убийце?

— Какой же я убийца? Что ты!

— А Лука...

— Так это вовсе не я... Виноват вон тот гвардеец, а я тут ни причем... Да что тебе в этом старике? Он достаточно пожил, на что ему была жизнь? Пожил на свете и умер — таков уж вечный закон природы, а как умереть — от болезни ли, от меча ли — не все ли равно...

— Отпусти меня!

— Конечно! Разве ты могла в этом сомневаться?... Ты будешь свободна! В этом мое слово...

— Когда?

— А вот, когда ты наведишь мой дом... Ты побудешь у меня немного. Поглядишь, как живут у нас в Византии, а потом, если тебе будет угодно, если тебе у меня не понравится, иди... Я не осмелюсь задерживать тебя...

— Тогда прикажи развязать веревки.

— Нет, прости... Когда птица попадает в клетку, дверцы всегда остаются закрытыми...

— Презренный! Теперь я вижу, что ты все лжешь.

Византиец расхохотался.

— Как ты прекрасна в своем гневе! — воскликнул он. — Я поспешил бы отдать дань твоей красоте и расцеловать тебя, если бы не эти приближающиеся сюда люди, среди которых я вижу великолепную матрону Зою, моего милого Марциана и еще кого-то... Увы, эта встреча несколько мешает моим намерениям, но верь мне, что мой поцелуй останется за мной и не пропадет... Я немедленно, как только мы будем дома, с излишком наверстаю все, теперь мною потерянное... Мы будем счастливы, мой цветочек! Но что это значит?... Великолепная Зоя направляется в нашу сторону. О, я предчувствую, что она перехватит у меня

радостную весть о поимке варвара и прежде меня принесет ее первую к очаровательной Склирене!...

Носилки Зои действительно остановились по ее знаку. Матрона с любопытством и изумлением глядела на связанных юношу и девушку.

— Привет тебе, несравненная Зоя! — подошел к ней начальствовавший над гвардейцами патриций. — Привет тебе, Марциан, и тебе...

Он низко поклонился, придав своему лицу возможно более подобострастное выражение.

Зоя внимательно посмотрела на него.

— И тебе мой привет, благородный Никифор, — ответила она. — Вижу, что сегодняшней день был для тебя удачным... Где нашел ты такую прекрасную добычу?

— Ты говоришь про девушку или про этого варвара?

— Про обоих...

— Я могу сказать тебе только про варвара... Ты видишь, он смотрит как будто во все глаза, между тем он слеп, как, впрочем, слепы все они...

— Перестань говорить загадками, я плохо понимаю тебя! Что ты хочешь сказать этими словами?

— Никифор намекает, — вмешался Марциан, — что этот варвар слеп потому, что его глаза не оценили всех прелестей венероподобной Склирены... — Вот как! А эта девушка?... Что она могла сделать? Или она осмелилась вступить в соперничество с моей несравненной Склиреной?

— О, нет! Эта дикарка вместе с каким-то стариком укрыли у себя моего дикого зверя, но, благодаря мне, он был все-таки найден. Старик зачем-то нашел нужным умереть...

— Какой старик, о ком ты говоришь, Никифор? — с заметным волнением и тревогой в голосе воскликнула Зоя, приподымаясь даже на носилках.

Василий внимательно посмотрел на матрону и сразу заметил ее волнение. "Что это может значить? — подумал он. — Зоя интересуется каким-то варваром! Не понимаю!"

— О каком старике говоришь ты? — повторила снова свой прежний вопрос Зоя.

— Ах, почему я знаю! Какой-то варвар, жив-

ший в чаше парка, у самой воды... Его, кажется, я видел во дворце... Его называли там Луккой...

— Он умер, ты говоришь?

— Я в этом уверен, и рассуди сама, несравненная Зоя, мог ли я оставить этот цветок, — он указал на Ирину, — одиноким! Нет, тогда я считал бы себя в этом случае самым грубым из варваров.

Он хотел еще что-то прибавить, но громкий крик перебил его.

Это Изок, долго всматривавшийся в Зою, вмешался и начал кричать, привлекая к себе общее внимание.

— Слушай ты, женщина! — гремел он. — Я знаю, я видел тебя и слышал, что в твоих жилах течет славянская кровь... Ведь ты сама с Днепра, это говорили мне верные люди, ты должна знать полянского старейшину Улеба.

— Улеба! — воскликнула Зоя, и смертельная бледность выступила даже сквозь покрывавшие ее щеки румяна. — Что с ним?

— Он убит...

Убит по приказанию вот этого человека, который говорит с тобой, как друг...

А его внуков, детей его сына Всеслава, — они перед тобой — ведут на смерть, на муки, на позор... Радуйся, отступница, и да поразит тебя великий Перун своим громом!

Зоя совсем встала на носилках. Она с широко раскрытыми глазами слушала Изока. Теперь она вся бледная, с высоко вздымающейся грудью, соскочила с носилок и кинулась к юноше.

— Улеба! Ты сказал: Улеба, Всеслава? — повторяла она.

— Да...

Да... Я — Изок, а это — сестра моя, Ирина, мы — дети Всеслава.

— О, боги! Что же это... Никифор! Благородный Никифор!...

— Что прикажешь, несравненная!

— Умоляю тебя, отдай мне твоих пленников!

— Ты просишь меня об этом? Но нет, я не могу исполнить такого желания!

— Отчего?

— Этот варвар — преступник, он должен быть возвращен в темницу Демонодоры, а эта девушка... Ну, ты, конечно, поймешь меня, ес-

ли я скажу, что отпустить ее мне мешает мое сердце.

— Ты их отдашь мне! Я этого требую!...

— Нет! Но прости, мне уже пора! Вперед!

По приказанию Никифора гвардейцы со своими пленниками тронулись вперед.

— Но что же мне делать? — прошептала Зоя. — Ведь я так или иначе должна спасти их...

Марциан в ответ только пожал плечами, как бы желая дать понять, что в этом случае на его помощь нечего рассчитывать.

— Прости и прощай, несравненная Зоя, — произнес Никифор, — не гневайся на меня, что я не могу исполнить твоей просьбы.

После иронически-вежливого поклона он хотел идти вперед за солдатами, но выступивший вперед македонянин величавым жестом руки остановил его.

21. ПЕРСТЕНЬ ИМПЕРАТОРА

— П^остой, благородный Никифор, — заговорил он покойным, но вместе с тем и вежливым голосом, — остановись сам и прикажи остановиться твоим гвардейцам!

Никифор был изумлен этим дерзким, как ему казалось, обращением совершенно незнакомого ему человека.

— Кто ты, незнакомец? — воскликнул он. — Скажи мне сперва свое имя, чтобы я мог знать, с кем я имею дело!

— Сейчас ты это узнаешь: меня зовут Василий, а родина моя -Македония...

— А моя — Константинополь... Но довольно, дай мне дорогу, я должен спешить.

— Успеешь...

Тон голоса македонянина был очень самоуверен. Когда он услышал спор Зои с Никифором и заметил волнение первой, он сразу же понял, что перед его глазами происходит что-то не совсем обыкновенное. Ему очень не понравился высокомерно вызывающий тон Никифора, о котором он и раньше слышал много дурного. Он тотчас же принял сторону

Зои и решил встать на ее защиту против этого видного, как он знал, вождя дворцовой партии зеленых. При этом ему захотелось испытать, так ли он могущественен, как видно было по обращению с ним придворных, Марциана и даже самой Зои. Сверх всего этого, ему очень хотелось сделать угодное этой важной матроне, ставшей подругой дорогой ему Ингерини. Она могла ему оказать много услуг, хотя бы одной передачей вестей от Ингерини к нему и обратно.

Он решил действовать и смело преградил дорогу Никифору.

— Успеешь, — повторил он, спокойно глядя на него, — теперь я тебя прошу: исполни желание Зои!

Никифор даже покраснел от гнева. Он так и впился глазами в своего соперника и даже не видал тех знаков, которые ему делал Марциан.

Зоя тоже с удивлением смотрела на своего неожиданного защитника. Гвардейцы, заинтересовавшиеся этой сценой, остановились и также с удивлением ждали, чем все это кончится.

— Меня удивляет твоя настойчивость, — заговорил Никифор. — Явился из какой-то Македонии, никому не известен, а смеет вступать в разговоры с гражданами великой Византии!... Это — дерзость, которая заслуживает того, чтобы за нее поучили!... Эй, ко мне!...

— Постой! — снова остановил его македонянин. — Я вижу, ты очень горяч, но это я приписываю твоей молодости и ничему другому... Добро на тебя не действует, и я буду разговаривать с тобой теперь иначе...

— Благородный Василий, молю тебя, — возразила Зоя, почувствовавшая, что Василий имеет полные основания говорить так с одним из предводителей императорских телохранителей. — Умоляю тебя, прикажи ему отдать мне этих людей.

— Не беспокойся, прекрасная Зоя, — отвечал Василий. — Все будет так, как ты желаешь.

— Никогда! — неистово закричал Никифор.

— Ты не отпустишь этих людей?

— Нет!

— Если даже я приказываю тебе именем

императора-порфиrogenета?

Никифор на миг смутился.

— Чем ты можешь доказать это? — растерянно произнес он.

— Гляди!

Василий поднял в уровень с его глазами левую руку, на указательном пальце которой сверкал данный ему Михаилом именной перстень.

— Преклоняюсь пред волей несравненного и великолепного повелителя Византии, — весь как-то съежившись, проговорил Никифор. — Эй, отпустите их!...

Это приказание было исполнено моментально.

— Ты довольна, прекрасная Зоя! — обратился к матроне, едва пришедшей в себя от изумления, Василий.

— Я не знаю, как и благодарить тебя, благородный македонянин!

— Не надо благодарностей... Но услуга за услугу. Когда останешься с глазу на глаз с великолепной Ингериной, передай ей...

— Понимаю... Что Василий по прежнему люб...

— Тсс!... Но кто отведет к тебе этих людей?

— Они пойдут домой сами... Дети Всеслава и внуки Улеба, обещаете ли вы без всякого сопротивления, не делая никаких попыток к бегству, последовать за мной в мой дом, где вы найдете прием, достойный вас?

— Обещаем! — в один голос отвечали Изок и Ирина.

— Тогда пойдете!... Следуйте за моими носилками... Василий, прошу тебя, проводи нас немного.

— Ты мне доставляешь одно только удовольствие этим твоим приказанием, Зоя, — поклонился Василий. — До свидания, Марциан... Наши пути расходятся отсюда в разные стороны.

По знаку Зои, носильщики подняли ее и тронулись вперед. Изок и Ирина покорно последовали за матроной. Рядом с носилками пошел Василий.

Никифор проводил их злобным взглядом, Марциан же, как только носилки отошли подалее, разразился взрывом веселого смеха.

— Кто это? — скрежеща зубами, спросил у него Никифор.

— Я сам немного знаю... Известно только, что несравненная Ингерина раньше принадлежала ему, а потом он уступил ее нашему порфирогенету...

— Долой этого пьяницу! Я подниму на него всю гвардию... Но откуда у этого выскочки перстень императора?

— Он беседовал с ним с глазу на глаз...

— Вот как!... Но, чтобы то ни было, я должен ему отомстить!

— Будь осторожен!

— Все равно...

— Тогда, если ты только решился, у тебя есть очень верное средство для мести...

— Какое?

— Ты не догадываешься! А Склирена? Ведь эта Зоя увела Изока, и, если сумеешь направить в нужную сторону ревнивое чувство женщины, можно горами vorочать.

— Ты прав! Склирена сломит и Зою...

— Это было бы хорошо. Не следует забывать, что Зоя принадлежит к «голубым»...

— Да, да! Пойдем же к Склирене...

— Нет, ты иди уже один... Я в этом деле ни сколько не заинтересован, да притом мне

нужно зайти на ипподром...

Прятели расстались.

Почти в то же время и Василий расстался с Зоей.

— Еще раз благодарю тебя за услугу. Но, вот, еще просьба... Ты знаешь Анастаса, епарха, он главный начальник голубых, к которым принадлежу и я? — заговорила Зоя.

— Мне приходилось слышать о нем. Что же я должен сделать?

— Пойди к нему и расскажи о том, что я сделала... Никифор не простит мне, и я должна ждать неприятностей... Вардас болен; если бы он был здоров, я ничего не боялась бы... Исполнишь ты это?

— Я все сделаю для тебя, прекрасная Зоя, но теперь позволь мне тебя оставить... Ведь этот Никифор не простит и мне, и я должен предупредить его...

— Иди, иди! И да благословит тебя Бог!

Василий в самом деле поспешил во дворец. Слова Зои о том, что Никифор не простит обиды, явились для него предостережением. Он понял, что в лице этого патриция он нажил себе смертельного врага, но эта предстоящая

борьба нисколько не пугала македонянина: в ней он решил испытать свои силы... В случае победы он мог быть уверенным, что счастье обернулось к нему лицом. В покои Михаила он был допущен немедленно.

Император был в состоянии полудремоты, когда к нему вошел македонянин. Порфирогенет сейчас же узнал его и даже обрадовался его появлению.

— А, это ты! — закричал он. — С какими вестями?

Василий начал было обычное приветствие.

— Не надо... Скорее!... Что говорят?

— Весь народ восхваляет тебя и твою мудрость, несравненный!

— Знаю, все знаю — ты говоришь правду... А что о предстоящих ристалищах?...

— В Константинополе очень много мореходов, как я это теперь узнал, и народ на стороне голубых... Раздражать его опасно!

— Знаю... Пусть зеленые держатся как можно скромнее!... Но мною все довольны?

— Скучаю по тебе, великолепный, и все с восторгом встретят твое появление на иппо-

дроме... Но я прошу у тебя одной милости...

— Уже? Как это скучно...

— Я прошу милости выслушать меня...

— А, говори!...

Василий поспешил рассказать, что произошло между Зоей и Никифором.

— Чтобы не раздражать голубых, я счел нужным для виду принять сторону Зои и приказал Никифору отдать ей этих пленных. Потом их можно будет снова взять, но, пока не кончились ристалища, голубые не должны иметь повода к возмущению народа.

— Так, так, ты поступил хорошо... Я хвалю тебя, — милостиво сказал Михаил. — Можешь оставить у себя мой перстень! Я вижу — он в хороших руках.

Сердце македонянина радостно забилось: счастье было в его руках!

22. ЗА МИГ ОТ ПРИЗНАНИЯ

Зоя, Изок и Ирина всю дорогу не вымолвили ни одного слова. Только вступая уже под портик своих палат, матрона, обращаясь к юноше и девушке, произнесла:

— Добро пожаловать! Вы оба входите сюда не как рабы, а как мои дорогие гости... Здесь, под этим кровом, вы находитесь пока в полной безопасности, а что будет потом, это мы увидим...

Эти слова удивили Изока и Ирину как нельзя более. Что могло это значить? Ведь еще так недавно они были жалкими рабами в руках грубых солдат, а теперь эта роскошно одетая, богатая, знатная матрона вдруг и в самом деле обращается с ними, как с дорогими гостями, не обращая даже внимания на то, что они были презираемыми в Византии варварами.

К их услугам явились рабы; как Ирине, так и Изоку было отведено по особому покою, им поданы были лучшие яства и пития...

Только сама хозяйка не выходила к ним.

Утолив первый голод, Изок снова почув-

ствовал, что усталость последних дней берет свое. Оставшись один, он не мог преодолеть дремоты и быстро заснул крепким молодым сном, заставляющим забывать все на свете.

Ирина напротив, несмотря на все перенесенные волнения и усталость, и не думала спать. Теперь, очутившись одна сама с собой, она снова пережила все случившееся, и, чем больше она думала над событиями этого дня, тем все более и более разгоралась в ней ненависть ко всей Византии и, вместе с тем, зарождалось желание отмщения тому грубому патрицию, которого она считала главной причиной своего плена и смерти старого деда.

Ни вмешательству знатной матроны, ни ее обращению с ними она не удивлялась. По своей наивной простоте она принимала все это как должное. Она считала себя во всем безусловно правой и думала, что вместе с нею в ее правоте должен быть уверен весь мир, и всякий должен ей помочь, раз с ней случилась какая-нибудь беда.

Так прошел весь этот день, наступил другой, за ним третий, а Зоя все еще не показы-

валась своим гостям. Изок и Ирина начинали скучать.

Зоя же с умыслом не выходила к молодым славянам. Она желала дать им время оглядеться, освоиться с своим положением и, вместе с тем, подыскивала способы не только к их освобождению, но и к тому, чтобы дать им обоим возможность вернуться в родную страну на Днепре.

За это время ее несколько раз навестил вождь «голубых» епарх Анастас, пользовавшийся из-за болезни Вардаса расположением матроны. Он сообщил ей, что македонянин Василий быстро возвышается, что его положение фаворита императора становится все прочнее и прочнее уже по одному тому, что Михаил почти что не может обходиться без его совета.

О Никифоре ничего не было слышно. Зоя мало-помалу начинала успокаиваться.

Более покойная, она могла теперь явиться с сиротам, которым она дала приют в своем роскошном доме.

Изок и Ирина встретили ее появление громким криком радости.

Наконец-то они увидели ту, которая была так добра к ним в это время. Ирина с восторгом протянула к ней руки, Изок благодарным взглядом смотрел на нее.

Зоя была растрогана этой встречею.

— Дети, вижу я, что вы благодарны мне, — говорила она с ними, прижимая к своему сердцу Ирину и протягивая руку Изоку. — Вижу это и чувствую себя счастливой... Видно, не совсем я покинута судьбой, пославшей мне вас... Счастливы ли вы?

— Благородная госпожа, — ответил за себя и за сестру Изок, — мы всем довольны здесь, в твоём доме, и, родись мы в Византии, счастливее нас не было бы в целом мире! Но подумай сама, можно ли быть счастливым вдали от родины, в позорном плену?...

— Ты прав, Изок, я понимаю тебя... Но что ты скажешь, если я нашла средства доставить вам и это счастье?...

— Неужели? О, благородная госпожа! Перун вознаградит тебя за эту доброту!... А мы?... Чем мы, бедные сироты, можем отплатить тебе за это?

— Вы вспомните обо мне, когда будете у се-

бя... Поклонитесь величавому Днепру и передайте его приволью вздох моей груди... Знаете, на этих днях в Константинополе на ипподроме должно будет происходить ристалище. Когда весь народ и приближенные императора будут на ипподроме, мои рабы выведут вас отсюда и проводят на трирему «морское судно», которая и отвезет вас на родину.

— А сама ты?

— Я! Что вам до меня?...

— Но ты — такая же славянка, как и мы...

— Для меня все кончено... Я должна кончить мою жизнь здесь... Так, верно, суждено мне при рождении!... Но не будем говорить об этом... Итак, вы видите, что все благоприятствует тому, чтобы вы, дети, вернулись на родину.

— Не знаем, как и благодарить тебя, добрая госпожа!

— Расскажите мне о своей жизни...

О Днепре...

О вашем отце...

Завязалась мирная беседа. Изок повел речь обо всем, что делалось на родине. С нескрываемым восторгом рассказал он, как явились на

Днепр норманнские витязи Аскольд и Дир, как они помогли полянам освободиться от хазар и, наконец, стали сама править полянами, защищая их от набегов буйных соседей за очень умеренную дань. Большое место в этом рассказе Изока заняли и похождения его отца, Всеслава, ставшего одним из приближенных к Аскольду витязей.

— А о сестре своей не вспоминает ваш отец? — тихо спросила Зоя, перебивая рассказчика.

— Он часто говорил мне о ней...

Изок хотел еще что-то прибавить, но замывший дверь занавес в это время с шумом распахнулся. Зоя даже вскрикнула от неожиданности, но тотчас же успокоилась: в стремительно вошедшем мужчине она узнала епарха Анастаса.

Он был бледен, тяжело дышал и, едва войдя в покой, тотчас же упал на сиденье.

— Зоя, Зоя! — прошептал он. — Грозит беда!

— Что с тобой, Анастас? Какая беда? Кому?

— Прежде всего им, — указал он на Изока и Ирину, — а потом, может быть, и тебе...

— Что же случилось?

— Михаил отдал приказ схватить их...

— Не может быть!

— Я знаю это из дворца... Пусть они бегут...

Но поздно!... Слышишь?... У входа раздавался топот многих ног, бряцанье оружия.

— Именем императора! — послышался хорошо знакомый Зое насмешливый голос Никифора.

23. КОВАРСТВО

Напрасно Зоя была так спокойна относительно Склирены. Ближе, чем кому-либо другому, ей должен был быть известен мстительный характер подруги...

Склирена занимала в Константинополе такое же положение, как и Зоя. Она была вдова сенатора, но предпочитала свободу брачным узам, хотя в Византии того времени они были вовсе не тяжелы.

К Изоку она питала чисто животную страсть, а так как ее чувства были не разделены, и страсть осталась не удовлетворенною, то она разгорелась еще более и охватила все существо Склирены.

Когда Никифор рассказал ей о том, что Зоя отняла у него Изока (об Ирине он нашел нужным умолчать), Склирена сразу почувствовала, как в ее сердце вспыхнула ненависть к подруге. Марциан был прав, когда сказал Никифору, что ревность женщины можно всегда направить по какой угодно дороге. Так и случилось со Склиреной. Она не желала знать, какие побуждения заставили Зою поступить так, и была уверена, что подруга завладела для самой себя предметом ее страсти.

Злоба ее прежде всего выразилась тем, что она изорвала в клочья драгоценную шаль, привезенную из далекой Индии, но это несколько не облегчило ее.

— Что же делать! — воскликнула она. — Я пойду и вырву ей глаза.

— И ничем не поможешь своему горю...

— Тогда как же поступить?

— Дай ей день или два успокоиться, а потом выпроси у порфирогенета приказ задержать и твою коварную подругу, и так интересующего тебя варвара...

— Никогда мне Михаил не даст указа о задержании Зои! Ведь за нее эта проклятая Ин-

герина...

— Так ты и не говори императору о Зое...

— О ком же тогда?

— Пусть он прикажет схватить тех, кто будет найден в ее доме... Исполнение приказа я приму на себя, и ты понимаешь, что уж я сумею и твою вероломную подругу познакомить с тюрьмою Демонодоры...

План этот понравился Склирене. Они тотчас же начали вести интригу, но ей все не удавалось увидеться с Михаилом. Мешал этому Василий, действительно занявший в течение этого недолгого времени место наперсника императора. Никифор указал Склирене на македонянина, как на врага, но влияние Склирены было слишком незначительно, чтобы повредить новому фавориту, успевшему в глазах Михаила затмить собою всех остальных приближенных.

Но женщина всегда добивается того, что ставит своей целью. Так было и в этом случае. Склирене удалось, в конце концов, добиться свидания с порфирогенетом и как раз в один из наиболее удобных для того моментов. Нерон Нового Рима находился в том состоя-

нии, которое теперь называется похмельем. Он мог слышать слова, но смысл их не давался ему ясно. Это было самым удобным временем, чтобы выманить от него какое угодно повеление... Склирена, войдя в императорский покой, прежде всего пала на колени пред императором и с мольбою протянула к нему руки. Тот сперва испугался, но разглядев пред собою женщину и притом умоляющую его, сейчас же принял напыщенный, важный вид.

— Ты — Склирена? Видишь, я знаю даже, как тебя зовут, я все знаю, — громко сказал он. — Что хочешь ты от меня?...

— Справедливости, великолепный, и кары для твоих врагов.

— Что, разве опять заговор? — не на шутку перепугался Михаил. — Кто и где?

— Твои враги везде и всюду... Я не могу назвать тебе их имен, но могу указать место, где они собираются...

— Где же?

— Я не знаю, как зовут владельца дома, где собираются твои враги, но, если ты пошлешь со мной твоих телохранителей, я просто про-

веду их, и пусть они задержат тех, кого найдут в доме...

Михаил задумался...

— Мне кажется, что ты говоришь неправду, Склирена.

— Моя жизнь тебе поручаю в том, что я говорю не ложь! Но, великолепный, если бы и задержали невиновных, то ты ведь сумеешь прочесть всю правду в их сердцах и отпустишь их, щедро одарив, а меня тогда прикажешь казнить... Что в том, если и невиновные, ради блага Византии, проведут несколько часов среди твоих телохранителей, а если же это - виновные, то через это будет спасено государство.

— Ты права, Склирена. Я так и поступлю. Эй, позвать ко мне сюда Никифора!

Начальник телохранителей не замедлил явиться на зов.

— Вот, мы получили известие о новом заговоре, — сказал ему Михаил. — Ты сейчас же отправишься со Склиреной в тот дом, который она укажет, и схватишь...

Михаил остановился в затруднении, не зная, кого назвать.

— Кто там будет, — подсказала ему Склирена.

— Кто там будет, — как эхо, повторил порфирогенет.

Он хотел прибавить еще что-то, но Никифор, быстро выкликнув прощальное приветствие, скрылся за дверьми.

Вслед за ним из покоев Михаила скрылась и Склирена.

Оба они были очень довольны. Замысел их удался как нельзя лучше.

Едва они ушли, Михаил окончательно забыл об отданном им приказании. Склирена, Никифор и отряд телохранителей поспешили к палатам Зои.

Никифор видел, что какая-то мужская фигура вошла в дом. Сердце его радостно забилося. Ему почему-то показалось, что вошедший был македонянин Василий.

Но он ошибся. Это был епарх Анастас.

Склирена не вошла в дом. Спрятавшись за одним из его выступов, она с замиранием сердца ждала, чем кончится ее интрига.

Между тем Никифор и телохранители распоряжались в доме Зои.

— Прости, несравненная, — говорил Никифор, обращаясь к матроне, — я прихожу сюда не по своей воле...

— Что тебе надобно?

— Прежде всего, вот этого варвара и эту девушку... Возьмите их!

— Прости, Никифор... — попробовал остановить его Анастас.

— Я исполняю волю императора, — пожал плечами тот, — и ты на моем месте поступил бы так же... Правда?

— Воля императора священна! — смущенно пробормотал Анастас.

— Очень рад, если ты соглашаешься с этим! Крепко ли вы их связали? А! Хорошо... Ну, теперь возьмите вот и эту пару!

И Никифор с злобным смехом указал на Зою и Анастаса.

— Как! Ты ошибаешься! — воскликнули те, отступая назад в удивлении. — Нас не может касаться этот приказ.

— Не знаю... Я исполняю, что мне приказано! Что же вы стали? — крикнул он солдатам. — Берите же их!...

Анастас схватился за меч; Никифор заме-

тил это движение.

— Напрасно, — покачал он головой, — будь благоразумен, Анастас! Ведь ты сам же сказал, что воля императора всегда священна.

— Но какая же наша вина?

— Не знаю...

— Не может быть, чтобы ты этого не знал...

— Вероятно, вам это скажут потом... Теперь же следуйте лучше за мной по доброй воле, иначе я и вас прикажу связать...

Тон, которым были сказаны эти слова, не допускал возражений. Зоя и Анастас поняли, что о сопротивлении не может быть и речи...

Дело было сделано быстро. Не прошло и часу, как Зоя, Анастас, Ирина и Изок — все вместе были заключены в мрачном подземелье...

Михаил же, увлекшись в этот вечер обычной оргией, так и не вспомнил о своем приказе.

Не в интересах Никифора или Склирены было напоминать ему об этом.

24. НА ФОРУМЕ

Наступил день, в который должны были происходить ристалища на ипподроме.

С первыми лучами солнца весь Константинополь, как один человек, поднялся на ноги. Из всех четырнадцати его округов народ спешил на форум, куда выходило самое большое число ворот для входа зрителей в ипподром. Вся жизнь столицы теперь сосредотачивалась здесь. В других местах город казался вымершим. Лавки были закрыты, рынки пусты. Во всем Константинополе, кроме форума, царил мертвая тишина.

Зато здесь был настоящий хаос звуков. Все кричали, пели, свистели, и все это смешивалось в оглушительный гул, похожий на рев какого-то тысячеголового чудовища. Везде шел отчаянный спор о том, кто должен был победить в этот день.

Толпу не волновали больше никакие вопросы.

— Зеленые, зеленые, зеленые! — кричали во всю мочь сотни человек в разных концах форума.

— Голубые! — отвечали им тысячи.

— Мы за солнце, оно нас греет и возвращает жатву, без которой ни голубым, ни зеленым делать нечего...

— Долой красных! Что солнце, когда есть зимний снег, да здравствуют белые!...

— Да здравствует весна, да здравствует первая зелень!...

— Долой весну! Хлеб снимают осенью, да здравствуют голубые!

— Да здравствуют красные!...

— Держу заклад, что клячи красных растянутся на первой стадии... Я -за зеленых; у них не кони — ветер...

Такие крики разносились по всему форуму.

У красных и белых сторонников было немного. Они были теперь не в почете у византийцев. Они даже не играли политической роли, тогда как борьба зеленых и голубых имела именно такое значение, как мы уже это знаем. Зеленые у простого народа никогда не были любимцами. Видя в голубых своих представителей, народ, в особенности чернь, поддерживали их, как олицетворение

самого себя. Поэтому за голубых была заключена масса закладов и притом мелких, тогда как за зеленых всегда ставились крупные суммы.

В народе раздавались крики нетерпения. Казалось, что слишком долго не открывали ворот ипподрома. Все горели нетерпением. Только появление колесниц, направлявшихся к ипподрому, несколько успокоило толпу.

Первыми появились красные. Толпа встретила их хохотом, свистом, насмешками, хотя и кони красных, и возницы были превосходны.

Та же участь постигла и белых.

— Клячи, клячи, а колесницы — бочки водовозов! — гудела толпа при их появлении.

Однако, далее хохота, криков и свистков толпа не шла в выражении своей неприязни к малозначительным партиям.

Белые и красные проследовали на ипподром, не обращая на толпу ни малейшего внимания. Они так привыкли ко всему происходившему, что все эти сцены не представили им ничего нового.

Зато зеленые были встречены громкими

криками одобрения. Хотя у них в толпе было не так много сторонников, как у голубых, все-таки они пользовались уважением. Колесницы зеленых гордо проследовали на ипподром, но, когда они скрылись, все на форуме стали оглядываться, как будто ожидая еще кого-то...

— Где же голубые? Отчего их нет? — слышалось со всех сторон.

— Может быть, они уже на ипподроме?

— Когда же они успели попасть туда?...

— Видел ли их кто?

Оказалось, что голубых ни накануне, ни в этот день решительно никто в Константинополе не видал.

Толпа встревожилась.

— Где же они? Может быть, их не будет...

— Они должны быть! Если так, то они разорят половину Константинополя... Что тогда будет с нами?

Но как раз в это время отворили ворота на ипподром. Толпа забыла на время свои страхи и живой волной хлынула вперед, стараясь поскорее занять места.

В один миг ипподром весь был занят народом.

Толпа шумела, кричала, ревела, требуя начала ристалища, но его нельзя было начать, пока император не займет своего места.

Между тем, одна только его ложа оставалась пустою.

Вся знать Византии уже была налицо.

Сенаторы, великий логофет, подчиненные ему логофеты, эпарх и префект, драгомань, великий герцог, великий друкирий, со своими свитами каждый, заняли отдельные ложи. Среди них видны были куропалаты, протовестиарии и протостаторы. Великий эпарх, окруженный варягами, и протоспафарий с телохранителями императора тесным кольцом окружили убранную золотом и серебром ложу, которую должен был занять сам порфирогенет.

Но вот, со всех сторон понеслись громкие, восторженные клики.

Это византийский народ приветствовал своего повелителя...

Михаила несли на носилках. Он был одет с чисто восточной роскошью.

Мантия из багрянницы красивыми складками окружала его. Из-под нее видны были

только пурпуровые полусапожки с перевязями. На голове порфиrogenета красовалась корона в форме пирамиды, образуемой четырьмя золотыми дугами. Она вся была усыпана жемчугом и драгоценными камнями. На том месте, где дуги сходились, виден был золотой крест, от которого по нижнему ободку спускались сплошные нити жемчуга.

Рядом с порфиrogenетом народ увидел женщину замечательной красоты. Она не была императрица, это всем было видно по отсутствию на ее голове короны. Тем не менее, все в Константинополе знали, кто она...

Эта была красавица Ингерина, новая подруга Михаила-порфиrogenета. Рядом с носилками шел македонянин Василий. Он был один около императора и его подруги. Уже по одному этому всем стало ясно, что этот, так недавно никому еще неизвестный человек, теперь — новый временщик, новый вершитель судеб Византии и ее народа.

Михаил был в обычном для него состоянии похмелья и лениво поводил мутными глазами направо и налево, ожидая, когда толпа перестанет кричать и успокоится.

Но вот, наконец, все стихло, и император подал знак к началу ристалищ.

Первыми выступили красные и белые, за ними из конюшен ипподрома показались колесницы зеленых...

Колесницы стали выравниваться...

Голубых не было...

25. НЕУДАЧНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Толпа ожидала всего, но только не этого.

Где голубые? Что с ними случилось? Отчего они не вышли? С кем будут состязаться зеленые? Неужели с этими жалкими красными и белыми... Ведь, тогда пропадает весь интерес к состязанию...

На мгновение, однако, толпа занялась новым вопросом, что случилось с голубыми... Никто не мог объяснить этого, и теперь заговорило любопытство. — Голубых, голубых! — редела толпа.

Напрасно, в надежде отвлечь внимание бесновавшегося народа, пущены были колесницы трех партий — на них никто не обращал внимания. Теперь уже все зрители без различия партий требовали голубых, все хо-

тели знать, что случилось.

Как раз в это время, когда напряжение достигло высшей степени, несколько византийцев, разукрашенных голубыми цветами, перескочили барьер, отделявший арену от места для зрителей, и знаками потребовали, чтобы толпа смолкла и дала им возможность говорить.

В этих людях все тотчас же узнали наиболее видных представителей партии голубых, но все также были удивлены, что между ними не было их вождя Анастаса.

Разом все стихло. На ипподроме после оглушительного шума и рева наступила мертвая тишина.

— Народ константинопольский, — из всех сил закричал один из голубых, — ты желаешь знать, почему мы не вышли на состязание? Так это?

— Так, так, говори! — как один человек, отвечала толпа.

— Я готов тебе сказать это, но только с позволения нашего великого императора.

Михаил и сам был заинтересован, почему голубые не явились на ристалище. Он повер-

нул свою голову к говорившему и сделал утвердительный жест.

— О, солнце правды, олицетворенная мудрость империи! — воскликнул голубой, обращаясь к императору, а потом и к народу. — Узнай ты и ты, народ византийский, что мы уклонились от состязания на этот раз потому, что нет между нами нашего вождя — епарха Анастаса, который должен был руководить нами. Как мы могли явиться без него на борьбу с таким мощным соперником, как зеленые? Он знал все, что касалось нас, он подготавливал ристалище, и теперь его нет... Пусть же простит нам народ византийский, и те кто держал за нас заклады, беспрекословно отдадут их своим противникам, но пусть все знают, что уклонились мы от состязаний не по своей вине... Пусть всякий, кто несет из-за нас убытки, не жалуется на нас, мы ни в чем не виноваты!

— Кто же виновен? Чья вина? — заревела толпа. — Где Анастас? Где он?... Он не умер, об его смерти ничего не было слышно... Говори же, где он?

Голубой на минуту смолк и взглянул в сто-

рону Михаила.

Крики же становились все сильнее и сильнее, требования все настойчивее и настойчивее.

Наконец, говоривший сделал знак рукой.

Толпа поняла, что он готов сообщить причину, и снова замолкла.

— Народ византийский, — еще громче, чем прежде, закричал он, — вождь голубых Анастас по приказанию императора Михаила-порфирогенета за неизвестную вину заключен в темницу Демонодоры; оттого мы и не можем принять борьбы с зелеными.

Как гром, поразила эта весть весь ипподром.

Так вот где причина, вот почему не явились голубые! О, это все -происки зеленых, не надеявшихся на победу!... Так вот, кто разоряет столько византийцев, державших против дворцовой партии... Измена! Предательство!

Несколько мгновений продолжалась тишина, но потом сразу поднялся такой гам и крик, что вот-вот, казалось, развалятся стены ипподрома от одного только вызванного им сотрясения воздуха.

— Пьяница, внук Бальбы, долой его, вон его! Анастаса! Анастаса! Смерть зеленым!... Перебить их всех!... — неслось со всех сторон.

С народом, да еще на ипподроме, шутить не приходилось.

Этого не позволяли себе даже императоры, безусловно любимые византийцами. К порфирогенету же чернь была холодна: любовью народа, которому нелегко жилось при нем, он не пользовался.

— Как прав ты был, о, великий! — наклонился к Михаилу Василий, -когда приказывал не раздражать голубых... Но около тебя недостойные слуги, осмеливающиеся не исполнять твоих приказаний.

— Я знал, все это знал, — лепетал растерявшийся порфирогенет. — Но кто этот слушник?...

— Никифор... Он сам говорил, что бросил в тюрьму Анастаса по твоему приказанию.

— Я никогда этого не приказывал, я очень люблю Анастаса. Сегодня я хотел держать за него заклад... Никифор поплатится за это. Прикажи...

Нет, ты слишком добр, я распоряжусь

сам... Подойди сюда! — жестом позвал к себе император начальника варягов. — Я тебе приказываю сейчас же схватить Никифора, ты знаешь? Телохранителя моего, и чтобы сегодня же мне принесена была его голова... Только не забудь положить ее на золотое блюдо, я терпеть не могу ничего иного... Так, Василий, ты слышал, скажи им это...

— Мне кажется, великолепно, что ты хотел освободить прежде Анастаса и поручить мне это передать народу?

— Да, да! Я это приказал тебе... Не говори про Никифора, скажи про Анастаса...

Пока происходил этот разговор, толпа приняла уже совсем другой характер. Крики и брань прекратились. Повсюду выламывали скамьи, готовясь к нападению.

Василий приказал телохранителям и варягам плотным кольцом окружить ложу Михаила, а сам, выступив вперед, протянул к толпе руки, давая этим знать, что он желает говорить.

Страсти не успели еще разгореться, жест македонянина был замечен и понят.

На ипподроме все смолкло.

— Народ византийский! Великий император поручил мне сказать тебе, -не менее громко, чем представитель голубых, заговорил Василий, — что враги и его и твои помимо его ведома сделали то, о чем ты услышал из уст почтенного патриция. Император всегда любил и любит Анастаса и голубых, он уже приказал наказать виновного и немедленно освободить невинного епарха... По приказанию императора голубые выйдут на борьбу с зелеными, в этом порукою слово великого Михаила-порфиrogenета. Доволен ли ты?

Толпа — что дитя. Ее впечатления сменяются с необыкновенной быстротой. Крики: «Да здравствует император!» — были ответом на эту речь македонянина.

Буря была предотвращена...

Михаил не остался более на ипподроме. Он был испуган и дрожал за свою жизнь. Подтвердив еще раз свое приказание относительно Никифора, он приказал унести себя во дворец.

Василий тотчас же его именем отдал приказание об освобождении Анастаса и Зои. Он долго ждал возвращения посланного, но не

дождался и сам пошел в тюрьму.

На ипподроме, между тем, продолжалось состязание колесниц.

Народ отвлекся, стал держать пари за состязавшихся и даже обратил свое внимание на красных и белых.

На этот раз они ему показались интересными.

Но его ждал еще сюрприз.

Лишь только голубые узнали, что отдан приказ об освобождении их вождя, они, не дожидаясь его, поспешили выйти на арену.

Крики восторга приветствовали их колесницы.

Зеленые не знали, что и делать. Теперь они очутились в положении голубых. Их вождь Никифор был схвачен на их глазах варягами по приказанию императора, и они немедленно узнали, какая участь его ждет...

Опечаленные, расстроенные, они провели бег так, что голубые без всякого труда завладели лавровым венком...

Пока происходил бег колесниц, веселый и всеведущий Марциан с уверенностью рассказывал, что происшедшее не обошлось без уча-

стия Василия Македонянина...

А тот, между тем, напрасно искал Анастаса и Зою в дворцовой тюрьме.

Их нигде не было...

26. БЕГСТВО

Накануне ристалища Никифор, даже не предчувствовавший, какая участь его ждет, имел продолжительное свидание с Склиреной.

— Что нам делать теперь? — с тревогой спрашивала Склирена. — Ты знаешь, эта проклятая Ингерина уже несколько раз спрашивала меня о Зое!

— А Михаил — меня об Анастасе.

— Что же делать? Ведь этот проклятый македонянин не задумается сказать, где они находятся и по чьей вине они попали в подземелье...

— Ты рассуждаешь верно... Будет очень жаль, если все наши хлопоты пропадут напрасно! Ведь ты еще не утешена этим варваром, насколько я знаю? — А ты — славянской девчонкой.

— Тоже! Потому-то я и говорю, что будет

очень жаль, если все наши труды пропадут даром...

— Разве они не могут умереть там?

Никифор отрицательно покачал головой.

— Ты забыла, что за них македонянин...

Умереть они могут, но их тела скрыть будет нельзя...

— Однако, ведь нельзя же их и выпустить...

— Соглашаюсь с тобой!

— Стало быть, у нет никакого выхода...

— Постой, я, кажется, напал на счастливую мысль. Но тут, Склирена, ты должна мне помочь.

— Я готова все сделать! Говори, что нужно?

— Тогда наклонись ко мне, и я на ухо скажу тебе, что я придумал...

Никифор шепотом передал Склирене свой план. Та, пока он говорил, все время одобрительно кивала головой, а когда он кончил, вскочила и принялась громко хлопать в ладоши.

— Как хорошо придумано, Никифор, как хорошо! Мы спасены...

— Я думаю, если только тебе удастся сде-

дать все, что я говорю...

— Но ты уверен, что их ждет судно?

— Да, я знаю это от тех, кто ходил нанимать мореходов.

— Все складывается в нашу пользу.

— Итак, ты будешь действовать?

— Да, завтра!

— Завтра, но только тебе не придется быть на ипподроме.

— Голова дороже ипподрома.

— Я думаю!...

Они расстались оба очень довольные друг другом.

Между тем в подземелье, где были заключены узники, происходили другие сцены.

Анастас переносил тюрьму со стойкостью философа. Он все эти дни почти не вставал с кинутого для него пука соломы, мало говорил и к тяжелому положению относился довольно беззаботно. Зоя, напротив, совсем упала духом. Она не могла понять, откуда ее постиг удар, и плакала по целым дням. Ирина напрасно старалась утешить ее, слова не помогали, а, напротив, еще более увеличивали скорбь Зои. Однако, она нисколько не раска-

ивалась в том, что приняла участие в судьбе молодых славян; хотя она и видела, что это заключение было мезтью Никифора, но сам по себе Никифор казался ей таким незначительным, что о нем она даже думала без злобы.

Покойнее всех троих был Изок. Эта тюрьма не была для него новой. Он был заключен теперь не один и надеялся, что какой-нибудь счастливый случай снова выведет его отсюда.

Так шли томительные дни.

— Сегодня ристалище, — вспомнил Анастас о дне, в который он должен был выступить со своими голубыми на ипподроме.

Ему никто не ответил. Ирину и Изока ристалище не интересовало, а Зое в эти минуты было не до того.

Она знала, что такое темница Демонодоры.

Очень-очень редко кто выходил оттуда живой. Императрица Феодора, устроив это мрачное здание, выказала большую сообразительность. Заключенный туда забывался всеми и навсегда...

Все это знала Зоя, и на сердце у нее стано-

вилось все тоскливее и тоскливее...

В этот день тоска особенно одолела Зою, она не могла даже скрыть своих чувств и несколько раз начинала плакать...

Но вскоре этот день показался им всем самым счастливым в жизни — по крайней мере Зое и Анастасу.

Совсем не в урочное время дверь в подземелье отворилась, и вошел тюремщик.

— Благородная Зоя и ты, благородный Анастас, — обратился он к ним, — прошу вас следовать за мной.

— Куда?... — спросили они в один голос.

— Вы сейчас это узнаете... Идите...

— Но вернемся ли мы сюда?...

— Не знаю этого... Спешите же, вас ждут!...

Он вывел их из подземелья в светлый тюремный коридор.

Там, к великому своему удивлению, Зоя и Анастас увидели ожидавшую их Склирену.

Молодая вдова с криком радости кинулась на шею Зою.

— Наконец-то я увидела тебя!... Милая моя, дорогая Зоя!... О, если бы ты знала, как мучилась я за вас!... Этот негодяй Никифор...

— Постой, — отстранила ее Зоя, — скажи прежде, зачем ты пришла сюда? — Спасти!

— От чего?

— От смерти... Этот Никифор!... За что он так озлоблен на вас?... Но некогда говорить, иначе будет поздно... Сегодня ристалище... Кто знает, что может случиться после?... Бегите!...

— Бежать? Куда?...

— Подальше отсюда... Я слышала, Зоя, у тебя нанят корабль; воспользуйся им... Я подкупила тюремщиков, и вы уйдете отсюда свободно... Кругом никого нет, все на ипподроме... Спешите на корабль, и пусть он немедленно поднимает паруса и уходит в море...

— Я ничего не понимаю... Ты намекаешь, что нас после ристалища ждет казнь, за что?

— Разве пьяница знает за что! Он приказывает, его приказанья исполняют... Бегите, бегите сейчас! Я принесла вам простое платье...

— Мы верим тебе... Но мы возьмем с собой и тех славян, которые заключены с нами...

— Нет, нет, их нельзя брать... Их не выпустит тюремщик на волю, и из-за них он задержит и вас... Спешите же!...

— А наше имущество?...

— Я позабочусь о нем...

Или нет! Лучше ты, Зоя, и ты, Анастас, напишите сейчас македонянину Василию... Он в большой силе... Пусть он позаботится о том, что вы оставляете здесь... Вот таблица, вот стиль... Пиши же, Анастас, и идем!...

Тон ее был так убедителен и искренен, что ни Анастас, ни Зоя не заподозрили даже, что перед ними ложный друг.

Оба они быстро написали таблицы к Василию.

В них они объяснили, что бегут, спасая свою жизнь и вернутся тогда, когда Михаила-пьяницы не будет на византийском престоле.

Вместе с этим они поручали все свое оставленное имущество ему на сохранение, и Зоя от себя, кроме того, просила позаботиться об Изоке и Ирине, которым в случае, если она не возвратится, отдавала все свое имущество...

Придуманная Никифором хитрость удалась.

Своим беспричинным бегством Анастас и Зоя снимали с него всякую ответственность.

Ристалище еще не начиналось, когда нанятая Зоей трирема под всеми парусами выходила в море, унося с собой двух беглецов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НА БЕРЕГАХ ДНЕПРА

1. ПРОРОЧЕСТВО

Это было вскоре после смертных страданий и смерти Иисуса Христа. Он умер, поведав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть об Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигала до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира...

Но Божественный Учитель еще до своей крестной смерти повелел ближайшим своим ученикам разнести эту благую весть повсюду, где только есть люди.

Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье?... Все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества.

И, вот, св. Апостолы разошлись по всему тогдашнему миру, всюду проповедуя слово Божие, всюду разнося радостную весть кроткой братской любви, всепрощения и тихого мира в сердцах человеческих.

Одни из св. Апостолов избрали для проповеди страны более близкие к Палестине, где протекала жизнь их Божественного Учителя, где Он страданиями своими искупил первый грех прародителей. Они пошли в Грецию, Рим, Африку. Там уже сам языческий мир с своим особым складом мысли приготовил благодатную почву для восприятия нового учения. Предстояла, правда, борьба, тяжелая борьба с основами язычества, но апостолы и их ученики были уверены, что в этой борьбе они победят, рассеют своим убежденным словом тяготевший над человечеством мрак. И они пошли туда, смелые, готовые на все, даже на самые страшные мучения, ради исполнения своего святого долга...

Другие же из них избрали себе совсем иной путь.

Они пошли в неведомые страны, в земли, на которые даже гордый Рим не находил нуж-

ным обращать свое внимание.

Среди них был и св. Апостол Андрей, который был одним из первых учеников св. Иоанна Крестителя, а потому и назван Протоклетосом, т. Е. Первозванным.

Он вместе с братом своим пошел принести благую весть о спасении совершенно «варварским» народам, обитавшим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Самой плохой славой пользовались эти народы в древнем мире. Чем-то нечеловеческим отзывалось в представлении даже образованнейших народов того времени — римлян и греков — понятие «скиф». О них были сложены целые легенды. Говорили, что скифы не обыкновенные люди, а ужасные существа, имевшие наполовину туловище человека, наполовину — лошади. Они были рассеяны на огромном пространстве. Жили они отдельными племенами, не зная никаких других занятий, кроме охоты. Между ними не было никакой связи, хотя они все говорили одним языком. Каждый, даже самый маленький, род управлялся по-своему. Твердых начал власти у них не было и в помине. Вечно

вели они между собой ожесточенные войны, и никогда не было между ними дружбы и согласия.

К этим ужасным скифам и понес благую весть перевозванный св. Апостол.

Постепенно он обошел все побережье Черного моря и, наконец, прибыл в таинственную, пустынную Скифию. Напрасно искал св. Апостол людей, которым мог бы он проповедовать благую весть. Их было слишком мало на этих беспредельных пространствах, сплошь покрытых или девственными лесами, или заросшими гигантской травой пустынями. Однако, апостол не был смущен этим. Он смело шел вперед по неведомому никому пути, пока не достиг устья великой реки — Днепра. Совершенно верное предположение, что по течению этой реки должны были жить люди, заставило св. Апостола идти к ее верховьям. Чудная природа страны также влекла его в эту неведомую даль, где он должен был впервые возвестить ее диким обитателям слова любви и мира. Эта природа не была так ярко роскошна, как на его родине — Галилее. Солнце здесь не палило землю своими луча-

ми, оно только ласково обогрело ее, как бы возвращая к жизни после мертвого сна долгой северной зимы. Трава пустынь, зеленая листва дубрав не была слишком ярка, но в них преобладал нежный оттенок. Самый климат был нежен, воздух не дышал знойной жгучестью. Ветерок в своих легких порывах то и дело приносил отрадную прохладу.

Да и сами обитатели этой страны были совсем другие. Рослые, статные, дышащие физической мощью, с русыми длинными волосами, с открытым доверчивым взглядом голубых, как само небо над ними, глаз, как резко отличались они от соотечественников апостола Андрея, грубых, алчных до наживы, фанатичных до мозга костей израильтян, от хитрых, вероломных, всегда готовых на всякое предательство греков, от гордых, презирающих все на свете, уверенных в своей мировой силе римлян, уже близких тогда к падению!...

Это был новый, свежий народ, в котором на много-много тысячелетий хранился запас великих душевных сил. Этого народа-младенца еще не коснулось разложение. Он жил как

дителя, но в этом дитяти свежи и без гнили таились семена правды и любви. Этот народ нелегко отдавался первому своему впечатлению. Он не был способен на эффектное мученичество, но он готов был тихо, незаметно умереть за то, что считал правым... Он жил по заветам своей страны, был верен этим заветам, но врожденный здравый смысл в то же самое время позволял ему ясно видеть и то хорошее, что могло быть вне преданий его дедов и прадедов.

Народом этим были славяне, наши предки...

К ним-то и явился с вдохновенной проповедью апостол Божий...

Он со своими спутниками шел вверх по великой реке славянской - Днепру. Он шел, и с каждым его шагом вперед по этой неведомой стране высшая сила, сила небесная, озаряла вдохновенную думу апостола. Одаренный высшим разумом, он своим взором, проникавшим через завесу будущего, ясно видел, что этой стране предстоит великое дело — стать истинной хранительницей заветов Христа, что придет время, когда яркий свет исти-

ны засияет в ней и многие тысячелетия будет гореть ярким пламенем в сердцах ее обитателей.

С такими мыслями дошел св. Апостол до того места, где берег Днепра отвесной стеной возвышался над гладью реки. Это была целая гора, покрытая в то время лесом у своей подошвы.

Св. Апостол не замедлил взойти на самый верх этой горы.

Чудная картина представилась ему отсюда. Синей лентой извивался, идя из неведомой дали, величавый Днепр, а кругом него, насколько мог видеть глаз, тонули в беспредельном пространстве необозримые зеленые степи... Сердце апостола забилося. Он чувствовал, что сошла на его душу неземная сила, и, не будучи в силах бороться с овладевшим им волнением, он, благословив все, что было перед его глазами, пророчески воскликнул:

— Благословение Господа Нашего над землей этой... Отныне и во веки воссияет здесь благодать Господня!...

2. МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ

Прошла весна.

Вскоре после посещения Скифии св. Предвозвестник великой воли небес апостол Андрей Первозванный, призвавший благодать Господню на земли славянские, мученически кончил земную жизнь свою. Во время проповеди в Патрасе он был схвачен по приказанию римского проконсула Эгея «по другим источникам — Эгеара» и распят головою вниз на восьмиконечном кресте.

Так закончилось вдохновенное свыше дело св. Предвестника благого учения Христа на земле.

Но с земной его кончиной его великое дело не умерло, не заглохло, а все росло и росло. За Христом следовали уже целые народы. Ради Него христиане тысячами гибли на арене римского Колизея. Христианство все более проникало и развивалось в Риме и Греции. Оно вступило в отчаянную борьбу с язычеством, и близко было то время, когда оно должно было победить великим делом любви своего врага...

В Скифии, однако, ничто не подтверждало собой пророчества св. Апостола, ничто даже не указывало на его близкое исполнение. Там все было по-прежнему. По-прежнему ласково-нежно светило с голубых небес солнышко. Так же, как и прежде, голубой лентой изви- вался среди безграничных степей и непрохо- димых лесов красавец Днепр...

Изменились только те горы, с которых вдохновенный предвозвестник вещал свое пророчество о великом будущем земли сла- вянской.

Поредел дремучий лес на этих горах. Вид- ны повсюду стволы вековых лесных велика- нов, под корень срубленных острыми топора- ми, видны невыкорчеванные пни, слышен веселый шум голосов, бряцанье железа, кри- ки... Птицы, привыкшие к недавнишнему еще безмолвию этой местности, с испугом улетают прочь. Они не могут понять, что де- лают здесь эти люди, зачем пришли они сюда и разом нарушили царившую целые века мертвую тишину. Но птицы должны были бы привыкнуть ко всему происходившему те- перь на этих высотах.

Не первый уже день, много-много десятков лет тому назад началось это...

На том самом месте, где пророчествовал св. Андрей Первозванный и которое он благословил, возник теперь первый в земле приднепровских славян город.

Это был Киев — мать городов русских, как он был назван позже.

Он уже был основан и успел привлечь к себе внимание славян, стекавшихся под защиту его стен целыми родами.

Как он не похож был на теперешний Киев!

Прежде всего местность нынешнего Киева, в особенности важнейших нагорных его частей, изменилась чрезвычайно не только в период с IX по XX век, но даже с конца XIV в.

По настоящее время. Срыты целые горы, засыпаны старые рвы и овраги — это работа рук человеческих, но, с другой стороны, работала над этим изменением и сама природа своим постоянным, обычным, неуклонным путем, круша горы, подмывая берега, копая острова и мели, изменяя русла многочисленных днепровских притоков. Нынешняя низменная часть Киева (Подол) в прежнее время

не омывалась Днепром, так как тут протекала речка Почайна. В эту речку, а не в Днепр, впадал быстрый и сильный ручей Глубочица. Протекая между горами, Глубочица принимала в себя речку Киянку и пролагала себе путь к Почайне по болотистой низменности Подола.

Самая Почайна, устье которой находилось под крещатицким оврагом, в нижней части своего течения шла почти параллельно Днепру и отделялась от него довольно широкой полосой земли. Эта полоса земли, в виде узкой косы, существовала не далее, как в прошлом столетии, но была уничтожена напором Днепра, и, как память ее, остался небольшой островок против крещатицкого оврага, некогда составлявший крайнюю оконечность не существующей более косы. Вследствие этого исчезновения целой полосы берега, Почайна в настоящее время впадает в Днепр уже не у подошвы киевских гор, на которых стоял древний город, но на полверсты выше Подола.

С другой стороны, вид местности, лежащей против Киева, также представляется совер-

шенно иным, чем он должен был представляться много веков тому назад.

Левый берег, в настоящее время изрезанный притоками Днепра, образующими большие и малые прибрежные мели и острова, между которыми в недавнее время прорыт широкий искусственный канал (так называемый Пробитец), был, вероятно, покрыт водою Днепра, который был и шире, и обильнее водами в те времена, когда дремучие леса покрывали его берега и подходили отовсюду под самые стены Киева.

Поэтому пространство, на котором могло основаться первоначальное поселение на месте нынешнего Киева, было очень незначительным. Оно ограничивалось вершиною, так называемой, Старо-Киевской горы, где и теперь находится Андреевское отделение «Старого Киева», или «Старый Город». Этот «Старый город» составляет только северо-восточный угол киевской горы, глубокими оврагами отделенной от всех остальных киевских возвышенностей. Насколько можно судить, это и есть первоначальный город Киев, который только со второй половины X века стал быст-

ро разрастаться и к концу XII столетия увеличился в двадцать раз против своего первоначального объема. Интересно знать размеры этого древнейшего русского города или городка, впоследствии обратившегося в детинец Киева и резиденцию князей киевских. Вся площадь его равняется 26.316 кв.

Саженьей; наибольшая длина от юга к северу — 238 сажень; наибольшая ширина от севера к востоку и к юго-западу — 148 сажень. В окружности своей по валам город Киев имел всего 540 саженьей, а с предместьями мог заключать в себе не более двух верст. Пределы древнейшего Киева определяются так: на юге он граничил с глубоким оврагом, носившим название Перевесища (ныне Крещатицкий), на востоке — крутыми неприступными склонами горы, спускавшейся к Почайне; на северо-востоке — Подолом и на севере — оврагом, отделявшим городскую гору от нынешней Киселевки. На западной стороне находились ворота детинца, а перед воротами древнейший мост, соединявший детинец с «Горою» (нынешнее Софийское отделение Старого города). Вверху, по окраине нынешнего Крещатицко-

го оврага, шла единственная от устья Почайны (и с прибрежий Днепра) дорога в детинец, носившая название «Боричева увоза» или «ввоза». Далее на севере по тому же оврагу (огибая с запада Киселевку и следуя течению речки Киянки) та же дорога спускалась на Подол и потом шла к Вышгороду.

К сожалению, летописцы дают очень мало сведений о Киеве того времени. Есть только указание, что все остальное пространство «Горы» было не заселено, а занято полями и огородами; а на западных и южных окраинах «Горы» начинались леса. Даже под самым городом, от его стен, на месте нынешнего Крещатика, за Боричевым увозом, уже начинался лес и тянулся далеко на юг.

Этими ограниченными сведениями исчерпывается все, что известно из летописей о древнейшем городе — матери городов русских в IX-X столетиях.

3. НОРМАННЫ НА ДНЕПРЕ

В то время, когда начинается наш рассказ, древний Киев только что успокоился после страшных пережитых им невзгод и испытаний.

Киевляне только что освободились из-под власти хазар, покоривших все приднепровские земли. Это не стоило никаких особенных усилий воинственному народу. Приднепровские славяне сдались врагам почти без борьбы, но при этом произошел факт, как бы предсказывавший всю дальнейшую будущность этой страны.

Киевляне, как говорит Нестор, дали хазарскому кагану, в виде дани, «по мечу с дымом».

Может быть, хазары взяли такую дань с намерением обезоружить покорившиеся им племена, но только когда их мудрецы увидели эту дань, то не могли скрыть своей печали.

— Что с вами? — спрашивал мудрецов Каган.

— Горе нам, — отвечали они, в смущении покачивая своими седыми головами, — горе нам! Придет время, и мы будем данниками

этих побежденных людей!...

— Почему?...

— Есть этому самый верный признак: их мечи острые с обеих сторон, а наши имеют только одно лезвие...

Тогда, может быть, гордый Каган и его приближенные только посмеялись над этим предсказанием, но время доказало, что правы были мудрецы хазарские, предсказывая великую славу народу славянскому...

Пришло время, и быстро пролетело оно. Страхнули с себя иго хазарское и поляне, и дулебы, и северяне, и радимичи, и вятичи.

И легко страхнули.

Помогли им в этом норманнские ярлы Аскольд и Дир, любимцы ильменского великого князя Рюрика, уже укрепившегося среди северного союза славян и решившего дать и Днепру с его родами свою правду.

Аскольд и Дир с дружиной были посланы на Днепр в Киев; великим князем им было поручено присоединить северный союз к южному.

Быстро пронесся среди приднепровских родов слух что к ним идут норманны.

В то время в Киеве был злейший недруг ильменского князя Рюрика -Вадим, уже изгнанный с берегов Ильменя. Разом встрепетнулся бывший старейшина при одном только известии о близком появлении тех, кого он считал своими заклятыми врагами...

«Кто такие? Зачем? Нет ли и его с нами?» — вот вопросы, взволновавшие не успокоившуюся еще душу Вадима.

Он стал приглядываться к тому, как готовятся в родах к встрече неожиданных, незваных гостей. Но все было тихо кругом и покойно. Никто в родах кротких обитателей днепровского побережья и не думал готовиться встречать пришельцев с оружием в руках.

— Зла мы им делать не будем, — говорили повсюду, — так и им нет нужды нам зло делать.

— Встретим с почетом и лаской, как гостей дорогих.

— Сами им навстречу выйдем и поклон отдадим.

— Что вы делаете? Вспомните Ильмень, — пробовал было подавать советы Вадим.

— А что Ильмень-то?

— Да, ведь, они его кровью и огнем обошли весь... Сколько людей погибло!

Но Вадиму на это возражали:

— Так там сами были виноваты! Ты же, ведь, их послов конями разметал. — Вот, они за зло злом отплатили!

— А мы их добром встретим!

Никакие доводы, убеждения не действовали на миролюбивых полян. Они даже на Вадима стали косо поглядывать.

— Ушел бы ты от нас, — говорили ему, — а то и нам беды наделаешь...

— А по нашему даже хорошо, что они сюда идут... Мы сами от них добра ждем!...

— Теснить больно стали нас ханы хазарские, так у варягов нам против них помощи просить можно будет.

— Они-то уже помогут нам! Люди ратные, в этом деле могучие, может быть, и прогонят хазар.

Вообще, на Днепре были очень довольны приходом варяжской дружины. Скоро о ней пришли более подробные вести. Варягов было много, все они были прекрасно вооружены, шли в днепровский край под началь-

ством ярлов своих Аскольда и Дира; где добром да лаской их встречали, там никому обид не делали.

Вступив в днепровский край, Аскольд и Дир сразу же изменили свои намерения. Из Нова-города выходили они с тем, чтобы при помощи оружия присоединить его к владениям Рюрика, но, чем дальше были они от Ильменя, тем все резче изменялись их замыслы.

— У Рюрика и так земли и народу много, — говорил более энергичный Аскольд Диру, — довольно с него.

— Братъев, вон, куда поближе да полегче послал, — поддерживал друга Дир, — а нам сюда идти повелел...

— Так что же за охота нам для него стараться! Лучше постараемся для себя... Он будет конунгом ильменским, а мы станем владеть здешними землями...

— Тесно не будет! И ему, и нам места хватит...

Так порешили между собою друзья. Поэтому они, не надеясь особенно на силу оружия, — дружина их была невелика — всеми силами старались лаской привлечь к себе

расположение миролюбивых племен.

И они не ошиблись.

Ласка и добро оказались более сильными, чем оружие ратное.

На Днепре все принимали их, как дорогих гостей...

Да и сами витязи старались всеми силами расположить к тебе киевлян. Они были добры, ласковы, их владычество и главенство скорее были полезны, чем тягостны.

Киевляне видели это.

— Вот, ты говорил, — упрекали они Вади-ма, — что от них нам ничего, кроме зла, ждать не приходится, что они на нас непременно смертным боем пойдут... Ничего этого нет... И дома наши не сожжены, и кровь наша не льется...

— Погодите, увидите сами! — скрежетал зубами от злости бывший старейшина, но против любимцев киевлян ничего поделать не мог.

Ярлов принимали везде с большим почетом. Повсюду к ним обращались с одной только просьбой — избавить от хазарского ига.

— Здесь мы и останемся, — объявил Ас-

кольд Диру, когда их ладьи подошли к Киеву, — близко отсюда и город Византия, в наших руках будет и конец великого пути...

Дир во всем соглашался со своим другом.

В Киеве они были приняты так же хорошо, как и в других местах приднепровского края. Здесь Аскольд и Дир решили основаться, но прежде всего они пожелали помочь киевским славянам избавиться от хазарского ига. Счастье благоприятствовало молодым ярлам. Поход их на хазар был как нельзя более удачным. Киев и поляне освободились от власти диких обитателей степей.

4. ТЯЖЕЛОЕ СЧАСТЬЕ

Так они и остались княжить в этой стране. Счастливо зажили кроткие поляне под властью чуждых им пришельцев. Споры и раздоры в родах затихли. Для всех так же, как и на Ильмене, стала единая правда. И бедный, и богатый, и знатный старейшина, и самый захудалый из родичей знали, что в Киеве им жить легче...

Киев рос не по годам, а по дням.

Со всех сторон сходилась теперь в него народ, и какой народ - торговый, тот самый, благодаря которому и растут города на торговых путях, где можно и товар сбыть, и деньгу на нем сколотить немалую.

Так было и с Киевом. Видимо-невидимо было тут разного народу. И из Господина Великого Новгорода приходили сюда с товарами «гости», гости степенные, важные; часто являлись с ними суровые норманны из далекой Скандинавии, а с ними неразлучно и разные люди приходили: видал Киев и живых, вечно веселых франков, с восторгом рассказывавших про свою Лютецию, и огромных

рыжеволосых бриттов, и степенных, невозмутимых германцев. Все они являлись сюда с самыми разнообразными товарами, находя Киев удобным местом для мены, дававшим им возможность не пускаться в опасное плавание по бурному Черному морю.

Были в Киеве гости и из таинственной далекой Биармии. Являлись они туда с великолепными мехами и другими пушными товарами, да такими, что их, кроме как от них, здесь, в Киеве, и достать нигде возможности не было... Но более всего понабралось хитрых, пронырливых византийцев, которые чувствовали, что тут им всегда нажива будет, что есть возможность выбрать многое из навезенных со всего света товаров. С ними приходили и сухощавые итальянцы, и персы, и люди из только что нарождавшегося тогда армянского царства. Изредка являлись здесь с виду похожие на евреев (евреи, уж само собой разумеется, не оставили без своего благосклонного внимания этот благодатный край и явились сюда чуть ли не одними из первых), но черные люди, с запасами слоновой кости, золотом и драгоценными камнями.

Страну свою они называли Эфиопией и говорили, что их владыки происходят от самого мудрого царя израильского Соломона.

Весь этот сборный люд всегда был покоен и за себя, и за свое имущество. Никогда и никому не дали бы их в обиду князья киевские Аскольд с Диром.

Переменились они с того времени, как храбрые, беспечные они вместе с Рюриком делали набеги то на франков, то на бриттов, то на земли приильменские. Так же отважны и храбры они были, как и прежде, только молодость ушла от них; не манили их уже шум битв, но чудный край своими красотами заставил растаять лед вокруг скандинавских сердец, они увлеклись покоем, отдались ему и жили для счастья тех людей, которые верили в их руки свою судьбу.

— Ласковой князей наших искать не найдешь! — говорили в Киеве.

— Что солнце на небе!

— Вон, на Ильмене не так! Из их же роду князь, а, рассказывают, совсем другой, забрал ильменцев в ежовые рукавицы и дохнуть не дает.

- Так то на Ильмене... Там так и нужно...
- Особенно с новгородцами...
- Верно! Таких буянов поискать еще...
- Мы — не то: коли хорошо, так и живем мирно...

Так говорили на Днепре.

Но нет полного счастья на земле. Как ни счастливы были князья Аскольд и Дир, а нет-нет — да и защемят тоской их сердце. Вспоминалась им прежняя жизнь. В немой тишине слышался отдаленный шум битв, звук воинских рогов, звон мечей, стук щитов, и среди всего этого чудился старческий, но крепкий голос певший с восторгом:

С войною слава неразлучна, Нет в мире лучше дел войны.

Кто не был ранен — прожил скучно, Как осень, дни его темны...

И в этом таинственном голосе они узнавали голос старого берсеркера Рулава, умершего под эту песнь на их же глазах.

Да, в светлой Валгалле охотится теперь старый берсеркер за чудным вепрем. Устав от охоты, пирует он в чертоге Одина, дивной красоты валькирии ласкают его там, а на зем-

ле скальды своими вдохновенными сагами хранят в памяти потомства его славное имя...

А их имена никто не вспоминает. Скальд не сложит в честь их саги, ни одна мать не назовет их именем своих сыновей, они забыты, забыты навсегда...

Они — берсекеры старого Белы... Валгалла не ждет их: они сами забыли, что каждый норманн рожден для войны...

И грустно, и скучно становилось витязям, когда такие мысли приходили к ним. Скандинавская кровь давала себя чувствовать.

— Что нам делать? — спрашивали они друг друга.

— И дружина скучает... Столько молодцев без дела...

— Идти в поход...

— Куда?

В самом деле, куда? Не на Ильмень же! Там свои, там — Рюрик и Олег с отборной дружиной. В Биармию? А где она? Найти ее трудно...

И все чаще и чаще в такие минуты тоски по прежней привольной жизни обоим витязям приходила на память Византия...

5. ПЕРВЫЕ ИСКОРКИ

Но не одни князья подумывали о ней. Было в княжеской дружине много горячих голов, помнивших свою Скандинавию и считавших, что «нет в мире лучше дел войны». Они не роптали на Аскольда и Дира за их бездействие открыто, но между собой в разговорах только и вели речь о так близкой к ним Византии...

Всем в Киеве от наезжих гостей было известно, что в этом городе скопились богатства целого мира, что народ там труслив и изнежен, что власть слаба, а потому и манила к себе, как запретный плод, княжескую дружину эта столица...

— Не узнать совсем наших конунгов! — говорили старые варяги. — Куда делась их прежняя храбрость?

— Засиделись на одном месте...

— Так других послали бы...

Есть народ.

— Еще бы! Вот Всеслав, даром, что не норманн, а славянин — храбрее льва...

— Уйти бы от них самим...

— Нельзя!...

— Отчего?

— Мало нас!... Что мы одни-то поделаем?...

— И славяне пойдут за нами...

— Ну, те без князей и шагу не сделают...

— Пожалуй, что так.

— А следовало бы мечи зазубрить, тетивы у луков развились...

— Поговорить бы с Аскольдом, а нет — с Диром.

— Так они и будут слушать!

— А что же? Хотя они и ярлы, а без нас ничего не значат.

— Да, вот, пир будет, так тогда...

Так и решено было среди варягов завести с князьями речь о набеге на Византию во время ближайшего пира...

А он не заставил себя ждать. Оба витязя любили попировать время от времени среди своей дружины, именитых киевлян и наиболее почетных «гостей». Созывались они в княжеские гридницы, уставленные столами, усаживались за них, и начинался после этого пир на весь мир.

подавали на столы целых жареных каба-

нов, рыбу всякую, птиц, что поставляли к княжескому двору опытные звероловы и птицеловы из окрестных лесов, а крепкий мед и вино фряжское рекой лилось.

А во время пира выходил сперва скандинавский скальд с лютней, а за ним киевский баян вещей с гусями, начинали они петь своими старческими голосами каждый про свою старину, и, слушая скальда, забывали князя и тоску свою, и горе, переносились душой в родимую свою страну, в ее фиорды, и тоска как будто отходила от них, чтобы потом явиться с новой силой, как только в княжьем тереме замолкал шум веселого пира.

Не забывали при этом князя и своего народа. Пока они пиروвали в гридницах, на теремном дворе тоже шел пир. Выкатывались людишкам киевским бочки меда; те мед, вино похваливали да славословили князей своих любимых. Вот и теперь на этот пир, по обычаю, созваны были норманнские дружинники, знатные киевляне и почетные гости.

В эту пору из последних в Киеве были одни только гости византийские. Они явились на княжеское пиршество. Пятеро их было:

Лаврентий Валлос, Анания из Милета, Флорид Сибин и природные византийцы: Алциад и Ульпиан. Каждый из них уже по нескольку раз бывал на княжеских пирах, и они всегда старались попасть на них, дабы первыми узнать все, что делается в княжеских гридницах.

Так и теперь они первыми из приглашенных на пир явились в княжий терем.

Там уже все было готово к званому пиру. Кроме византийских гостей, по гриднице расхаживало несколько норманнских дружинников в ожидании появления князей.

— Ну, что, как? — отозвав в дальний угол, спросил сурового Руара закаленный и поседевший в боях товарищ Инголет. — Решаемся ли мы напомнить конунгам, что не дело воинов сидеть по целым годам сложив руки?

— Да, я уже поговорил тут кое с кем, и ты увидишь, как это все выйдет, — ответил Руар.

— Самое важное начать...

Напомнить...

— Это принял на себя Зигфрид...

— Наш скальд?

— Да, он... Уж он сумеет... Зигфрид также

скучает... Охоты да пиры притупили его вдохновение. Как он может воспевать героев, когда они по годам ничего не делают?...

— Так, так!... Ингвар, ты слышал?

— Слышал, — подошел к ним третий дружинник. — На Византию?

— На Византию, на Византию... — раздались со всех сторон голоса.

Все сразу воодушевились. Разговоры стали шумными. Лица загорелись, глаза заискрились.

Византийские гости, сбившиеся в одну кучку, тревожно переглянулись.

— Это что же? — шепнул Валлосу Алциад.

— Что? Покричат да и перестанут, — пожал тот плечами.

— А если нет?

— Без князей они не пойдут, а те вряд ли решатся напасть на нашего величественного порфирогенета.

— Кто их знает!... Вдруг придет в голову что-нибудь такое этим грубым людям...

— Говорю, что без Аскольда или Диры они не осмелятся тронуться, а в случае, если и эти с ума сойдут, то, ведь, мы здесь недаром...

Громкие крики прервали этот разговор. Из внутренних покоев палат показалось торжественное княжеское шествие.

Впереди шли, по скандинавскому обычаю, пажи, расстилавшие перед князьями богатый ковер, за ними, окруженные самыми близкими людьми, следовали князья Аскольд и Дир, красавцы собой, мужественные, со смелыми открытыми лицами и ясным соколиным взглядом.

Почти что рядом с ними шел высокий человек совсем не скандинавского типа.

Все варяги, пришедшие с князьями на Днепр, были без бород, с длинными, спускавшимися на грудь усами и пучком волос, закрученным на затылке. Этот же человек, напротив, имел черную окладистую бороду и длинные, падавшие на плечи волосы.

Это был славянин Всеслав — любимец Аскольда и Диры.

6. СКАЛЬД

Князья заняли после поясного поклона присутствующим главное «высокое» место за столом. Рядом с ними, с одной стороны, уселись Всеслав, Любомир, Премысл — старейшины киевские, с другой — Руар, Инголет, Ингвар — начальники норманнов.

Аскольд, как старший, жестом руки повелел присутствующим начать пир. «Заходили чарочки по столикам». Сперва все молчали, уписывая вкусные яства и поливая их крепким медом. Первый голод скоро был утолен. Руар, Инголет и Ингвар, отставив от себя блюда, переглянулись между собой; потом все трое взглянули на князей.

И Аскольд, и Дир сидели понурившись. Видно, их не влек к себе шум пиршества, тень смертной тоски легла на их лица. Они даже не говорили друг с другом и угрюмо молчали.

— Конунги, скучно вам! — вдруг громко воскликнул Руар. — А вместе с вами и нам... Далеко мы от нашей родины, так хотя в память ее не будем изменять ее обычаям...

— Разве вы не довольны пиром? — спро-

сил Аскольд, поднимая голову и вглядываясь в Руара.

— Нет, на столах всего в изобилии, а разве забыл ты, что для норманна пир не в пир, если он не слышит вдохновенной песни своего скальда про дела былые.

— Верно, прав Руар, — раздались голоса, — пусть поет скальд, пусть, и от тоски тогда не останется и следа!

— Да, пусть нам споет Зигфрид, прошу тебя, Аскольд, — заговорил и Дир. — В самом деле, это хотя немного напомнит нам покинутую нами родину...

Аскольд в ответ на эти просьбы утвердительно кивнул головой.

Возгласы удовольствия слышались со всех сторон. Аскольд, особенно в последнее время, не очень охотно слушал скальда Зигфрида и всегда отдавал предпочтение славянскому певцу. Теперь же он быстро согласился на просьбы своей дружины. Руар с Ингелотом приняли это за предзнаменование успеха в задуманном ими важном деле.

По знаку обрадованного Дира, немедленно в гридницу к пирующим введен был седой

Зигфрид, славный скандинавский скальд, не раз своей вдохновенной песнью возбуждавший скандинавов к берсекерангу «особенно выдающийся по храбрости подвиг».

Он вошел, высоко подняв голову. Его выцветшие от лет глаза на этот раз светились огоньком вдохновения. Таким Зигфрида давно уже не видали. Все при его появлении затихли, как бы в ожидании чего-то...

— Привет вам, витязи, привет вам, мужи Днепра и Скандинавии! — произнес Зигфрид, останавливаясь посреди гридницы, прямо против князей. — Чего желаете вы от старого певца?...

— Спой нам, Зигфрид, — сказал ему Дир. Скальд тихо рассмеялся.

— Спеть, а о чем? — заговорил он. — Где я почерпну вдохновение для моей песни? Разве слышу я звон мечей, шум битв? Разве вижу я теперь, что героев ждет светлая Валгалла?... Нет, нет, нет! Вместо них — трусливые бабы, да и то не норманнские, а такие, каких наши берсекеры видали разве только в Исландии...

— Молчи, старик! — гневно воскликнул Аскольд. — Тебя позвали петь, и пой!...

— Ты прав, конунг или князь — не знаю, как теперь и называть тебя, — усмехаясь отвечал Зигфрид, — хорошо, я спою тебе... Слушайте вы, витязи норманнские!

Он с минуту помолчал и потом запел. Тихо сперва, но затем его старческий голос начал крепчать и, наконец, стал таким же звонким, как и голос юноши...

О родных скалах далекой Скандинавии пел он, вспоминал фиорды, откуда по всем морям, известным и неизвестным, расходились за добычей легкие драккары смелых викингов. Пел он о славе берсекеров, о их безумно-отважных походах на бриттов, саксов, франков, вспомнил об Олафе Тригвосоне Мудром и о дерзко-смелом Гастингсе, пред которым трепетала Сицилия, потом перешел к чертогу Одина — светлой Валгалле, к тем неземным наслаждениям, которые ждут там души павших в бою воинов, и вдруг, в упор глядя на то бледневшего, то красневшего Аскольда, запел с особенной силой и выражением:

*Презрен, кто для сладкой лени
Забыл звон копий и мечей!*

Валгаллы светлой, дивной сени
Не жаждет взор его очей.
Когда ж умрет, чертог Одина
Пред ним хоть будет налицо,
Не выйдут боги встретить сына
С веселой песней на крыльцо!
А на земле клеймо презренья
На память жалкого падет,
И полный всяк пренебреженья
Его лишь трусом назовет...
О, боги светлые!
К чему же
Ему не прялку дали — меч?
Что толку в трусе подлом — муже,
Забывшем шум и славу сеч...

— О, замолчи, молю тебя, замолчи, Зигфрид! — прервал скальда, вскакивая со своего места, Аскольд. — Тырываешь мою душу на части... Он смолк, а вместе с ним смолкла и вся гридница. Все, затаив дыхание, ждали, что произойдет теперь.

— Почему я должен молчать, витязь? — гордо спросил его Зигфрид. — И с каких это пор норманны прерывают песнь своего скальда, заставляют его умолкнуть, когда

светлый Бальдур вдохновил его?

— Я знаю, что ты хочешь сказать... Ведь, мне все понятно! — лепетал растерявшийся ярл. — Все, все, все здесь против меня, вы не хотите покойной жизни, вы стремитесь к ненужному грабежу...

— Подожди, конунг, — загремел теперь Руар, — как ты пред лицом своих дружинников можешь говорить о грабеже? Нет об этом и помину. Не к наживе мы стремимся, а к светлой Валгалле, к тому, чтобы в потомстве не были покрыты позором наши имена... Об этом и пел Зигфрид, наш скальд. Да разве затем мы подняли вас обоих на щит, избрали своими вождями, чтобы мечи наши ржавели, секиры притуплялись, а щиты покрывала плесень? Нет, нам таких конунгов не нужно...

— Но что же вы хотите от нас? — воскликнул Дир, видя, что его друг не в состоянии от гнева и стыда выговорить даже слово. — Чего?

— Чтобы вы вели нас!

— Куда?

— На Византию...

— На Византию, на Византию, все пой-

дем! — загремели по всей гридницы голоса. — Вы должны вести нас! Иначе мы вас прогоним!...

Энтузиазм и жажда новых волнений охватили в этот миг всех — и норманнов, и славян. Они, пожалуй, и сами не отдавали себе отчета, зачем им нужен этот набег на Византию. И здесь, в Киеве, у них всего было с избытком. Просто молодцам захотелось прогуляться, потешить себя на просторе, а что из этого могло выйти, об этом они и не думали вовсе...

— Слышишь? — шепнул Ульпиан Валлосу.

— Да, но мы не допустим этого, — ответил тот.

— Это будет трудно.

— Но не неисполнимо... Как бы они ни храбрились, а без Аскольда и Дира ни в какой поход они не пойдут. Но послушаем, что скажет князь... Аскольд и Дир сделали знак, из которого можно было понять, что они желают говорить.

— Мы знаем ваши желания, друзья, — несколько дрожащим от волнения голосом начал Аскольд, — и готовы исполнить вашу

просьбу.

Клики восторга огласили гридницу.

— Только дайте нам обдумать все, — продолжал князь, — и тогда, клянусь и Одним, и Перуном, мы исполним вашу просьбу... А теперь прощайте... Не в радость нам этот пир.

Поклонившись дружине, ярлы поспешили уйти из гридницы.

7. ВСЕСЛАВ

Тотчас же по уходе Аскольда и Дира гридница быстро начала пустеть. Первыми поспешили уйти византийские «гости». Все, что они здесь слышали, было для них так неожиданно и ужасно, так поразило их, что они оробели и за себя, и за свою родину.

За ними удалилась часть норманнской дружины и киевляне.

В гриднице остались только Руар, Ингелот, Ингвар, Зигфрид и славянин Всеслав.

Все они в княжьих покоях были своими людьми, а потому и не особенно спешили уходить.

— Честь тебе великая, скальд, если ты разбудил уснувшие сердца наших ярлов, — гово-

рил Руар, пожимая руки Зигфриду.

— Мною руководил светлый Бальдур — ему честь и хвала! — с улыбкой отвечал тот.

— Но все-таки Бальдур говорил твоими устами...

— Долгом скальда было сделать то, что сделано мною. Но не будем говорить об этом!... Итак, ваше желание исполнено, витязи?...

— И мое также! — вдруг вмешался Всеслав.

— И твое, славянин? — с удивлением воскликнул Зигфрид.

— И мое!

— Но это непохоже на ваши кроткие нравы...

— Может быть, но не забывайте, что я — славянин только по рождению... Лучшие годы моей жизни я провел между вами в вашей стране, там я оставил все славянское и вернулся на родину истым варягом.

— Это мы знаем, ты всегда был храбрецом даже между нами...

— Благодарю. Византию же я ненавижу, ненавижу всеми силами своей души и, если только боги будут ко мне милостивы, в крови ее детей я утолю свою ненависть... О, скорей

бы поход! Как потешился бы я тогда!

— Ты — Всеслав? Ты ненавидишь Византию? За что? — раздался позади их грустный голос.

Все разговаривавшие быстро обернулись на него.

Позади их стоял незаметно вошедший Дир.

— Скажи же, Всеслав, за что ты ненавидишь Византию? — повторил он свой вопрос.

— За что? Ты хочешь знать, князь? Так вот за что: она отняла у меня отца, мать, жену, дочь, сестру...

— Как так? Когда? — поспешил спросить любопытный Ингелот.

В ответ на это Всеслав рассказал грустную историю своей жизни. Со слезами на глазах поведал он про отца своего Улеба, про мать, рассказал о том, как их разлучили и увезли в Византию...

— Кто знает! — закончил он, — может быть, они еще живы, а если живы, то там более я жажду пойти в Византию и отыскать их...

— Но Византия велика...

— Все равно, я найду их, хотя бы мне при-

шлось пройти ее с края до края... О, князь, — вдруг переменял Всеслав тон голоса, — умоляю тебя, уговори Аскольда повести нас... Клянусь Перуном, я соберу видимо-невидимо славян, и они все пойдут за вами...

Дир молчал. Он не знал, что отвечать своему любимцу.

— Что же ты молчишь, князь? — возвысил тот голос. — Или тебя не трогают горе и печаль твоих соратников?

— Оставь, Всеслав, — промолвил Дир, — ведь ты знаешь, мы оба любим тебя.

— Что мне в вашей любви! Помните, я — сын славного до сих пор среди приднепровских родов старейшины Улеба; я сам пойду на Византию, если вы будете сидеть сложа руки... Ведь не для этого не только норманны, но и мы — славяне — избрали вас своими князьями... Эх, если бы был между нами Рюрик!...

Дир нахмурился.

— Тогда что же было бы? — промолвил он.

— Быстрым соколом полетел бы он по берегу, кликнул бы клич, и поняли бы все, что не баба заспанная, а князь у них!...

— Молчи, несчастный! — крикнул ярл, хватаясь за меч.

— Зачем молчать? Я говорю, что следует! А ты напрасно за меч хватаешься... Прялки он у тебя в руках не стоит.

— Где твой сын? — переменял тон Дир.

— Сын? Уж не заложником ли ты хочешь его взять? Так мой сын парит теперь, что орел по поднебесью... А где он, спроси у него...

— Слушайте, — раздался могучий голос Аскольда. — Вы все здесь говорите о походе на Византию, но что нам принесет этот поход?

— Потешимся!

— Только? А сколько из нас не вернется... Ведь не шутки с нами будут шутить!

— Валгалла ждет храбрых.

— Это так, но что мы выиграем, зачем нам Византия?

— Олег бы не так рассуждал, — слышался густой голос Руара.

— То Олег. Нам доверился весь этот край, мы должны оберегать его, а не гнаться за неизвестным.

— Но ты — конунг наш...

— Хорошо, что же из этого?

— Ты должен вести нас к славе...

— Вы хотите Византии?

— Да!

— Будь по-вашему...

Едва он вымолвил эти слова, как все кинулись целовать его, и стены княжеских покоев до утра тряслись от громких криков:

— На Византию, на Византию!

8. БОЖЬЯ КАРА

Неудавшееся ристалище еще долго вызывало волнения в Константинополе. Михаил должен был раздать из своих хранилищ большие запасы масла и хлеба, чтобы несколько успокоить волновавшуюся чернь. Голубые упрямылись, они требовали, чтобы император исполнил свое обещание и возвратил им их вождя Анастаса, но как он мог это сделать, когда и Анастас, и Зоя скрылись неизвестно куда. Только Василий Македонянин, которого голубые знали как искреннего друга Анастаса, да быстрая казнь Никифора успокоили их, и они дали обещание выступить на первом же ристалище под предводительством нового вождя.

Изок и Ирина жили у Василия, который приобретал все большее влияние на порфирогенета, так как болезнь по-прежнему приковывала дядю императора Вардаса к ложу. Македонянин умело пользовался своим влиянием. Нередко его видели на форуме среди народной толпы. Он прислушивался к ееговору, старался узнать ее нужды и очень часто поражал народ разумными распоряжениями, соответствовавшими егожеланиям.

Так шло время. Об Анастасе и Зое все почти уже забыли в Константинополе.

Однажды вечером, когда спал зной дня, Василий в платье простого византийца отправился на форум, желая узнать, чем занята чернь Константинополя.

Когда он пришел туда, то около колонны Константина сразу усмотрел толпу народа. Василий протиснулся через нее в первые ряды и увидел сидевшего у подножия колонны старика, с жаром рассказывавшего что-то своим слушателям.

Старик этот, по имени Сила, был ходячею летописью Византии. Он был так стар, что даже позабыл год своего рождения, но прекрас-

но помнил все, что касалось его родного города.

— Велик и славен город Константинополь, — говорил он, когда Македонянин пробрался к нему, — сам Господь, Единый Вершитель судеб, хранит его...

Старик вдруг замолчал.

Внимание слушателей было напряжено до последней степени. Все старались стать повыше, приподнимали головы и пристально смотрели на рассказчика.

А тот сидел, понутив голову, углубленный в себя, в свои мысли...

Вдруг он весь выпрямился и, как бы проснувшись от тяжелого сна, огляделся своими мутными, потерявшими всякий блеск глазами вокруг и заговорил.

Голос его сперва был глух и подавлен.

Его слова едва можно было разобрать, но, чем дальше шла речь, тем более и более крепчал этот старческий голос, ободряюще действуя на собравшихся.

— Да, сам Господь хранит Новый Рим, — говорил рассказчик, — вот, слушайте, что расскажу я вам о временах от вас отдаленных,

но, вместе с тем, и близких... Язычество, ико-
ноборство сильно еще было в народе. Вели-
кий Константин умер, его слабые сыновья не
смели поддержать его святое дело, а отступ-
ник Юлиан встал на защиту язычества, но Га-
лилеянин победил его, и Юлиан пал на поле
битвы, признав Его... Крест восторжествовал,
и народ стал считать себя под его защитой...
Но нравы народа развратились, и при востор-
жествовавшей вере во Христа Новый Рим
стал по духу равен старому Риму, и вот, Все-
могущий Господь, чтобы возвратить заблуд-
ший народ на путь спасения, послал ему ка-
ру...

Страшную, ужасную кару...

Развилась в Византии болезнь, неведомая
ужасная болезнь, истребившая почти весь
род человеческий. Стало в Византии творить-
ся нечто ужасное... Народ умирал. В каждом
доме был покойник. Неокрепшие в вере Хри-
стовой умы приписывали происхождение
этой болезни некоторой тайной причине, ис-
ходящей с неба... Болезнь эта страшная не
ограничивалась ни местом, ни каким-либо
одним народом, ни временем года; она про-

неслась по всему миру, жестоко поражая самые различные народности, не разбирая ни пола, ни возраста. Ничто не останавливало ее. Одних она поражала летом, других — зимою или в другие времена года.

Она началась в Египте, в Пелузе, откуда направилась по двум дорогам - с одной стороны, к Александрии и остальному Египту, с другой — в Палестину. После этого она охватила всю землю, двигаясь все время через правильные промежутки времени и места. Казалось, точно кто управляет ею... Она останавливалась там, где как будто решила остановиться на определенное время, щадя промежуточные местности, и распространялась по всем направлениям до самых границ мира, точно боясь пропустить на своем пути какие-либо отдаленнейшие уголки земли. Не было острова, долины, горной вершины, которых бы она не посетила, раз там были люди. Если через какое-либо место она проходила, не тронув его, то через некоторое время она к нему возвращалась, щадя уже на этот раз те соседние поселения, которые раньше были ею опустошены; и уже отсюда она не уходила

до тех пор, пока не получала своей дани — жертв — соответственно тому, что ею было получено в соседних местностях. Она всегда начинала свою деятельность от морских берегов и оттуда двигалась вглубь материка.

На второй год «543 г.» весной она появилась в Византии.

Сила передохнул и потом продолжал свой рассказ.

— Вот как она здесь появилась: многие стали видеть духов, принявших человеческий вид; при этом таким больным казалось, что эти духи, около них стоящие, наносили им удары. Такие видения были признаками начавшейся болезни. Мучимые видениями, несчастные призывали всех святых и прибегали ко всякого рода очистительным жертвам. Но ничто не помогало, ибо большинство отдавало Богу душу даже в храмах, куда люди приходили для молитв. Немало было и таких, которые запирались в своих комнатах, не отвечали на зов друзей, и, несмотря на все угрозы, которые пускались в ход, притворялись ничего не слышащими, боясь, что с ними говорят приведения...

Некоторым мерещились видения только во сне, они слышали голоса, произносившие их имена в числе имен, присужденных к смерти. Большинство же, впрочем, ни во время сна, ни при бодрствовании не получали этих прискорбных предзнаменований. Лихорадка их захватывала внезапно: одних — в тот момент, когда они просыпались, других — во время прогулки, многих — среди обычных занятий. Тело их изменялось в цвете, но никакого признака воспаления нельзя было заметить. С утра и до вечера лихорадка была так легка, что предчувствовать какую-либо опасность не мог ни сам больной, ни врач, навестивший его. Никто из заболевших не казался находящимся в смертельной опасности. Но с самого начала — у одних — на другой день, у других — через несколько дней — можно было заметить появление нарывов не только в нижней части тела, но и подмышками, а иногда даже за ушами, и припадки этой страшной ниспосланной небесами болезни выражались почти одинаково у всех больных.

Одни из заболевших были погружены в

глубокое беспамятство, другие были ужасны в припадках бурного гнева.

Первые имели вид людей, потерявших всякое понимание окружающего. Если около них был кто-либо, кто мог о них заботиться, то они принимали время от времени пищу. Если их покидали, они умирали от истощения. Вторые, охваченные бредом, лишившись сна, преследуемые все время различными видениями, везде видели перед собою каких-либо людей, покушающихся на их жизнь, и старались бежать, издавая страшные крики. Ухаживавшие за такими больными были в самом тяжком положении и вызывали не меньшую жалость, нежели сами больные. И не потому, что они подвергались опасности вследствие такой близости к больным, так как ни врачи, ни кто-либо другой не заболели от прикосновения. Даже те, которые обмывали и одевали покойников, оставались, помимо всякого ожидания, здоровыми и невредимыми во время исполнения своих ужасных обязанностей.

Многие из них, пораженные болезнью в другое время и притом без видимой причи-

ны, быстро умирали. Поэтому прислугу заболевших жалели только в силу невероятных трудов, которые выпадали на ее долю. Занятые почти все время подниманием больных, катавшихся по полу, они должны были то и дело останавливать и удерживать охваченных бредом, которые норовили выброситься из окон на улицу.

Некоторые, увидев воду, бежали по направлению к ней не для того, чтобы утолить жажду (так как были такие, которые бросались в море), а просто потому, что были лишены рассудка. С такими больными приходилось выдерживать упорную борьбу, чтобы заставить их принять пищу, которую они не хотели. Были и такие больные, которые из-за отсутствия попечения умирали с голоду и от всяких других причин прямо на улицах.

Византия переживала ужасную пору...

Будто сам Господь отвернулся от нее в этот год, и, чем дальше шло время, тем все более и более усиливалось бедствие...

9. ПЕРВЫЙ ГРОМ

Все слушали старика, затаив дыхание и водобрительно покачивая головой, ожидая, что он будет говорить дальше.

— И никто не знал причин этого недуга, — продолжал старец. — Так как никто не понимал этой странной болезни, то некоторые врачи, предполагая, что тайным источником ее служат опухоли, стали вскрывать трупы. Рассечение опухолей обнаружило лежащие в глубине язвы, злокачественность которых вызывала смерть или немедленную, или же через несколько дней. Было немало и таких больных, у которых все тело было покрыто черными пятнами величиною в чечевичное зерно. Такие несчастные не выживали даже и одного дня и умирали все в течение одного часа. У некоторых вдруг появлялась кровавая рвота, во время которой они умирали. Беременные женщины, пораженные болезнью, безусловно были обречены на гибель. У одних являлся выкидыш, и они погибали в это время; другие погибали во время родов вместе с новорожденным младенцем. Рассказы-

вают, что только три женщины остались при подобных условиях в живых, и только у одной новорожденный остался жив, несмотря на то, что сама мать погибла во время болезни.

И вот, такая-то страшная болезнь продолжалась в Византии четыре месяца; из них в течение трех месяцев она свирепствовала с необыкновенным ожесточением. Вначале число смертных случаев мало превышало обыкновенное число смертей в городе.

Но по мере того, как болезнь шла вперед, число умиравших возрастало с каждым днем, достигнув сначала пяти, а потом и десяти тысяч в день.

Каждая семья сама погребала своих умерших. Гробов не хватало, и потому их забирали силою. Вскоре при общей растерянности возникли беспорядки. Прислуга лишилась хозяев, самые могущественные граждане остались без прислуги или потому, что она заболела, или потому, что ее удаляли. Огромное количество домов совершенно опустело, и трупы оставались в течение многих дней непогребенными, так как для этого не хвата-

ло рабочих рук.

Горячо сочувствуя общему горю, император Феодосий дал своему полководцу Феодору войска, отпустил ему денег и предоставил заботу о больных и умирающих. На него были возложены обязанности референдария, как говорят латиняне, то есть он должен был докладывать государю обо всех нуждах. Было постановлено, чтобы в тех домах, которые еще не опустели, лица, оставшиеся в живых, предавали земле тела своих умерших соседей. Благодаря великодушию императора и его денежному пособию, Феодор приступил к зарыванию тел умерших бедных жителей. Когда все могилы прежних кладбищ были переполнены телами, и смерть опустошила ряды рабочих, предававших тела земле и копавших новые могилы, новые могильщики, измученные все большим и большим количеством умерших, вздумали взбираться на башни, выстроенные на городской стене, снимать с них крыши и бросать туда тела умерших. Когда все башня наполнялась трупами, ее снова закрывали крышей. Но заразные испарения, выделявшиеся от гниющих тел, в

особенности когда ветер дул по направлению к городу, делались с каждым днем невыносимее. Похоронные обряды и правила были оставлены. Покойников везли без всяких провожатых, без напутственных молитв и песнопений, и ограничивались тем, что клали их на берегу моря.

Когда они накоплялись, их переносили в барку, которую выпускали на произвол судьбы в открытое море.

Граждане, приняв эту кару небес за их нечестивость, забыли о взаимной ненависти, чтобы принимать посильное участие в общей горе, и помогали друг другу в предавании мертвых тел земле.

Но это еще не все. Люди, предававшиеся до сих пор разным порокам и страстям, вдруг оставили свою порочную жизнь и обратились со всею горячностью к религии. И не потому, что они были просвещены и почувствовали угрызения совести, или что в их душах вдруг зародилась любовь к добру. Нет, эти несчастные, привыкшие к пороку, благодаря своей извращенной природе, не могли так измениться. Они были только напуганы, видя

постигшее всех несчастье и считая, что смерть висит над их головами. Они почувствовали необходимость изменить свой образ жизни. Но, как только они освободились от чувства страха и сочли себя вне опасности, благодаря ослаблению болезни, так сейчас же снова предались преступным страстям и даже превзошли самих себя в своих дурных и гнусных деяниях.

В течение всего этого времени большая площадь Византии почти совершенно опустела. Все здоровые оставались дома, заботясь о больных или оплакивая умерших. Если кто-либо попадался на улице, так это были носильщики покойников. Торговля совершенно прекратилась. Ремесленники бросили свои занятия, неоконченная работа выпадала у них из рук. С величайшим трудом можно было получить кусок хлеба или какую-либо другую пищу, да и то лишь в самых ничтожных количествах. Понятно, что, благодаря этому, некоторые больные умирали голодной смертью. Даже сам император не избежал этой болезни, но Господь пощадил его... Все жители нашего царственного города превратились в

нищих и сидели в своих домах, не смея выйти из них... И если Византия пережила эту кару «старик рассказывает о чуме, не раз посещавшей Византию», то чего ей бояться еще?...

— Постой, старик, — раздался вдруг из толпы мужественный голос, — была чума и прошла, теперь вам, византийцам, следует бояться другого бича, пожалуй, не менее ужасного...

Все обернулись на говорившего.

Это был мореход, с суровым загоревшим от зноя лицом.

— Что ты хочешь сказать? — раздались в толпе вопросы.

— А то, что вам здесь грозит новый бич... Я только что вернулся из славянских земель с Днепра. Знайте: осевшие в Киеве варяго-россы готовят на вас набег...

Если бы гром ударил среди безоблачного дня, никто на форуме не был бы так испуган, как в эту минуту...

10. ПРАВИТЕЛЬ И МОРЕХОД

Василий сразу понял, какое впечатление произвели на толпу эти слова. Как бы то ни было, но если этот моряк говорил так, стало быть, он имел к тому основания. Нужно было так или иначе выспросить его, разузнать, что он знает и что затевается там, на берегах Днепра у этих проклятых варяго-россов. Кто их знает, что они там замыслили... До сих пор все было спокойно, не было никаких поводов к набегу... Да разве эти варвары будут искать повод? И другие, им подобные, нападали на Византию только потому, что им дома не сиделось...

Но пока нужно было несколько сгладить удручающее впечатление, произведенное на толпу замечанием морехода.

Василий подошел к нему и, положив руку на плечо, со свойственной ему ласковостью в голосе спросил:

— Друг, откуда ты? И почему ты знаешь, что нам грозит беда?

Мореход сперва встрепенулся, откинулся назад, но потом, сообразив по тону голоса, что

этот незнакомый ему человек обращается к нему не со злом, быстро оправился и ответил:

— Знаю! Я недавно оттуда...

— С Днепра?

— Да!

— И что же?

— Там сразу все взбесились: и норманны, и славяне... Они требуют от своих князей, чтобы те вели их на Византию...

— И что же Аскольд и Дир?

— Ты их знаешь?

— Да, они всегда были друзьями Византии.

Что же они?

— Разве они одни могут что-нибудь поделать, когда все теперь в Киеве кричат только одно: "На Византию, на Византию!"

— Ты думаешь, это серьезно?

— Как сказать... Опасность известная — не опасность: к ней можно подготовиться, а если пренебречь ею и она нагрянет неожиданно — каждый должен плакаться потом только на самого себя...

— Ты философ! Как твое имя?

— А на что оно тебе?

— Я люблю беседовать с умными людьми...

— Если так, ты можешь узнать, что меня зовут Андреем с Крита...

— Вот и хорошо, Андрей! Не пойдешь ли ты со мной? Я угощу тебя вином. — Отчего же! Я свободен...

— Так идем! А вам, народ византийский, нечего пугаться. Идите покойно домой. Бог милостив, и не такие грозы мы видали...

— Это — правда! — раздалось в толпе отдельные восклицания.

Настроение толпы переменилось.

Василий Македонянин, угадав это, поспешил воспользоваться впечатлением, произведенным его словами, и увел моряка от этих возбужденных людей, которых каждое лишнее слово опять могло воспламенить, напугать и завести, Бог знает, куда...

— Вот что, Андрей, — начал Василий, когда они отошли на порядочное расстояние от форума. — Не знаком ли ты еще с кем-нибудь, кто знал бы больше, чем ты, подробностей?

— Как же! Есть и такие... Только вряд ли они будут говорить с тобой!...

— Почему?

— Да ведь ты — простолюдин...

Василий улыбнулся.

— А что же у тебя за такие знатные люди?

— Хотя бы мой хозяин...

— Его имя?

— Валлос!

— А, знаю! Он — купец.

— Он, он!...

— Так что же ему известно?

— Все!

— Ну, уж и все?

— Верно! Он был на пиру у этих киевских князей, когда взбесились их варяги...

— Это — дело! Но отчего же твой хозяин не явился сразу рассказать, что он видел на Днепре?

— Когда ему! Он спешил поскорее распродать свои товары, а то потом, когда узнают, что готовится набег варваров, еще покупать не будут... Македонянина всего передернуло при этих словах моряка.

"Вот, они, византийцы! — невольно подумал он. — Нажива у них прежде всего... Отечество может быть в опасности, а они думают только о том, чтобы набить свои карманы! Жалкие, несчастные люди! Горе тебе, такой

народ! Горе тебе, великий город!... О, если бы мне только удалось!...”

Он даже перестал думать, внутренне весь задрожав от овладевшей им на миг мысли...

О, в этих мыслях, которые Василий боялся пока даже вспоминать, он видел себя другим, совсем другим!...

Все чаще и чаще начинал он думать, что императорская корона гораздо более идет его голове, чем к голове Михаила, этого опустившегося, слабого и жалкого пьяницы.

Андрей, не замечая задумчивости своего спутника, продолжал болтать.

Василий плохо слышал, что он говорил.

Как раз в это время он заметил шедший им навстречу отряд императорской гвардии.

— Так, вот, что, Андрей, — заговорил он снова, — ты говоришь, что твой хозяин Валлос занят теперь своими товарами? Так не возьмешься ли ты сходить к нему и сказать, чтобы он бросил все и поспешил во дворец к императору?

— Во дворец? К императору?

— Да, скажи, что его немедленно требует к себе Василий, по прозвищу Македонянин...

— Кто же ты сам?

— Не все ли тебе равно! Да вот, чтобы тебе одному не было скучно идти, я дам тебе провожатых...

В это время проходивший отряд гвардейцев поравнялся с ними.

— Именем императора! — воскликнул спутник морехода, заступая им дорогу.

Начальник отряда немедленно узнал Василия и почтительно склонился перед ним.

— Видите этого человека? — указывая на Андрея, громко заговорил Македонянин. — Идите за ним и приведите купца Валлоса, которого он вам покажет, ко мне.

— Исполню по твоему повелению, владыка, — снова низко наклоняя голову, ответил солдат.

Андрей изумленно глядел то на солдата, то на своего спутника.

— Да кто же ты, наконец? — едва придя в себя от изумления, воскликнул он.

Василий улыбнулся опять.

— Иди, мой друг, и ничего не бойся! Напротив, я обещаю тебе, что за твое сообщение ты получишь награду...

— За что?

— За твое сообщение... Иди же, иди! Вы отвечаете мне за него...

Солдаты, окружив тесным кольцом морехода, поспешно ушли.

Изумленный и перепуганный моряк, конечно, и не думал о сопротивлении. "А что — этот набег? — думал, направляясь ко дворцу, Василий. — Михаил слаб и беспомощен... Может быть, это будет для меня предпоследней ступенью к трону... Вардас скоро умрет, и тогда порфирогенет останется один... Бывали примеры. Упранда был конюхом, а стал Юстинианом, да еще великим. Отчего бы и мне не взять с него пример? Только, вот, Михаил стал заметно охладевать к Ингерине, он не так уже нежен с нею... Нельзя ли и это повернуть на свою сторону?"

Такие мысли занимали Македонянина всю остальную дорогу.

Когда он подошел к преддверью дворца, он вдруг улыбнулся, но потом лицо его приняло снова холодный, бесстрастный вид.

11. В ПРЕДВИДЕНИИ ГРОЗЫ

Возвратившись во дворец, Василий немедленно прошел на половину дяди императора, Вардаса, недавно еще полного владыки великолепной Византии и всех покорных ей стран.

Но болезнь не боялась того, кто был для Византии большей грозой, чем ее новый «Нерон» — Михаил порфирогенет.

Теперь она приковала старика к постели и терзала его, лишая всех физических сил; ум же Вардаса был свеж и неприкосновенен.

Больной правитель от души обрадовался приходу Василия.

В ловком умном Македоняnine Вардас видел именно такого человека, какой был необходим для негласной опеки над не выходящим из нетрезвого состояния Михаилом.

Вместе с тем старик был вполне уверен, что Василий не возьмет всю власть в свои руки, пока он будет жив, и, стало быть, он, Вардас до своего смертного конца останется тем же, чем был большую часть жизни, то есть, неограниченным владыкой Византии.

Сверх всего этого Василий нравился Вардасу и по своим личным качествам.

Детство и ранняя юность, проведенные в полной свободе в родных горах Македонии, наложили на него неизгладимую печать. Он не был так лукав, коварен, льстив и, вместе с тем, труслив, как другие приближенные порфирогенета. В его речах и суждениях выказывался редкий природный ум; его меткие замечания вызывали восторг у старого политика, и он начинал от души желать, чтобы после него власть перешла в руки этого Македонянина. При входе Василия лицо больного озярилось довольной улыбкой.

— Будь здоров, могущественный! — приветствовал его вошедший.

— Это ты, Василий? Какое же здоровье? Смерть уже витает надо мной... Что скажешь?

— Есть вести, и даже много вестей, но не скажу, чтобы они были отрадными.

— Ты меня пугаешь... Что?

— Пока я ничего не могу сказать точно, но скажи, могущественный, как ты прикажешь поступить, если Византии будет грозить нападение варваров?

— Каких? Опять аланы? Болгары?

— Ты знаешь, мудрейший, от них не осталось и следа...

— Тогда кто же?

— За морем, в Скифии, поселились норманны, их называют варяго-россами...

На лице Вардаса отразилось волнение.

— Они! Вот, чего я боялся более всего!

— Так ты уже имел их в виду?

— Как же! Я давно боялся и ждал их...

Это — такая гроза, которую трудно избыть даже Византии, перенесшей немало невзгод...

Что перед ними аланы, венгры, болгары, персы? Они — ничто!

— Почему же?

— Вот почему... Веришь ли ты мне, Василий? Я готов вести с тобой речь. Что такое наши враги? Все это народы, изведавшие сперва меч римлян, а потом и те наслаждения, которые давал Рим. Они сильны, свободны, могущественны, но в жилах каждого их них уже течет яд Рима...

Яд наслаждения жизнью. Они видели разврат римской жизни, и его прелесть для них кажется привлекательною. В этом их разло-

жение. Они ничтожны, потому что корень их подточен Римом. Если бы франки или аллеманны тронулись на нас, я бы смеялся... Они были бы мне жалки... Но теперь я дрожу...

— Но почему же? — переспросил Василий.

— Потому что, имея во главе жалкую кучку чужеземных храбрецов, на нас поднимаются славяне... Ты знаешь этот народ? Нет? Так я расскажу тебе о нем. Это народ-богатырь. Мы исчезнем с лица земли, будем стерты первым встречным «слова Вардаса оправдались: в 1211 году Константинополь попал под власть крестоносцев — первых встречных по отношению к Византии», но этот дивный народ, эти русские — так они называют теперь себя — будут жить в веках. Это девственный народ. Он не знает ни лжи, ни обмана. И врагу, и другу он смело глядит в глаза. Никто не посмеет его ни в чем упрекнуть. Наше счастье, что у него до сих пор не было единого вождя; но теперь он явился — и дрожит Византия, и так же будет дрожать перед ним и весь мир, потому что великие душевные силы хранятся в нем... Я могу только удивляться, как эти витязи до сих пор не об-

ращали на нас внимания... Вардас замолчал, как бы подавленный тяжестью этого, так неожиданно полученного, известия.

Молчал и Василий.

Ему Византия не была так близка, как больному правителю, но все-таки он стоял столь близко к кормилу правления этого великолепного судна, что начал смотреть на него, как на свое собственное достояние, и теперь страшился близкой грозной опасности, потому что боялся, как бы надвигающаяся гроза не лишила его этого достояния.

— Откуда же они явились, эти славяне, мудрейший? — спросил он, наконец, Вардаса, несколько собравшегося с мыслями. — И отчего Рим не обратил на них внимания?... Разве трудно ему было покорить их?

— Не только что трудно, но даже невозможно...

— Почему же?

— Я уже сказал тебе, судьба за них...

— Но Рим спорил с судьбой...

— И пал в этом споре.

— Да, ты прав, но в своем падении он увлек и тех, кто был починен ему; ты же сам

сказал, что он обессилил все народы, которые попали под его власть.

— Прежде всего, в своей гордости он не обратил на славян внимания, он не предусмотрел того, что разрозненные племена могут соединиться в один могучий народ, перед которым задрожат его же твердыни... И вот, теперь это случилось...

— Но что же делать?

— Я не знаю, я ничего не знаю пока, — с горем и отчаянием в голосе прошептал Вардас, — ум мой от недуга и лет ослабевает. Он потерял свою прежнюю остроту, и я теряюсь перед этой новой грозой.

Вардас чуть не плакал в порыве душившего его волнения.

— А где Зоя? — вдруг вспомнил он. — Отчего ее не видно?

— Она скрылась...

— Как? Она?

— Да, где она и епарх Анастас — не известно никому.

— Но что заставило ее решиться на такой поступок? Кажется, она не имела причин жаловаться на Византию!

Василий поспешил рассказать Вардасу все, что он успел узнать о Зое и причинах ее побега.

Больной правитель слушал его с большим вниманием.

— Ты и теперь не видишь, что судьба против Византии? — спросил он.

— Но откуда ты это можешь заключить, мудрейший?

— А Зоя?

— Что же может быть страшного в этой женщине? Что она может сделать для Византии?

— Очень многое, если они попадут на Днепр... Ты не знаешь всей ее истории, как знаю я. Она — дочь бывшего старейшины на Приднепровье. Отца ее помнят, память его чтут, и ради него славяне пойдут за дочерью, куда бы она их ни повела... Ты понимаешь это? Я старался приручить Зою, я рассчитывал, что она полюбит Византию, и думал, что мне удалось это... В самом деле, Зоя на моих глазах из дикарки превратилась в матрону, уму которой могли бы позавидовать наши женщины. Поступая так, я рассчитывал, что,

когда придет время, Зоя отблагодарит Византию за все заботы, но теперь это время пришло, а Зои нет, и где она — неизвестно. Если на Днестре, то тучи кажутся мне еще более грозными.

— Но мне кажется, что Зоя не совсем опасна для нас!

— Что заставляет тебя так думать?

— С ней Анастас. Я не могу думать, чтобы он позволил ей принести какой-нибудь ущерб Византии.

— Я забыл об Анастасе... Пожалуй, ты прав... Анастас любит Византию и, в самом деле, сумеет удержать Зою... Да, но мы говорим, а все-таки не знаем, что угрожает нам... Ты говоришь, что распорядился привести купцов? — Да, мудрейший, они дожидаются здесь...

— Пойди и поговори с купцами, принесшими известие, а после мы решим, как отвлечь гнев Божий от нашей родины.

12. ДОПРОС

Василий поспешил уйти от больного Вардаса к ожидавшим его купцам. Теперь это был уже не тот скромный, приветливый, простой в обхождении человек, который так дружески беседовал на форуме с подгулявшим мореходом Андреем; нет, это был гордый, бесстрастный правитель, правая рука императора, привыкший к беспрекословному повиновению и раболепству всех тех, кто только приближался к нему.

В этом человеке были все задатки гениального администратора. Он во всем умел держать себя сообразно с обстоятельствами. Когда нужно, он был ласков, приветлив, обходителен, но, когда это не было нужно, он опять-таки становился необыкновенно высокомерен, горд и умел, как нельзя лучше, показать это...

Казалось, сама судьба готовила его к высшему и вела своими неисповедимыми путями, выделяя его из ничтожества...

Перед купцами явился совсем другой человек.

Он и глядел теперь как-то по-другому — поверх голов ожидавших его купцов, куда-то в даль, как будто считая этих раболепно склонившихся перед ним людей, выказавших себя такими гнусными себялюбцами, недостойными одного его взгляда...

А те, перепуганные, дрожащие всеми членами, боясь за свои головы, пали на колени, лишь только Василий появился перед ними в этом роскошном покое во всем своем блеске.

— Встаньте и слушайте! — внушительно и медленно заговорил Македонянин. — Который здесь Лаврентий Валлос?

— Прости, несравненный, это я!... — выступил немного вперед весь дрожавший от страха купец, тот самый, который в Киеве относился с таким презрением к страшной опасности, грозившей его родине со стороны варяго-россов, требовавших похода.

— Ты?

Василий Македонянин устремил на него свой долгий испытующий взгляд.

— Ты достоин смерти, — наконец, после молчания вымолвил он.

— Прости, прости! — залепетал тот. — В я

чем повинен?

Купец был несказанно жалок. Он и в самом деле не мог понять, чем он провинился, за что его схватили и привели сюда.

Василий не долго держал его в недоумении.

— Грошовые собственные выгоды ты предпочел интересам Византии, твоей родины... Император знает все... Он разгневан. Разве мог он думать, что среди византийцев найдутся такие негодяи?... Вы сейчас же будете казнены. Эй, стража!

Македонянин энергично захлопал в ладоши, призывая стражу.

В дверях покоя, кроме бывших там, сейчас же появилось несколько варягов, уже обнаживших мечи и готовых на все по первому приказанию властелина...

Среди купцов началось трудно описуемое паническое смятение.

Они застонали, заголосили, обвиняя друг друга, кинулись перед наперсником императора на колени, умоляя его о пощаде.

Тот дал им время наговориться, высказать все и только тогда заговорил сам.

— Хорошо, — произнес он, — может быть, мне и удастся уговорить великого порфирогенета, но вы должны исправить свою вину...

— Мы сделаем все, все, уверяем тебя, что только можем!...

— Не сомневаюсь... Умирать безразлично — под секирой палача или где-нибудь в другом месте...

Испуганные донельзя купцы все сразу снова завывали на разные лады.

— Перестать! — крикнул на них Василий. — Рассказывайте все, что вам известно...

— О чем?

— Вы еще спрашиваете? Что делается на Днепре? Да не утаивайте и не болтайте лишнего... Иначе вам придется плохо! Теперь уже всякие шутки плохи... Все, слышите, все говорите!

— Что ты хочешь знать, великий?

— Император слышал, что вы вернулись из славянских стран, а там затевается варварский набег на Византию, вот вы и должны рассказать, что вам известно об этом? Правда ли, что киевские князья Аскольд и Дир, бывшие до сих пор нашими друзьями, хотят идти

на нас войной?

— Да!

— Вы это знаете верно?

— Мы сами были у них на пиру, когда норманны потребовали похода...

— И что же князя?

— Они, великий, как мы знаем, имеют самые миролюбивые намерения, они — против этой войны, но их только двое, а варягов много, к варягам примкнули и славяне... У них вышел великий спор с князьями. Что же им поделать!

Лаврентий Валлос от имени всех остальных передал Василию все, что ему было известно по поводу затеваемого киевскими варягами набега.

Он, рассказывая о виденном, так дрожал за свою жизнь, что не решился скрыть ничего. Напротив того, он сгустил краски, описывая княжескую дружину и охватившее ее воодушевление. Киевские варяги в рассказе Валлоса явились какими-то извергами.

Они прямо заставляли своих миролюбивых князей предпринять этот набег. — Но каковы эти князья по своему характеру? —

спросил Василий Македонянин, внимательно выслушав подробный рассказ купца.

— Они кротки и войне предпочитают пиры и охоту...

— А другие славяне? Что они? Ведь варяги — это пришельцы на Днепре?

— Сами по себе днепровские славяне, в особенности те из них, которые называют себя полянами, народ очень миролюбивый и кроткий...

— Тогда они разделяют мнение этих своих князей, Аскольда и Дира?

— Если бы все без исключения в Киеве были в этом подобны им!

— А что же?

— То, что вместе с князьями на Днепр пришла буйная норманнская дружина. Эти люди совсем другого характера, чем обитатели берегов Днепра. Они жаждут крови и грабежа, они спят и во сне видят одни только буйные набеги, куда и на кого — это им все равно. Вот эта-то дружина, как мы уже передавали тебе, великолепный, недовольна своими князьями, упрекает их в трусости, лени и требует немедленного похода.

— И что же? Поход уже решен?

— Пока нет!

— Что останавливает дерзкий набег этих варваров?

— Искреннее миролюбие их князей, как уже ты, великий, слышал.

— Тогда, может быть, все обойдется?...

— Вряд ли... Аскольд миролюбив, Дир тоже, но они не рискнут идти одни против всех, а славянские старейшины, в особенности те, которые постоянно находятся в Киеве, готовы идти следом за норманнами... За собой они поведут и свои племена...

Василий задумался.

Он ясно видел, что эти дрожащие от ужаса люди говорят правду, и предчувствовал, какую опасностью грозит набег.

Купцы стояли, не спуская с него глаз.

Они стояли, затаив дыхание, как бы боясь нарушить думы правителя.

Все они теперь переживали не совсем приятные минуты.

Все теперь, по их мнению, зависело от того, что надумает этот человек.

— Скажите, — вдруг прервал молчание Ма-

кедонянин, — вы бывали запросто на пирах у этих киевских князей?

— Да, в их палатах все очень просто, каждый имеет доступ к ним. Они выходят, беседуют со всеми, кто бы ни обратился к ним за своим делом, даже самым ничтожным.

— Это хорошо... Но пользуются ли они влиянием на свои дружины?

— О чем ты спрашиваешь, несравнимый?

— Я хочу знать, мог бы кто-нибудь заменить их в Киеве? Ну, если бы их не было, нашлись бы у варваров другие вожди?

— Трудно сказать... По нашему убеждению, на Днепре пошли бы тогда раздоры. Киевляне очень любят Аскольда и Дира, но, не будь их, они, может быть, не пожелали бы иметь над собой никого чужого, и тогда норманнам пришлось бы плохо... Норманнов мало — славян много...

— Так, так, — кивал головой Василий.

Какой-то план созрел в его голове.

— Вы останетесь здесь, — сказал он купцам. — Я буду говорить с императором, а там посмотрим, не найдется ли для вас способа загладить вашу вину перед родиной.

Он отдал начальнику стражи приказ задержать под строгим присмотром купцов, а сам скрылся во внутренних покоях.

13. ФОТИЙ

Когда Василий Македонянин возвратился в покои Вардаса, больной правитель был не один.

У него был сурового вида человек в величественном патриаршем одеянии. Он был еще молод для тех отличительных признаков патриаршего сана, которые были на его одежде.

Василий Македонянин поморщился при виде нового посетителя Вардаса.

Он очень недолюбливал этого человека и в глубине души считал его вступление на патриарший престол страшной несправедливостью и одним из самых худших дел правителя Вардаса.

Это был знаменитый Фотий, племянник Вардаса, из блестящих царедворцев почти что насильно попавший на патриарший престол Византии.

Для того, чтобы освободить ему место, Вардас низложил любимого всеми патриарха Иг-

натия, заточил его в один из монастырей, где бывший патриарх вел жизнь инока, находящегося на послушании.

Какие-то особые цели были в этом для Вардаса, но какие — об этом знал один он.

Как бы то ни было, а на патриаршем престоле Византии очутился хитрый и ловкий политик. Может быть, Вардас, еще не зная Македонянина, готовил Фотия в свои преемники или просто удалял с дороги, не желая вступать в борьбу с племянником.

Как уже сказано выше, Василий не особенно любил Фотия, а тот, в противоположность этому, очень снисходительно относился к Македонянину, в котором видел сильную, непосредственную натуру и недюжинные способности. Он важно дал свое благословение Василию, после чего Вардас указал тому место около себя.

— Что говорят купцы? — спросил у Василия больной правитель.

— Они подтвердили то, что тебе известно, всеумудрый, — ответил тот.

— Итак, гроза надвигается?

— Да...

Несколько минут прошло в молчании.

— Мы давно уже ждали этого, — заговорил снова Вардас, — но если это случится теперь, это будет большим несчастьем для Византии. Мы и так переживаем очень тяжелое время. Михаил под влиянием оргий почти что сошел с ума, все войска находятся на границах, где им приходится бороться с персами, у нас есть только разнузданная гвардия, которая хороша, когда приходится укрощать разбушевавшуюся чернь на форуме, и ничего не стоит в открытом бою с могучим врагом.

— И прибавь, мудрый, — вставил свое слово Фотий, — у нас нет полководца, который мог бы бороться с варварами.

— Я уже говорил ему, какие это варвары, — кивнул на Василия Вардас, — это не жалкие болгары, а новый мощный, крепкий народ-дитя, только еще начинающий жить...

— Что же делать? Как отвратить грозу? От Рима теперь нам нечего ждать помощи.

— Да, после того, как эти бунтовщики отложились от нас, и мы не могли наказать их за измену, — на Рим, действительно, нечего надеяться...

— Но не можем же мы допустить, чтобы погибла Византия!

— Византия и не погибнет, — довольно спокойно ответил Вардас, — до этого еще очень далеко, и славяне с этой стороны вовсе не опасны, Византия — и даже не вся, а только город великого Константина — перенесет ужасное жестокое испытание...

Оно мне и страшно!...

— Чем же?

— Оно вызовет волнения в народе. Недовольство Михаилом растет и без того, а кто может знать, куда заведет нас волнение черни?

— Да, это — действительная опасность, — согласился с Вардасом Фотий. — Не позволено ли мне будет сказать свое слово? — вмешался молчавший до этих пор Македонянин.

— Говори, Василий, — ласково вымолвил Вардас, — ты молод, и в твоей голове могут зародиться хорошие планы. Говори, а мы обсудим твои слова.

— Действительно, у нас нет войска для отражения набегов, с границ мы не можем взять обратно наши отряды — тогда персам

легко будет вторгнуться в пределы Византии, но если бы удержать россов от этого набега теперь, то после они встретились бы с вооруженными силами и были бы без труда отброшены.

— А как это сделать?

— У них только два вождя.

— Знаю — Аскольд и Дир...

— Вот! Других нет...

Нет им и заместителей. Если бы эти вожди умерли от какой-нибудь внезапной причины, болезни или чего подобного, россов некому было бы вести в набег, тогда...

— Так, так, ты, может быть, и прав! Но среди норманнов все-таки останутся люди, которые могут заменить Аскольда и Дира.

— Не думаю! Этих князей любят славяне. Они видят в них своих освободителей от хазарского ига, другие же норманны являются для них простыми воинами, недостойными сидеть на княжеском престоле; кроме того, у славян есть и свои знаменитые мужи, которые имеют больше прав на княжение, чем простые пришельцы. Если не будет Аскольда и Дира, на Днепре сразу, среди покорных ими

племен, начнется волнение, которое кончится очень печально для норманнов, и, во всяком случае, опасность набега, может быть, для нас хотя и не будет устранена совершенно, то отдалена на более или менее продолжительное время.

— Он прав! — воскликнул Фотий.

— Я согласен с тобой, — наклонил голову Вардас, — но не будем скрывать, что это — очень трудное дело.

— Отчего?

— Чья-либо смерть не в нашей воле.

Фотий усмехнулся.

— Человек смертен... — сказал он, — и никто не знает и знать не может, откуда приходит смерть...

14. ПОРУЧЕНИЕ

Несколько минут прошло в молчании. Вардас как будто обдумывал только что слышанное.

— А ты что скажешь? — снова обратился к Василию правитель.

— Я вполне согласен с мнением блаженнейшего, — ответил тот.

— И ты!

— Василий мне всегда казался рассудительным человеком, — вмешался Фотий.

— Но кто бы мог помочь нам?

— Купцы! — произнес Македонянин.

— Ты опять прав, Василий, я о них забыл, — воскликнул Вардас. — Действительно, купцы могут быть нам очень полезны в этом деле: их хорошо знают в Киеве, где они бывали не раз, и они легко могут добиться того, чтобы князь их приняли.

— И поднести им в числе даров хотя бы такие благовония, — продолжал Вардас, уже примирившийся с планом Василия, — которые бы обладали нужными нам свойствами... Придворный врач Фока сумеет приготовить

такие...

Василий молчал.

Вардас, этот закаленный и выдавший всякие виды византийский царедворец, все-таки призадумался над убийством себе подобных.

— Но нам нужно спешить, — пробормотал он. — Сумеет ли Фока приготовить эти благовония?...

— Пусть он отправится в Киев под видом купца и приготовит их на пути, — подал совет Василий.

Вардас ничего не ответил. Он опять глубоко задумался.

В его душе боролись между собой самые разнообразные чувства.

Нельзя сказать, чтобы среди них особенно говорила жалость. Все-таки Вардас был сыном своего века, но он в это время был болен, ждал каждую минуту смертного часа, и заботы о душе, о будущей жизни, занимали его. Однако эта борьба продолжалась в его душе недолго.

Сознание необходимости преступления ради пользы отечества взяло верх. — Пусть так, я согласен, — пробормотал он. — Ты отпу-

стишь мне этот грех, Фотий?

— Можешь быть в этом вполне уверен, дядя, — ответил патриарх, — этот — точно так же, как и все другие.

— Тогда пусть Василий вернется к купцам и объяснит им, чего от них ждет Византия, а потом мы призовем Фоку и объясним ему, что нам нужно от него... Иди, Василий...

Македонянин с низким поклоном патриарху вышел из покоя.

Валлос и его товарищи ждали с замиранием сердца его возвращения.

— Что потребуют с нас? — шептались между собою купцы.

— Только бы не наших голов...

— Но за что же?

— Разве при дворе Михаила-пьяницы спрашивают — за что?

— Но — тсс!...

Василий снова появился перед ними и обвел их своим испытующим взором. — Слушайте, вы! — заговорил он, складывая на груди руки. — Я уже говорил вам, что умирать человеку все равно где...

— Помилуй, могущественный! — завопили

купцы, падая на колени перед ним.

— Встаньте и слушайте! Я передаю вам слова нашего могущественного и великого порфиrogenета, даже тень которого вы недостойны видеть... Вы немедленно отправитесь снова на Днепр, в Киев, и устройте так, чтобы эти варвары приняли вас в своем покое; там вы поднесете им богатые дары от себя... Вот, что вы должны сделать...

— Великолепный, нас ждет там смерть! — воскликнул Валлос.

— Умрете вы в Киеве или в Константинополе — не все ли равно? Если же вы умрете в Киеве, то спасете ваши головы... Может быть, вы родились под счастливой звездой. Но что об этом говорить! Как я вам сказал, так и будет! С вами отправится еще один человек, с которым вы должны обращаться с почтением, а чтобы вы не посмели убежать, то на ваш корабль будут даны мореходы с военных судов... Согласны?

Купцы из этих слов поняли, что всякое сопротивление излишне.

— Согласны, — разом ответили они, — мы готовы сделать по твоему слову!

— Не сомневаюсь, — ответил Василий.

15. К ЦЕЛИ

Кто может сказать, какими путями распространяются тревожные вести и иногда доходят до людей, от которых более всего хотели бы их скрыть? Вардас, Фотий и Василий более всего желали скрыть принесенное купцами известие от своего повелителя, и оно, между тем, дошло до него очень скоро.

Михаил не на шутку встревожился, когда узнал о предстоящем набеге варваров.

Ему не было никакого дела до Византии, он боялся только за свою жизнь, которая все-таки более, чем что-либо, была в опасности.

— Варвары, варвары! Опять эти несносные варвары! — кричал он, мечась как сумасшедший по своему роскошному покою. — Это — заговор! Меня хотят лишиться престола, вот и навели теперь мои враги варваров на Византию.

— Успокойся, величайший! — пробовал останавливать его Василий. — Византия по-прежнему верна тебе и сумеет всегда защитить тебя грудью своих сынов от всяких вар-

варов...

— Знаю, все знаю... Ты один только, Василий, заслуживаешь моего доверия, — кричал порфиrogenет, — успокой меня, скажи мне: гвардия за меня?

— Да, светлейший...

— А народ?

— Точно также... Народ по-прежнему обожает тебя и считает своим солнцем.

— А все-таки я ему не верю, этому народу... Он коварен и лжив. Я ему давно не устраивал ристалищ, и он забыл меня.

— Нет, нет не тревожь себя напрасно, в порфире рожденный, — народ за тебя... Займись пока делами государства, тебя ждут на пире, и, если ты не покажешь пирующим своего лица, они и в самом деле подумают, что ты испугался каких-то варваров.

— Ты прав, Василий, прав, как всегда... Действительно, нельзя подавать этим людям вида, что мы смущены...

— Тогда подать знак к началу твоего великолепного пира?

— Подай, Василий!

Македонянин удалился.

Ему до крайности был отвратителен этот перепугавшийся до последней степени человек, дрожавший при одном только намеке на опасность для своей жалкой жизни и забывавший в то же время о судьбе целого народа.

Мысли Василия при этом принимали все более и более определенный образ.

"Не настал ли, наконец, удобный миг? — теперь уже смело думал он, не страшась, как прежде, своих мыслей. — Отчего мне не воспользоваться тем смущением и ужасом, которое овладеет Византией при первой вести о приближении варваров? Случай удобный, и упускать его нельзя... Мне кажется, что императорская корона подходит моей голове... Тогда отчего же и не надеть ее?... Только для этого нужно удалить во чтобы то ни стало на это время Михаила из Византии. Но как?

Василий задумался.

Вдруг он ударил себя рукой по лбу.

«Чего же легче? Порфиригенет напуган до последней степени, стоит только поддержать в нем этот испуг, и он сам поспешит скрыться из Византии, ну, на персидскую границу, что ли, а в его отсутствие все легко устроить, как

следует... Только надо сделать это умно, так чтобы Вардас не понял моих планов. Его одного я боюсь и уважаю, остальные мне несколько не страшны. А в этом мне поможет Ингерина».

С такими мыслями он поспешил к молодой женщине, все еще не утратившей своего влияния на «Нерона» Нового Рима.

Они редко виделись с тех пор, как Ингерина поселилась во дворце Михаила.

Но, несмотря на редкие встречи с Василием, молодая женщина продолжала безумно любить его.

Он был ей дорог по их прежней жизни, по тому времени, когда они, голодные и холодные, скитались по горам Македонии, думая не об императорской короне, как теперь, а о том, где и как добыть кусок насущного хлеба.

Среди роскоши дворца Ингерина не раз вспоминала те дни, и они казались ей гораздо более счастливыми, чем та сытая, полная удовольствий жизнь, которую она вела с Михаилом...

Она встретила Василия с такой шумной радостью, какая была даже опасна в их положении...

нии.

— О, наконец-то, наконец-то, ты пришел ко мне, Василий! — воскликнула она, страстно целуя Македонянина. — Я скучала по тебе, я думала, что ты уже разлюбил меня!

— Нет — и никогда! — решительно отвечал Василий. — Или ты думаешь, мне не больно видеть тебя в объятиях другого? Но что делать, цель, которую я преследую ради тебя, требует жертв... Я приношу их, приносишь и ты. Когда же все исполнится так, как задумано мною, мы оба будем счастливы, несказанно счастливы... Но ты мне должно помочь, моя Ингерина.

— Говори, Василий, говори, любимый мой, я готова сделать все!

— Нужно во чтобы-то ни стало удалить порфирогенета отсюда.

— Удалить? Зачем?

— Ты узнаешь это впоследствии, а теперь исполни то, что я тебя прошу. — Но предлог?

— Он есть!

— Какой же?

— Здесь ходят слухи о грозящем Византии набеге варваров. Михаил уже теперь перепу-

ган донельзя. Поддержи в нем этот испуг и убеди его, что среди войска, на границе, он будет в большей безопасности, чем здесь...

— А ты...

Останешься?

— Да, это необходимо...

— Но варвары! Что будет с тобой, я боюсь за тебя!

— Успокойся, я сумею охранить себя хотя бы ради той цели, которую мы преследуем...

Василий не ошибался в Ингерине.

О! Это была действительно умная женщина, которой можно было довериться и на которую можно было положиться.

Действительно, она сумела поставить дело так, что вконец перепуганный Михаил поспешил оставить свою столицу.

Он сумел, однако, на этот раз притвориться и предлог для своего удаления избрал вполне объяснимый, приличный.

— Наши храбрые войска, — объяснил он свой отъезд, — бьются с персами, и мы должны сами руководить ими, воодушевлять их на новую борьбу, как бы она ни была тяжела... О, мы сделаем это и поразим персов!...

Он уехал.

Вардас, не подозревавший, кто устроил это удаление, был очень рад отъезду Михаила.

— Так будет спокойнее, — говорил он Василию, — у нас развязаны руки, и мы можем действовать вполне свободно... Варвары не так страшны, как порфирогенет. Он мог одним словом разрушить все наши планы, помешать нам. Василий ничего не отвечал.

Он чувствовал корону византийских императоров на своей голове...

16. СВОЕ И ЧУЖОЕ

Пока перепуганный Михаил собирался покинуть Византию, его приближенные торопливо приводили в исполнение задуманный ими план отдаления набега славянских варваров.

Врач Фока потребовал довольно продолжительный срок для приготовления своего таинственного средства которое должно было помочь киевским князьям умереть, прежде чем они встанут во главе своих дружин, чтобы вести их на Византию.

Фока был с виду добродушный, безобид-

ный старик; никто бы при взгляде на него не решился сказать, что этот человек, будучи придворным врачом императора, не только многим помог родиться, но многим помог и умереть, и умереть так, что намеченная жертва не подозревала даже, с какой стороны пришла смерть.

Придворный врач императора был, впрочем, человек очень скромный и только изредка позволял себе похвастаться своим страшным искусством.

— У Нерона Старого Рима была Локуста, — говаривал он в порывах откровенности, — но я превзошел и Локусту...

Теперь, получив неожиданное приказание приготовить такие благовония, которые должны были уничтожить киевских князей, Фока не замедлил приняться за свое страшное дело.

Он заперся в своей лаборатории, что-то долго варил, сушил, растирал в ступках, мешал, не выходя из своего покоя и никого не допуская к себе в течение всех дней, пока он был в своем невольном заключении.

Его не беспокоили.

Вардас был уверен, что Фока настолько хорошо знает свое дело, что сумеет исполнить его, как нельзя лучше, если только ему мешать.

На отъезд Михаила из Византии никто не обратил внимания — ни царедворцы, ни народ: такой незаметной личностью был этот правитель по сравнению со своими талантливыми администраторами: Вардасом, Фотием, Василием.

Василий в последнее время стал особенно ласково и даже нежно относиться к Ирине и Изоку, оставленным бежавшей Зоей на его попечении.

Он знал, кто они такие, и все-таки думал, что этот юноша и девушка до некоторой степени могут явиться в его руках заложниками, если только хитро задуманный план не удастся и не отдалит набега киевских славян.

Своей ласковостью Василий старался привлечь брата и сестру на свою сторону, чтобы со временем, если позволят обстоятельства, воспользоваться ими для переговоров с их родичами, которые, видя в них внуков старого Улеба, легко могли ради них стать из закла-

тых врагов Византии ее искренними друзьями и верными союзниками.

С этой целью он подолгу в свободное время разговаривал то с Изоком, то с Ириной, но чаще всего с обоими вместе.

— Дети мои, — говаривал он, — неужели вам не нравится здесь, в Византии?

— О, нет, — отвечала обыкновенно Ирина, — нам хорошо здесь.

— Но на родном Днепре лучше! — с затаенным вздохом отвечал Исок.

— Почему же, юноша?

— Там все свое...

— А здесь? Разве вы в чем-либо нуждаетесь?

— Нет, благодаря тебе, ни в чем.

— Тогда что же вам еще нужно?

— Ах, Василий, — раздражался пылкий Исок, — как что? Нам нужен родимый Днепр, простор его полей, нужен родной наш воздух, нужны родимые забавы. Ничего этого здесь нет...

— Так стало быть, Исок, ты не хотел бы остаться в Византии?

— Нет, нет! Ни за что! Ни за что! Я умер бы,

я задохнулся бы здесь... — А ты, Ирина?

— Я?... Я не знаю... Я всю мою жизнь провела здесь, старый Лука почти что накануне своей смерти рассказал мне, кто я, а до этого я считала себя византийкой...

— Ты скажи ему, сестра, что с тех пор, как ты узнала тайну нашего деда, и твоя душа перестала быть спокойной!

— Да, Изок, ты прав... Много перемен произошло со мной.

— Каких же, Ирина? — вкрадчиво спрашивал Василий. — Я — друг твой и Изока, ты можешь говорить со мной без опасений... Я буду рад, если найду возможность помочь тебе. Не бойся, мое милое дитя, говори откровенно...

— Я стала совсем другою, благородный Василий. Прежде для меня весь мир был в Византии; если мне приходилось выбираться из своего угла и взглядывать на ваши роскошные дворцы, шумный форум, на ваши храмы — все это мне казалось волшебным раем, царством грез, и я не мечтала никогда ни о чем другом, как только о том, чтобы остаться в этом уголке всегда, на всю жизнь.

— А теперь?

— Теперь не то... Я уже не думаю, что Византия — рай. Она великолепна — да, но в моих грезах, в моих снах я вижу совсем другое... Мне грезится покойная величавая река, медленно катящая свои волны среди высоких зеленых берегов, я вижу города, не такие пышные и великолепные, как город Константина, нет, они, эти города, с виду бедны и ничтожны, но, когда во сне я нахожусь в них, я так вот и чувствую, что и Византия, и ее пышность, блеск, ее солнце, ее люди — все это мне чужое, а там, в этих городах — все мое, все родное, близкое, я там своя... И после таких грез так вот, кажется, обернулась бы я птичкой малою, унеслась бы туда на крыльях своих... Да так, пожалуй, есть и на самом деле... Здесь я телом одним только, а душа моя там, на берегах этой реки, на родине моей... О ней я грежу, Василий, ее вижу я в снах моих... Как ты думаешь?

Василий ожидал подобного признания.

«Кровь сказывается, — подумал он, — свое к своему тянет».

Легкий вздох вырвался из его груди.

— Я понимаю тебя, дитя, я понимаю, какие

чувства волнуют тебя, — тихо промолвил он.

О, в эти минуты и в его мечтах быстро воскресла знакомая картина. Встали горы родной Македонии, неприступные кручи, снеговые вершины, на которых так хорошо и легко дышится вольной груди, цветущие долины, где живет так привольно и счастливо, где люди не знают ни вражды, ни лжи, ни ненависти...

И все это оставлено, все это забыто, покинуто! Ради чего? Ради призрака власти, ради короны Византии! Что же, разве легко носить ее? Разве истинно счастлив тот, чью голову она украшает? Нет, нет, тысячу раз нет! Эта власть всей своей тяжестью давит человека за то суетное, полное тревог и волнений счастье, которое она дает ему... Как бы хорошо вернуть прошлое! Но — нет! Эта корона так близка, что поворота быть не может, нужно неуклонно идти туда, куда влечет судьба. Обманет она — и, если только голова на плечах останется, всегда не поздно вернуться к прежнему... Но как хорошо и светло это прежнее!

Новый тяжкий вздох вырвался из груди Василия. Он даже не старался подавить его —

ведь эти дети — он знал прекрасно — не выдадут его, и при них, хоть на мгновение, можно скинуть давившую его своей тяжестью личину...

— Понимаю тебя, дитя мое, понимаю, — повторил Василий, — но не печальтесь и ты, Ирина, и ты, Изок. Может быть, все будет так, как вы желаете, как мечтаете, но только нужно ждать и ждать... Наша судьба не в наших руках...

17. ОСУЖДЕННЫЕ НА СМЕРТЬ

Труд Фоки был скоро закончен...

Византийский сын Эскулапа тонко знал свое дело...

Несколько дней было вполне достаточно для того, чтобы приготовлено было средство к отдалению набега славянских варваров...

Как только Фомка закончил свои приготовления, он немедленно вышел из затвора и поспешил послать одного из слуг к Вардасу с уведомлением, что он выполнил его приказ...

Фока еще не знал, что ему готовится...

Он думал, что отвести дары будет поручено купцам, а сам он останется в стороне от

всякой непосредственной опасности.

Но он жестоко ошибался...

Вардас принял его очень ласково — так ласково, что Фока, присмотревшийся ко всему за свое долгое пребывание в императорском дворце, сразу же почувствовал, что тут не все ладно...

Правитель затворился с врачом и долго, долго беседовал с ним...

— Итак, Фока, я очень благодарен тебе за труды, — закончил он свою беседу, — ты — верный слуга императора.

— О, мудрейший, я делаю, что могу...

— Я знаю, что ты скромн, очень скромн... Но ты получишь награду... А вот скажи, кому поручить все это?...

— О, кому прикажешь, могущественный.

— Так-так... Я был уверен в таком твоём ответе. Ещё раз повторяю, ты — верный слуга отечеству.

— Так как же повелишь, могущественный? Кому я должен передать наставления?

Вардас на мгновенье задумался.

— Поговори об этом с Василием... — вымолвил он, стараясь глядеть куда-то в сторо-

ну.

— Но мне хотелось бы услышать приказание от тебя, мудрейший.

— Поговори с Василием, — совсем беззвучно повторил Вардас.

Фока понял все.

— Твоя воля, мудрейший, — проговорил он и с низким поклоном вышел из покоя.

Больной правитель только по уходе его вздохнул облегченно...

Ему стало жаль этого человека... Они долго жили вместе, и не раз Фока оказывал Вардасу очень серьезные услуги. Теперь наместник императора знал, что отправляет его, в случае неудачи, на верную смерть.

Фока, успевший уже примириться с своей участью, перешел к Василию.

Тот встретил его также смущенный и несколько растерянный.

— Ты знаешь, Фока, все? — спросил он. — Вардас уже сказал тебе?

— Вардас сказал, что я должен спросить у тебя...

— Что делать, Фока, нужно отправиться тебе... Никому иному невозможно доверить та-

кого ответственного дела...

— А купцам?...

— Что они! Эти трусы, если не сбегут или не умрут сами от перепугу, легко испортят все дело...

— Стало быть, я должен ехать непременно?

— Да.

Фока на минуту задумался.

— У меня жена-старуха, два сына, внуки... — как бы в раздумье проговорил он.

— Не беспокойся за них! — воскликнул Василий. — Они будут находиться под моей охраной... Но не печалься... Я уверен, что ты возвратишься...

— Не утешай меня, Василий, я столько видел смертей, что не побоюсь той смерти, которая будет ниспослана мне с открытым лицом...

Василий ничего не ответил.

Так прошло несколько мгновений.

Македонянин смотрел куда-то в угол, Фока, опустив глаза к полу, как бы переживал какую-то тяжелую внутреннюю борьбу.

— Прощай, — наконец, глухо вымолвил он.

— Прощай, Фока, — ответил Василий.

— Помни свое обещание... Не оставь моих сирот...

— Иди!... Будь покоен...

— На утро будьте готовы отправиться в путь, — приказал он приведенным по его приказу купцам и приказал страже увести их.

Снова оставшись наедине с Фокой, Василий не выдержал и, повинувшись могучему внутреннему порыву, крепко-крепко обнял старика и, едва сдерживая слезы, выбежал из покоя.

Вардас ждал его с нетерпением.

— Ну, что, — спросил он, — как Фока?

— Он понял, что его присутствие необходимо.

— Верный, незаменимый слуга... Может быть, он своею жизнью спасает Византию...

— Он готов на все, он — не эти жалкие торгаши и способен пожертвовать собой ради пользы отечества...

— Мало таких...

— Но пока они есть, ими сильна Византия... Только бы жертва эта не стала напрасной, — закончил Вардас.

На другой день рано утром трирема херсонесских купцов вышла из гавани Константинополя.

Фока был на ней.

К Аскольду и Диру вместе с ним неслась по морским волнам сама смерть...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧУДО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

1. К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

Анастас и Зоя, как мы уже видели из первой части нашего рассказа, при первой возможности поспешили, по совету Склиренны, бежать от опасности... Какой? Мы уже видели, что дело приняло совсем не тот оборот, который имел в виду Никифор, но и Анастас, и Зоя знали, что такое интриги при дворе Михаила, а потому поспешили найти спасение в бегстве. Если у них и были защитники у порфирогенета, то, в особенности у Анастаса, было немало и врагов, всегда готовых довести его до плахи из-за одной только зависти к его прочному положению как главы партии «голубых».

Анастас не сомневался, что рано или поздно он вернется в Константинополь. В душе он был очень недоволен, что приходится уходить так далеко — на Днепр, к варварам, и не

мог понять, почему так настаивает на этом всегда, казалось, такая рассудительная Зоя.

— Чего ты ждешь от варваров? — спрашивал он ее, уже очутившись на борту корабля. — Скажи мне — чего?

— Всего, — коротко отвечала Зоя.

— Этого очень мало для меня...

— А чего бы ты хотел?

— Больших подробностей; узнать, наконец, все твои планы!

— Узнать! Для этого еще будет время...

— Однако ты не разговорчива...

Зоя засмеялась.

— Еще бы! — сказала она с особым ударением. — Ведь, я — не византийка...

— Как? Что? — удивился Анастас.

— Так, не византийка!...

— Кто же ты?

— Природная славянка!

Анастас, ни слова не говоря, глядел на нее: так он был поражен этим неожиданным признанием.

— Ты — славянка, и я об этом ничего не знаю?...

— И не мог знать. Вспомни, что в Констан-

тинополе ты — человек совершенно новый.

— Но в тебе нет ничего варварского: ты красива, умна, исповедуешь Христову веру, принята во дворце императора, наконец ты — матрона.

Зоя снова засмеялась.

— А все-таки я — славянка... Мало ли бывает в жизни! Я сказала тебе и сама думала, что стала природной византийкой... Да вот теперь сказалась кровь... Я вся горю, я трепещу, сердце мое бьется радостью при одной только мысли, что скоро-скоро я увижу мою родину!...

— На радость ли?

— Какое горе ты видишь?

— Неужели ты думаешь, что на твоей родине сохранилась о тебе память?

— Старейшина Улеб и его дети никогда не будут забыты, — гордо проговорила Зоя. — Я уверена, что на Днепре все его помнят. Хотя мой несчастный отец убит этим ненавистным Никифором, но я отомщу, отомщу за его смерть!...

Глаза Зои загорелись злобным огоньком. Она так поглядела на Анастаса, что сердце его

сжалось от какого-то мрачного предчувствия.

— Ты что-то задумала, Зоя, — смущенно пробормотал он.

— Я скажу тебе, что — месть и месть, какая только доступна дочери варварского народа... К этому толкает меня сама судьба. Погляди сам: разве это невольное изгнание, ничем не вызванное, не предопределено мне судьбой? Судьба заставляет меня вернуться на родину, бросив там на берегах Пропондиды все, что меня привязывало к Византии, и я иду...

— Но, по крайней мере, есть ли у тебя кто-нибудь там на берегах Днепра?

— Жив брат мой Всеслав; он в великом почете у киевских князей.

— Откуда ты это знаешь? Разве у тебя были сношения с Киевом?

— Мне сообщил об этом Изок, родной сын моего брата.

— Тот, которого ты скрывала у себя?

— Да, он...

— А эта другая девушка?

— Ирина? Она — его родная сестра и, стало быть, моя племянница.

— Так-так! Но что же с ними будет без нас?

Склирена добивается юноши, а Никифор девушки; они своего не упустят.

— Вся моя надежда на Василия Македонянина: он добр, приветлив, искренне расположен и к тебе, и ко мне; но, если дети погибнут, месть моя будет еще ужаснее, верь мне в этом!...

— Зоя, я боюсь тебя! — воскликнул Анастас.

Такой разговор не раз заходил между ними во время морского пути. Анастас как-то стушевался перед этой женщиной, которая преображалась тем более и более, чем ближе были берега славянской земли. Это была уже не прежняя спокойная, бесстрастная византийская матрона, ловко умеющая прикрывать какой угодно маской волнующие ее чувства. Зоя перерождалась. Византийский лоск, светскость роскошного двора Михаила-порофирогенета быстро спадали с нее. В ней пробуждалась дикарка с необузданными порывами, смелая, решительная, не останавливающаяся ни перед чем. Она даже костюм переменяла, и теперь перед Анастасом, приходившим в изумление от этой метаморфозы, была

дочь варвара, судившая по-варварски и уже забывшая все византийское.

Морское путешествие шло очень быстро. Благодаря попутному ветру, постоянно надувавшему паруса, Зоя через пять-шесть суток увидела берег своей родины, когда-то не по ее воле оставленной.

2. СЛАВЯНКА

Был уже вечер, когда корабль, войдя в устье Днепра, бросил якорь.

— Госпожа, — обратился к Зое кормчий, — как я уже предупреждал тебя, моя галера не может идти далее. Тебе и твоему спутнику придется оставить нас здесь...

— Но как же быть нам дальше?

— Если тебе угодно, то я найду тебе здесь проводников. Ведь ты желала попасть в Киев?

— Да!

— Я так и обязался перед благородным Никифором, я — человек честный и исполню то, что должен.

— Перед каким Никифором? — с удивлением воскликнула Зоя.

— Начальником императорских телохранителей...

— Но какое же он может иметь отношение ко мне? Я не понимаю.

— Он приказал мне с особенным почетом доставить тебя и твоего спутника в Киев!

— Ничего не понимаю!

— А я все! — вступился Анастас. — Наше бегство, точно так же, как и заключение в тюрьму, было делом Никифора и этой негодной Склирены.

— Но зачем?

— Они, вероятно, не могли добиться приказа о нашей казни, а так как мы им мешали, то они и удалили нас из Константинополя и удалили, должен сказать, очень ловко! В таком деле, как это, я сразу узнаю Никифора...

— Пожалуй, что ты прав!

— Не пожалуй, а действительно прав... Теперь я знаю, что мне делать! Эй, мореход!

— Что прикажешь, благородный господин?

— Ты должен доставить нас обратно в Константинополь и немедленно.

Глаза Зои загорелись зловещим огоньком.

— Ты хочешь возвращения?... Этого не будет... Я не возвращусь теперь туда, откуда сама судьба увела меня...

— Должна возвратиться... Довольно я наслушался от тебя о какой-то там твоей мести! Кто тебя, в самом деле, знает, что ты затеваешь? Хорошо еще, что я узнал твои замыслы... Может быть, ты хочешь навести варваров на Византию? Нет, как хочешь, а я этого не позволю! Ты говоришь, что любишь свою родину, но и я люблю свою. Теперь, когда очевидно, что это наше бегство ничем не вызвано, и тут была интрига, я считаю себя обязанным вернуться обратно, и, прости уж, хотя бы пришлось употребить против тебя силу, — ты пойдешь за мной, это верно. Зла я тебе не сделаю, я промолчу обо всем, что слышал в эти дни от тебя, только ни до какой мести я тебя не допущу... Кто тебя знает? Моя родина мне дороже всего...

Зоя вся вспыхнула, задрожала, резкий ответ готов был сорваться с ее языка, но в этот миг ей на помощь пришел прежний византийский лоск, умение сдерживать свои порывы. Дикарка на мгновение исчезла, и ее место

снова заняла важная матрона.

— Ты, Анастас, прав, как всегда, — с приветливой улыбкой заговорила она, — прости мою вспышку... И забудь, что я говорила ранее, — мало ли что говорится в озлоблении! В самом деле, что я могу найти в этой дикой стране? Разве может какой-нибудь Киев заметить мне, привыкшей к роскоши и довольству, родимую Византию? Нет, нет, ты прав! Я не подумала об этом, прости меня, мы вернемся...

— Вот, так-то лучше! — проговорил Анастас, успокаиваясь при этих словах.

Он умел прекрасно править колесницами — не даром же, в самом деле, «голубые» избрали его своим вождем, — но по своим способностям был очень недалек и, вместе с тем, весьма доверчив. Его нисколько не поразила эта внезапная перемена в Зое.

— Но только вот что, Анастас: позволь мне сойти на берег и поклониться родимой земле, — снова заговорила Зоя, — все-таки это — та земля, на которой я впервые увидела свет...

— А ты попытаешься бежать?

— Куда же могу бежать одна? Ах, Анастас!

Но если ты мне не веришь, проводи меня, мы сойдем на берег вместе. Так?

— Со мной — пойдём! Только скорее...

Несмотря на то, что был вечер, Анастас приказал спустить лодку. Он весь горел нетерпением возвратиться поскорее обратно и уже рассчитывал, что корабль на следующее же утро может отплыть к берегам Византии. Ввиду этого ему хотелось поскорее исполнить желание Зои, чтобы не было потом задержки в отправлении.

Лодка была спущена, и двое гребцов быстро направили ее к правому берегу Днепра.

Первой выскочила на землю Зоя.

Местность была пустынная. Невдалеке от берега шумел лес, у самой воды видно было несколько рыбацких хижин.

— Родная земля! — в экстазе воскликнула Зоя, целуя песок. — Наконец я снова стою на тебе, наконец я снова дышу родимым воздухом!... Анастас, пойдём туда, к этим деревьям, позволь мне коснуться их! Ведь они так же, как и я, дети этой земли.

Она быстро увлекла своего спутника к лесу.

Анастас еле поспевал за ней.

Зоя, в порыве радости, целовала землю, деревья, плакала, не обращая на византийца ни малейшего внимания.

Тому, наконец, это наскучило.

— Пойдем же, Зоя! Нам надо вернуться, пока не наступила ночь!

— Вернуться? Куда? — как бы в забытьё спросила Зоя.

— На наш корабль.

— Этого не будет! Я останусь здесь... И ты тоже...

— А я говорю, что будет! Не пойдешь волей, поведу тебя силой.

— Силой? Меня? Ах, ты византиец! Разве ты забыл, кто я? Силой? Меня - славянку?

— Не разговаривай, а иди! — уже совсем грубо крикнул Анастас и схватил Зою за руку.

Но та ловко вывернулась и кинулась на него.

— Зоя! Что ты делаешь? — раздался отчаянный крик византийца.

Он беспомощно взметнул руками и упал на песок.

Зоя стояла над ним с кинжалом в руках. Из

левой стороны груди Анастаса ручьем струилась кровь.

— Сам хотел, — прошептала Зоя. — Умирай теперь! Если бы ты вернулся, ты первый бы выдал меня!...

3. НА РОДИНЕ

Анастас копал судорожными движениями ног землю. Удар был нанесен верной рукой. Несчастный хрипел, а Зоя все еще стояла над ним.

— Меня, славянку, захотел удержать силой!... Нет, не бывать этому, — бормотала она, — не бывать этому никогда! Ваших изнеженных женщин вы можете заставлять делать, что вам угодно, но со славянским народом шутить не приходится... Мне жаль тебя, Анастас. Но что же делать, я принесла тебя в жертву моей родине. Прости меня!...

Хрипенье несчастного прекратилось, глаза его остеклились, он весь вытянулся. Зоя поняла, что он был мертв.

— Прощай! — проговорила она, выпрямляясь во весь рост. — Прощай, я не могу похоронить тебя. Но что же делать? Я не могу воз-

вернуться теперь на судно... Ночь... Куда идти?... Если бы я знала, что могу переночевать в лесу... Но я вижу там свет в этих рыбацких хижинах... Мне окажут гостеприимство там, я знаю.

Взглянув в последний раз на труп Анастаса, Зоя поспешно удалилась от него.

Прежде всего она поспешила вернуться к гребцам.

— Возвращайтесь обратно, — сказала она, — мы остаемся здесь.

— Как тебе угодно, госпожа. Но где же твой спутник? — удивленно спросил один из матросов.

— Он отправился отыскивать приют на ночь и хотел найти лодку, которая бы доставила нас обоих к князьям в Киев.

— Мы могли бы довести его...

— Он устал, странствуя на корабле, и захотел пройти по твердой земле.

— Тогда позволь нам отвезти хотя бы тебя.

— Я буду очень вам благодарна.

Зоя села в лодку. Она была совершенно спокойна и не думала о своем поступке; он казался ей вполне естественным. Зоя была

так близка от намеченной цели, что не остановилась бы ни перед чем, только бы достигнуть ее. Анастаса ей было жаль, но что значил он в сравнении с родиной, к которой она так стремилась и на которую, как она была уверена, привела ее сама вершительница всего в жизни — судьба.

Сильные гребцы так разогнали лодку, что в несколько взмахов весел достигли рыбацких хижин, одиноко стоявших у воды.

— Благодарю вас, друзья мои, — ласково проговорила Зоя, подавая им византин, — вот возьмите это себе и возвращайтесь обратно; вас, наверное, уже ждут на корабле...

— А ты, госпожа?

— Я найду приют здесь!

Она подошла к хижине, на пороге которой уже виднелся старик-рыбак с двумя молодыми парнями, очевидно, сыновьями.

— Мир вам! Я прошу вашего гостеприимства, — произнесла Зоя, отдавая поклон.

— Войди, кто бы ты ни была, женщина, под мой кров и будь уверена, что я и моя семья примет тебя как посланца бога.

Этими словами старик давал понять, что

Зоя становится под его защиту на все время, пока она пробудет под кровлей хижины.

Зоя не замедлила воспользоваться этим приглашением радушного хозяина.

С каким наслаждением опустилась она на грубую скамью, с отрадой вдыхая родимый воздух! Оставленные ею в Константинополе палаты показались ей со всем своим великолепием жалкими в сравнении с этой хижинной. Ведь там все было чужое, насильно навязанное, а здесь свое, родное, к чему сохранила в ней любовь память чуткого отрадного детства.

— Садись, женщина, и отдыхай, — говорил старик. — Если ты голодна, сейчас все, что есть лучшего в моей хижине, будет перед тобой. Моя жена сама будет служить тебе; если ты нуждаешься в защите, никто не осмелится тронуть тебя.

— Благодарю, благодарю, отец, — чуть не плача от радости, говорила Зоя.

— По костюму вижу, что ты здесь — чужестранка. Не с того ли ты корабля, который недавно стал на якорь у нашего берега, не так ли?

— Да, отец!

— Но ты так чисто говоришь на нашем языке, обыкновенно трудном для чужестранцев! Насыщай свой голод и удовлетвори наше любопытство, откройся нам, кто ты?

На стол была уже подана уха из свежей, только что наловленной, рыбы. Зоя не хотелось есть, но она знала, что своим отказом обидела бы радушных хозяев, предложивших ей гостеприимство.

Она стала есть, и уха показалась ей таким лакомым блюдом, перед которым ничто были все роскошные и утонченные яства Византии.

Пока она была занята ухой, вокруг нее собралась вся семья рыбака, пришли даже из соседних хижин, где уже узнали об ее появлении.

— Так кто же ты, женщина? — снова повторил свой вопрос старик.

Зоя на минуту смолкла.

— Ты помнишь ли, отец, полянского старейшину Улеба? — спросила она.

Лицо старого рыбака озарилось доброй улыбкой.

— Мне ли не помнить Улеба! — воскликнул он. — Этот старейшина был много раз благодетелем нашей семьи! Как мы плакали, когда эти хищники-варяги увели его и его семейство от нас! Но почему ты, женщина, спросила меня об этом?

— Если ты помнишь Улеба, так вместе с этим ты должен помнить и меня. — Как так?

— Я — дочь Улеба...

Все сразу притихли в хижине при этом неожиданном признании.

4. СРЕДИ РОДИМЫХ

Изумление, однако, быстро сменилось общей радостью.

Первым пришел в себя старик хозяин.

— Благословение великий богов над нами и над землей нашей, и над моей бедной хижинкой! — воскликнул он. — Мертвые встают из могил!... Так это ты -дочь нашего славного Улеба, та молоденькая девушка, которую на моих глазах свирепые норманны увезли в позорный плен?!

— Я...

— Благословение богов! А Улеб — твой

отец?

— Да, правдиво твое слово...

— Он умер?...

— Да.

— Давно?

— Нет... Очень недавно...

— И ты не спасла его?...

— Я отомщу за его смерть!...

— Так он был убит?...

— Его убили византийцы, и на головы их всех падет моя кара! Да, падет! Слушай, я не видела отца: в плену нас разлучили, и он был скрыт от меня, сама судьба его скрыла, и я узнала только об его смерти...

— От кого?

— От его внуков, Изока и Ирины, видевших его ужасную смерть.

— Ты говоришь — Изок! Разве он тоже в Византии, в плену? Его недавно видели здесь... Ведь ты говоришь о сыне Всеслава, не так ли?

— Да, именно, о сыне моего брата... Он в Константинополе, и киевляне должны его выручить из плена...

— А сама ты?

— Я бежала сюда на родину. Слушай, отец, и не осуди меня! Я уже вступила на родную землю, когда меня насильно хотели вернуть назад... Как должна была поступить в этом случае славянка и дочь Улеба? Могла ли она, скажи мне, покориться чьей-либо силе?

— Никогда!

— Я так и сделала... Я убила моего преследователя; его труп лежит там, у леса... Теперь ты знаешь все... Если можешь, суди меня...

— Тебя не в чем обвинять... Я пошлю сыновей закопать его. Он был христианин?

— Да.

— Тогда пусть по обрядам их веры поставят крест над его могильным курганом. Но что ты думаешь делать теперь?

— Я хочу непременно пробраться в Киев, к брату, к князьям киевским.

Старец отрицательно покачал головой.

— Не советую я тебе этого.

— Отчего?

— На Днепре неспокойно...

— Что же?

— Норманны и славяне, соединившись заодно, хотят идти в поход на Византию.

— Тогда я могу помочь им.

— Чем? Ты — женщина...

— Я столько лет прожила в Константинополе, знаю его прекрасно и могу дать указания, как найти там слабейшие места.

— Ты жаждешь мести?

— За отца!

— Это хорошо... Жизнь в Византии не изменила в тебе славянского духа, это я вижу...

— Отец, разве может что-либо в целом мире заставить славянина забыть, что в его жилах течет славянская кровь? Нет, нет, этого не может быть! Старик и все присутствующие одобрительно закивали головами. Им по сердцу пришлись такие пылкие речи молодой женщины, казавшейся в их глазах, после ее бегства из заповедного для них города, чуть ли не героиней.

— Ляг и отдохни, дочь моя! — вымолвил, наконец, старик. — По нашей славянской пословице утро всегда бывает мудренее вечера. Ты утомлена, и отдых тебе необходим. На утро мы решим, как должны будем поступить с тобой в этом случае.

Он знаком руки приказал всем выйти из

хижины вслед за собой.

С Зоей осталась одна только старуха, жена старого рыбака, все время почему-то жалобно всхлипывающая при каждом слове молодой женщины.

Уже совсем стемнело, наступила ночь, а рыбаки не расходились. Они толковали, судили и рядили, как быть с их неожиданной гостью.

— Отец, — вдруг отозвал в сторону старого рыбака один из сыновей.

— Что тебе, Прастень?

— Я хочу тебе сказать слово.

— Говори, я слушаю тебя...

— Зачем этой женщине ходить одной в Киев? На Днепре, ты сам это знаешь, очень беспокойно в последние дни.

— Но она идет к брату.

— Удержи ее всего несколько дней. До Киева недалеко, пошли меня или брата к Всеславу.

— И вы приведете его сюда?

— Да!

— Это умно, я так и поступлю. Но удастся ли нам задержать ее здесь?... — Убеди ее, что

это необходимо...

— Хорошо, а ты с рассветом отправляйся в путь, мы будем ждать тебя.

— Благодарю, отец, — воскликнул с пылом Прастень, — я не обману твоих ожиданий...

Зоя еще спала, когда первые лучи солнца позолотили восток. В это время молодой рыбак успел уже подняться на порядочное расстояние от своего поселка вверх по Днепру.

Когда она проснулась солнце уже высоко стояло на небе.

— Так поздно! — воскликнула Зоя и, быстро одевшись, поспешила выйти из хижины.

О! Теперь она впервые после стольких лет видела, наконец, родную землю, при солнечном свете. Как сладко забилося ее сердце... Вот, вот она — эта земля, на которой она впервые увидела свет... Вот величавый Днепр, вон вдали его нагорный берег... Как мало изменилось все это с того времени, когда Зоя-пленница, плачущая и скорбная, проходила мимо этих берегов... Все осталось по-прежнему, все было так, как будто и не существовало совсем долгого, долгого времени...

5. БРАТ И СЕСТРА

Зоя никак не могла понять, почему рыбаки не хотят отпустить ее. Прошло уже несколько дней с тех пор, как она очутилась в их поселке. Византийское судно давно уже ушло в обратный путь, труп Анастаса был закопан, как это обещал Зое старый рыбак, а она все еще оставалась гостьей.

На все свои вопросы она слышала в ответ только одно: "Погоди да погоди, куда тебе торопиться!"

Наконец Зоя поняла, почему ее задерживали в этом жалком поселке.

Как то раз перед вечером она вышла на берег Днепра. Крутом было тихо, рыбаки все были на ловле еще с рассвета, и возвращения их должно было ждать еще не скоро.

Зоя стояла почти у самой воды и смотрела в ту сторону, где, по ее расчетам, должен был быть Киев.

Вдруг из-за колена Днепра донесся до ее слуха сперва гул голосов, потом всплескивание весел. С той стороны как-будто ожидать было некого, но сердце Зои вдруг забилось

сильно, сильно...

Сперва показался парус, а затем молодая женщина могла уже разглядеть и большой струг с вооруженными людьми.

Почему-то ей кинулось в глаза, что двое стоявших на носу струга людей слишком пристально смотрят в ее сторону. Мало того, Зоя ясно видела, как один из них, молодой, в простой одежде, жестом руки указывал на нее.

Струг подходил все ближе и ближе. Зоя теперь уже могла совсем разглядеть его людей на нем.

С трудом она узнала в молодом простолюдине сына того старика, который приютил ее в первый день прибытия на родину.

Другого же она не знала.

А между тем этот другой и по своему внешнему виду, и, в особенности, по одежде, резко отличался от остальных; видно было, что это — начальник. Жесты его были повелительны, голос отрывист, взгляд суров.

— Вот она! Вот она! — кричал с переднего струга молодой рыбак.

Наконец струг пристал.

Его начальник вместе с рыбаком легко со-

скочил на землю и быстро направился к Зое.

Вот он уже около нее... Что-то знакомое, что-то родное мелькнуло Зое в чертах его лица.

— Кто ты, женщина? — отрывистым властным тоном спросил Зою незнакомый воин. — Правда ли, что ты — дочь полянского старейшины Улеба?

— Да, это — правда!

— Твое имя?

— Славянское?

— Ну, да! Какое же еще?...

— В Византии меня называли Зоей, а здесь на Днепре, где я родилась, мой отец Улеб, в честь матери моей, дал мне имя Любуши...

— Так ты — Любуша?... Сестра?... Да, я сейчас же узнал тебя... Сестра! — Всеслав!...

И, не будучи в силах совладеть с собою, Зоя (мы будем по-прежнему называть нашу героиню тем именем, под которым мы познакомились с нею еще в Византии) кинулась со слезами радости на грудь брату...

Суровое лицо Всеслава на миг озарилось тихой радостью при виде плачущей на его груди сестры.

— Боги, после многих испытаний, посылают, наконец, мне счастье, — прошептал он. — Я добился своего. Теперь я узнаю все о моих родных и жестоко отомщу за их гибель...

— Мы вместе отомстим! — воскликнула Зоя, услышав его.

— Я слышал, отец убит?

— Да, византийцами — за то, что не хотел отдать на позор твоей дочери.

— Дочери? — воскликнул Всеслав.

— Ее — и выдать Изока.

— Дочь и сын? Они там, в этом проклятом городе?

— Им не будет там худо...

— Все равно! Я силой возьму их оттуда... Горе теперь Византии!... Если не пойдут на нее князья наши, я подыму моих славян...

— Я пойду с тобой...

— Благодарю... Но войдем в эту хижину, а вы, — крикнул он, обращаясь к стругу, — готовьтесь на рассвете к обратному пути.

Вернувшиеся в это время рыбаки с низкими поклонами встретили княжьего наперсника.

Из струга были принесены разные яства и

пития. Часть их Всеслав отдал рыбакам в виде угощения; другую же он оставил для себя и велел подать в той хижине, где нашла себе приют его сестра.

Вплоть до рассвета они беседовали.

Зоя подробно рассказала брату о своей жизни в Византии — о том, как разлучили ее с отцом и матерью на рынке невольников, как она сумела заставить полюбить ее знатного и богатого византийца, который из рабыни сделал ее своей женой и наследницей, и, наконец, сообщила брату о своей случайной встрече с детьми Всеслава, где так удачно помог им Василий Македонянин.

— Ты — христианка? — спросил ее Всеслав, когда она кончила рассказ.

— Да.

— А дочь моя? Ты назвала ее Ириной...

— Она — тоже христианка...

— Что же, вы будете молиться снова славянским богам?

— Нет, мы останемся верными Христу...

— Ну, это — ваше дело; молиться кому угодно, только бы это не помешало мести...

6. ГОСТЬЯ АСКОЛЬДА

На другое утро, с рассветом, струг, по приказанию Всеслава, распустил паруса и тронулся вверх по Днепру, направляясь к Киеву.

Всеслав казался мрачным и встревоженным.

— Что с тобой? — спросила его Зоя. — Или ты не рад, что мы, наконец, нашли друг друга?...

— Нет, я рад, но мы, варяги, не умеем выражать своей радости шумом.

— Разве ты — варяг? Ты — славянин...

— Я стал варягом и, привыкнув к обычаям чужой страны, не желаю меняться в родной.

— Расскажи мне о себе...

Всеслав махнул рукой.

— Что рассказывать! А, впрочем, если ты хочешь...

Он сообщил Зое о своей жизни в суровой Скандинавии, о битвах под начальством Рюрика и, наконец, о возвращении на родной Днепр.

— И ты никогда не попытался узнать, что стало с твоим отцом, матерью, сестрой, доче-

рю в плену?...

— Этому многое мешало.

— Не вижу — что.

— Сперва я был в дружине простым воином, а потом уже успел добиться того, что князья стали считать меня своим другом.

— И ты не предпринял ничего?

— Как ничего! Я поднял норманнов и славян на Византию; давно уже собирается народ. Мы разгромим это проклятое гнездо... Меня беспокоит теперь только одно...

— Что, брат?

— Наши князья...

— Аскольд и Дир?

— Да, их так зовут... Очень они кротки и миролюбивы и совсем не похожи на норманнов. Ну, да если они не пойдут, я призову на Днепр Олафа с Ильменя, великий Рюрик отпустит его к нам, и тогда — гроза Византии...

Зоя с наслаждением слушала брата. Часы пути летели для нее незаметно. Вот промелькнули ревущие и кипящие днепровские пороги — близко и Киев. Вот, наконец, и он...

Зоя едва-едва узнала прежний маленький городок, каким она помнила Киев в своем

детстве. Теперь он разросся, расширился, принял совсем другой вид, чем это было раньше.

Струг подошел к богатой пристани, вблизи которой высились княжьи хоромы.

— Ты не устала? — спросил ее Всеслав.

— Нет, силы мои бодры и свежи.

— Тогда мы пройдем к князьям сейчас же.

Они знают и о моем горе и о моей радости — я рассказал им все...

— Пойдем, я готова!

Лишь только струг пристал, они поднялись на пристань. Зоя видела, с каким почетом встречают повсюду ее брата, и поняла, что это очень и очень высокое лицо в Киеве.

На нее же кругом смотрели с удивлением и любопытством.

— Кто она? Неужели это — сестра Всеслава! Такая молодая! — слышался кругом шепот любопытных.

Еще по дороге Всеслав узнал, что Дир был на охоте, и в Киеве оставался один только Аскольд.

Он вышел сам навстречу своему любимцу.

Зоя со свойственной женщинам наблюдательностью заметила его красивое, подерну-

тое легкой дымкой грусти, лицо, задумчивые, так и проникающие в душу, глаза, румяные щеки, и, когда она услышала его голос, сердце ее почему-то сильно-сильно забилося.

— Это — твоя сестра, Всеслав? — заговорил первым Аскольд. — Приветствую тебя от своего имени и от имени всех моих киевлян!

— Благодарю тебя, князь, на ласке твоей, — ответила Зоя. — Я счастлива за мой народ, во главе которого стоит такой глава, как ты.

Перед ярлом снова была византийская матрона, бесстрастная, несколько льстивая, умеющая преподнести лесть так, что она казалась правдой. Киевлянки были не такие. Их простота давно уже прискучила Аскольду.

Теперь он видел пред собой совсем другую женщину, каких еще не было в Киеве.

— А я счастлив тем, что вижу тебя и знаю, что увижу еще не раз, — в тон ей сказал Аскольд. — Надеюсь, что в моих палатах ты не будешь ни в чем нуждаться, об этом позаботится не только мой верный Всеслав, но и я сам, и дорогой друг и названный брат мой Дир.

Ему хотелось еще говорить. Разговор с

этой женщиной доставлял ему несказанное удовольствие, но он понимал, что после такой долгой дороги гостя утомлена и нуждается в отдыхе.

— Прежде чем ты уйдешь в свои горницы, скажи мне свое имя, — сказал, однако, он.

— Меня зовут Зоей.

— Любуша! — воскликнул молчавший до того времени Всеслав.

— Дорогой брат, я так привыкла к этому имени... Позволь мне и здесь остаться Зоей...

— Ты и останешься ею... Мы все будем звать тебя так, — промолвил Аскольд, не спуская очарованного взора с молодой женщины...

7. ЛЮБОВЬ

Словно сладкая греза, словно видение Ва-
слгаллы промелькнула пред Аскольдом эта
женщина. Князь сам не свой вернулся в свою
гридницу. Голос Зои все еще звучал в его
ушах, ее образ был пред его глазами. Он за-
слонил собой все, и из-за него Аскольд ничего
не видал вокруг себя...

«Кто она, откуда? Неужели это — славян-
ка? Неужели в Византии женщины все тако-
вы? Ах, если бы она только осталась здесь в
Киеве!» — такие думы волновали Аскольда,
когда он остался один в своей гриднице.

Теперь он с нетерпением ждал Всеслава.
Ведь от него он мог узнать что-нибудь новое
об его сестре. Ах, ведь он думал встретить та-
кую же, как и все в его Киеве, но эта Зоя... Ас-
кольд помнил женщин своей родины, пом-
нил рыжеволосых стройных британок, изящ-
ных женщин страны франков, но всем им бы-
ло далеко до этой женщины, которая с перво-
го же взгляда заставила так сильно забиться
его сердце... Бедное измучившееся его серд-
це...

Давно это сердце ждало такого светлого радостного видения, давно в пылу битв и в тиши опочивальни так и рисовалось оно в его мечтах, в его воображении. Сердце стремилось к нему, но мечты оставались мечтами, грезы грезами, и ни одна из тех женщин, которых Аскольд когда-нибудь видел в течение своей жизни, не подходила под созданный его воображением образ... Вдруг сердце мечтательного норманна болезненно сжалось под влиянием новой гнетущей мысли...

Свободна ли она? Нет ли для его любви какого-нибудь препятствия? Может быть, она уже любит кого-нибудь?...

Горе тому...

Он найдет соперника, хотя бы в морской глубине, хотя бы в самой Валгалле, хотя бы под защитой самого светлого Одина...

Он сотрет его с лица земли, уничтожит даже самую память о нем!...

Но кто же может стать ему таким соперником?

Может быть, он остался в Византии?

Тогда он сотрет с лица земли всю Византию, а вместе с нею и его.

Россы и его варяги достаточно храбры для этого.

А если он здесь?...

Здесь его теперь быть не может... Но это теперь, а кто знает будущее?...

Только кого бы могла избрать, кроме него, здесь, на берегах Днепра, в Киеве, властелином своего сердца эта красавица?

Варяги грубы, славяне полудики...

А если Дир, его названный брат?

Ужас объял Аскольда.

Да! Он сотрет с лица земли и Дира...

Эта мысль успокоила так неожиданно влюбившегося скандинава, и он снова погрузился в сладкие мечты, так погрузился, что не слышал даже, как вошел к нему Всеслав.

— Княже! — воскликнул тот.

Аскольд вздрогнул и быстро обернулся на этот зов.

— Это ты — Всеслав? Что она?

— Кто?

— Твоя сестра!

— Она прислала меня благодарить тебя за твою ласку к ней...

— Стало быть, ты устроил ее хорошо? Ты

не жалея, Всеслав, ничего для нее... Слышишь, чтобы все, что ни пожелает она, было у нее... Я так хочу. Всеслав с удивлением глядел на своего князя. Таким возбужденным он еще никогда не видал его и теперь не понимал даже, что такое вдруг могло приключиться с Аскольдом.

— Что с тобой, княже? — не скрывая своего удивления, спросил он его. — Что?

— Ты какой-то особенный! Таким я тебя никогда еще не видал... Здоров ли ты?...

— Да, да, здоров... Расскажи мне о ней, о твоей сестре. Кто у нее остался там в Византии?

— Да что же я тебе могу сказать? Это бы нам самим посмотреть надо!

— Самим?

— Конечно же! Струги готовы, рать славянская и варяжская собраны, запасов хватит — вот и пошли бы мы туда посмотреть...

— Ах, ты опять о том же! Да ведь это — дело решенное!...

— Решенное-то решенное, а по нашей славянской пословице — отклад нейдет на лад... Мы все собираемся, а в путь дорогу не двига-

емся...

— Тебе-то что?

— Как что? А знаешь ли ты, князь, что византийцы убили так, из-за ничего, моего отца... Они держат в позорном плену мою дочь и сына...

— Как, Изока?

— Сестра сообщила мне, что и сын мой, и дочь томятся в самых страшных подземельях проклятой Византии «для славян понятие „Византия“ было вполне тождественно Константинополю; столицу они и в то время, и после называли именем ее государства».

— Я ничего не понимаю...

— Ты верь моим словам только...

— Я глубоко сочувствую тебе, Всеслав. Ты знаешь, как я и Дир тебя любим!...

— Тогда помогите мне вызволить моих кровных! Помни князь, что вся дружина желает этого, только ты выступишь...

— Хорошо! Хорошо! Я поговорю обо всем этом с твоей сестрой.

Всеслав усмехнулся.

— Видно, женщина, князь, тебе ближе и дороже, чем испытанный верный слуга и

друг.

Аскольд весь вспыхнул, но все-таки поборол свой гнев и сдержался.

Ведь это был ее брат!...

8. ОПАСНОСТЬ

Аскольд переживал первую весну своей Любви.

Он был счастлив, чувствовал это, и все его страхи куда-то далеко-далеко ушли от него, а их место заняла лучезарная радость.

Дир не оправдал его подозрений.

Он, как и все другие в Киеве, преклонялся перед чудной красотой Зои, но сердце его молчало при виде этой красоты. Аскольд понял это чувством влюбленного ревнивца и успокоился. Дир ни в чем не изменил своего образа жизни. Он был ласков и предупредителен с Зоей, но ее общество вовсе не думал предпочитать пирам и охотам, и на первых, от которых теперь удалялся Аскольд, предпочитая им беседы с Зоей, он с большим, чем его названный брат, успехом занимал первое место.

Дружина же роптала.

Для всех — и норманнов, и славян — стало

очевидным, что их князь сохнет и сходит с ума по дочери старого Улеба.

— Когда же на Византию? Все готово! — горланил старый Руар.

— Из-за бабы все позабыл!

— Вот принесло ее на беду к нам!...

— И чего это Всеслав смотрит? Ведь всем известно, что его дети томятся у проклятых византийцев.

Всеслав и сам сперва думал, что дело очень неладно. Он начинал уже косо поглядывать на сестру.

«Я ожидал, что она поможет мне, — с тоской думал он, — а она -ничего... Эх, придется на Ильмень посылать, не по нас такие князья!» Однако ему скоро пришлось переменить свое мнение о Зое.

Она сама вывела его из заблуждения.

Молодая женщина уже давно замечала, что брат ее хмурится. Она смутно догадывалась о причинах этого, но пока не разубеждала брата. Дело в том, что и в любви Аскольд оказывался таким же нерешительным, как и в ратных делах.

Зоя видела, что князь влюблен в нее. От ее

женского внимания не могло это укрыться. Мало этого, она сама чувствовала, что Аскольд завоевывает все большее и большее место в ее сердце, и с нетерпением ждала объяснения со стороны влюбленного скандинава. Но этого объяснения все не было, Аскольд не решался на него, а какая же женщина, да еще славянская, решилась бы первая идти к мужчине и говорить ему о своей любви?

Наконец она почувствовала, что им нужно объясниться.

Но как?

Тогда ей пришло в голову воспользоваться недовольством брата.

— Что не весел, Всеслав? — спросила она его, улучив время, когда брат зашел к ней в опочивальню как он всегда делал в последнее время, перед отходом ко сну.

— Отчего же мне быть веселым? — угрюмо ответил тот.

— Скажи мне, что у тебя на душе?

— Точно ты сама не понимаешь! Эх, видно придется посылать на Ильмень! Там — действительные воины, а здесь, у нас, какие-то трусливые бабы...

— Ты говоришь про ваших князей?

— Про кого же больше? Про них!...

— Хорошо! Ты пошлешь на Ильмень, что же будет дальше?

— Что? Придет Рюрик, а не он сам, так придет к нам Олега; вот мы тогда и посмотрим, что тут будет...

— Да ведь это грозит смертью Аскольду и Диру.

— Туда им и дорога!... Зоя вздрогнула вся.

— Умоляю тебя, Всеслав, погоди делать это...

— Тебе-то что? — удивился брат.

— Как что? Хочешь, я тебе скажу? Я люблю Аскольда.

— Ну а я люблю своих детей и каждую минуту страдаю за них!...

— Ты помнишь, что я говорила тебе в первую после разлуки встречу?

— Что?

— Я пришла сюда ради мести за отца!

— А, между тем, из-за тебя Аскольд все откладывает и откладывает поход.

— Он не будет больше делать этого.

— Уж не ты ли его заставишь?

— Я!

Всеслав презрительно усмехнулся.

— Оставим это, — сурово вымолвил он, — скажу тебе только одно, что я, пожалуй, и не рад теперь твоему возвращению в Киев.

— Когда ты узнаешь все, ты будешь обрадован.

— Вряд ли!

— Поверь мне...

Брат и сестра некоторое время молчали.

— Только еще раз, молю тебя, Всеслав, погоди посылать на Ильмень!... Клянусь тебе, Аскольд поведет вас...

— Сказал он тебе, что ли?

— Скажет!

— Когда?

— Скоро, очень скоро...

Тон ее голоса был так уверен, что Всеслав вдруг почувствовал себя убежденным.

— Хорошо, сестра, я повременю немного, только очень немного, иначе, если не я, так другие пошлют за Рюриком. Все томятся этим бездействием, а тут вот получены вести, что к нам едут византийские купцы, да на этот раз не просто так, а с дарами от самого византий-

ского императора... Ох, уж эти дары!... Придут их князья, отложат поход — вот и полетит весть на Ильмень...

Зоя внимательно слушала слова брата.

«Медлить нечего! — с тоской думала Зоя. — Если я не заставлю Аскольда идти на Византию, ему придется плохо»...

9. ЧАРЫ ЛЮБВИ

Едва только наступил вечер, Зоя, укутанная с ног до головы, вышла из покоев.

Перед палатами князей, где она жила вместе со своим братом Всеславом, была обширная поляна, на которой Аскольд и Дир давали пиры киевским людям, а со всех других сторон раскинулся густой плодовый сад.

Конечно, норманны и жители Киева развели сад с самыми прозаическими целями — иметь всегда плоды и ягоды для княжьего стола, но Зоя решила воспользоваться им для своих целей.

Она знала, что окна покоев Аскольда выходят в этот сад, и что в этот вечер Аскольд, по своему обыкновению последнего времени, был дома.

Вечер был чудный, какие могут быть только на юге в начале осени. Полная луна с высоты небес заливала весь сад своим ярким светом. Кругом все было тихо. Киев давно уже спал. Плодовые деревья и гряды с ягодами струили свой аромат...

Молодая женщина осторожно обошла палаты князя и взглянула в сторону окон.

Окно в покое Аскольда было раскрыто настежь.

Зоя улыбнулась, потом тихо, тихо, как бы про себя запела:

*По дружке тоскует горлица,
По дружке, по ясном соколе;
Не летит в ее он гнездышко,
Позабыл свою подруженьку.
Истомилась грудь высокая,
Истерзалось сердце бедное
По желанном друге-соколе,
По его по ласкам искренним.*

При лунном свете она заметила, что у окна показалась статная фигура Аскольда.

Тогда Зоя выступила из тени и пошла мимо окон, делая вид, что не замечает князя.

Для тебя ли ненаглядного

*У окна, окна косящета,
Не одну глухую ноченьку
Я сидела, сна не знаючи.
Ты лети ж, лети, соколик мой,
Приходи же, мил желанный друг,
Успокой мое сердечушко,
Что из белой груди рвется вон.*

Так продолжала она петь.

— Зоя! — громко воскликнул Аскольд. — Ты ли это?

Молодая женщина остановилась и приняла испуганный вид. — Это ты, князь? Прости, прости меня! Я побеспокоила тебя, я прервала твой покой своей глупой песнью.

— Нет, нет, Зоя, это ничего, ничего, я еще не спал, — взволнованно говорил Аскольд, — но ты здесь, ночью...

— Да, вечер так хорош! Мне стало душно в моей горнице, и я вышла по привычке в сад. В Византии я всегда гуляла, там много садов... А здесь я осмелилась впервые... Все спят, вечер так хорош... В покоях так душно...

— Ты права, права, как всегда, Зоя, и мне душно... погоди, прошу тебя, погоди, и я хочу вместе с тобой подышать этим воздухом...

Прошу тебя, погоди!...

— О, князь! — воскликнула Зоя, но тут она заметила, что Аскольда уже не было у окна.

Она снова улыбнулась.

«Кажется, на этот раз мне будет удача!» — подумала она и, тихо тронувшись вперед, снова запела:

Где же, где же ты, желанный мой?

Жду тебя, и нет мне силушки Подждать тебя, нет моченьки!

Истоскуюсь, горемычная...

Где же, где же ты, желанный мой!

— Зоя, здесь я, здесь, я около тебя, — услышала молодая женщина за собой страстный шепот.

Она быстро обернулась.

Позади ее стоял Аскольд.

Он был сам не свой, глаза его искрились страстью, грудь высоко вздымалась.

— Это ты, князь?

— Я, я, любая моя! — страстно прошептал Аскольд, простирая к Зое свои объятия.

Но та отстранилась.

— Князь, что ты? Подумай, кто ты и кто я! — проговорила она.

— Кто я?... Я...

Не знаю, — почти что хрипел влюбленный до безумия Аскольд, — а ты...

Ты для меня все... Слышишь ли? Все! Ты все у меня взяла: и ум, и сердце... Ты звала меня, под моим окном...

Или, может быть, кого-нибудь другого? Горе ему!... Нет, ты пела для меня... Зоя, Зоя! Перестань меня мучить!...

— Чего ты хочешь от меня, князь?

— Чего? Разве ты не видишь — чего? Тебя хочу, любви твоей хочу, а ты...

Спрашиваешь... Полюби меня!...

— Женщины любят героев... — Героев, ты сказала? А я? — Я ничего не знаю о тебе, князь. Вот уже сколько времени я живу с вами, видела, как ты пируешь, видела, как ты охотишься, видела, что ты добр, но все это — не геройство...

— Чего ты хочешь?

— Женщины любят героев, — повторила снова свою фразу Зоя.

— Ты хочешь от меня геройских подвигов? Они известны.

— В прошлом?

— Да.

— А в настоящем?

Аскольд был сражен этим вопросом.

— Я слышала от вашего скальда Зигфрида песенку. Он поет:

С войною слава неразлучна, Нет в мире лучше дел войны.

— Ах, что мне Зигфрид! — перебил ее князь. — Скажи, что нужно сделать, чтобы ты полюбила меня? Хочешь, я завоюю для тебя весь мир?!

— Слишком много, князь, завоюю мне одну только Византию!

— И ты! Хорошо! Ты полюбишь меня?

— Героя — да!

— Я сделаю! Завтра же будут окончены все сборы, и мы уйдем!

— Я с тобой!

— Но помни, если и тогда ты не будешь моей, горе тебе!...

— Ты грозишь? — усмехнулась Зоя, — мне грозишь? Что ты мне сделаешь? — Убью!

— Я не боюсь смерти...

— Возьму тебя!

— Попробуй!

— Не истощай моего терпения... Помни, я здесь — все!

— Каждый волен над собой!

— Я волен здесь над всем.

— Но не надо мной!

— Посмотрим! — не помня себя от охватившего его порыва бешенства, закричал Аскольд.

Ослепленный страстью он кинулся к Зое, но та ловким движением выскользнула у него из-под руки и очутилась от него в нескольких шагах.

— Ты хотел взять меня силой? — чуть не закричала она. — Если так -смотри! Ты возьмешь мой труп, а не меня.

Аскольд в ужасе увидал, что она, озаренная лунным светом, стоит перед ним с высоко поднятым над своей грудью кинжалом.

— Еще один шаг, и я опущу это лезвие в свое сердце... Ты хочешь этого? — крикнула она ему.

— Зоя, Зоя! — повалился на траву Аскольд. — Остановись!... Я — раб твой, я у твоих ног... Молю тебя...

Прости меня!...

Он дополз на коленях до молодой женщины.

— Я все...

Все... Византию, мир...

Тебя... Один поцелуй, Зоя... Только один...

Зоя наклонилась над ним.

— На Византию? — тихо спросила она.

— На Византию, — пролепетал влюбленный князь.

— Клянешься своими богами?

— Клянусь...

Как бы в ответ на эту клятву и в подтверждение ее, в ночной тиши прозвучал поцелуй...

10. НА ВИЗАНТИЮ

Таким одушевленным, таким возбужденным давно с самого похода на хазар, никто не помнил Аскольда. Все, даже Дир, удивлялись ему и не узнавали его.

Лишь только забрезжило утро, Аскольд уже был на ногах. Дружинники его только еще просыпались, когда на поляне перед княжескими хоромами раздались призывные звуки рога.

Встревоженные, не понимая в чем дело, сходились скандинавы и вожди славян на эти звуки. Дир, только что вернувшийся с охоты, тоже поспешил явиться на крыльцо.

— Что случилось, Аскольд? — тревожно спросил он своего названного брата.

— погоди! Ты сейчас узнаешь.

Полянка быстро наполнялась народом.

— Что случилось? Зачем нас звали? Какое дело? — раздавалось со всех сторон.

Руар, Ингелот, Фарлаф, Всеслав поместились в первых рядах. Возбужденный вид князя дивил их. Они с нетерпением ждали, что он скажет.

— Товарищи и друзья! — громко заговорил Аскольд, когда вокруг него собрались все. — Не один уже раз вы говорили мне, что хотите идти на Византию; вы упрекали меня, что я не веду вас. Верьте мне, я хотел, чтобы отдохнули вы; но теперь вижу, что все вы достаточно готовы для похода: славяне обучились в полной мере ратному делу и будут сражаться с храбростью достойных сынов Одина. Норманны покажут им достойный пример. Я уверен теперь в удаче. На Византию, на Византию! Я и Дир поведем вас... Кто будет убит, того ждет светлая Валгалла, оставшиеся в живых возвратятся обремененные добычей... Итак, оканчивайте сборы, чем скорее, тем лучше! На Византию!

Словно рев морских волн перекатился по всей толпе.

— На Византию, на Византию! — ревели сотни голосов.

Восторг охватил всех. Теперь уже никто не сомневался, что поход будет начат...

Откуда-то явились щиты, и, по скандинавскому обычаю, названные братья подняты были на них, в знак того, что они всей дружи-

ной признаны верховными вождями.

Аскольд и Дир удалились после этого.

— Что с ним такое? — спрашивали у Все-слава.

— Не знаю... Чуть не накануне он был про-тив этого похода, — пожимал тот плечами...

И никто из них не догадывался, что все это сделал один поцелуй Зои... — Довольна ты мной? — спрашивал у молодой женщины Аскольд, пройдя прямо в ее горницу.

Зоя из окон видела все, происшедшее в это утро. Она понимала, что теперь для Аскольда уже возврата нет; поход решен окончательно.

— Ты — мой герой, — нежно улыбаясь, от-вечала она.

— Я делаю это для тебя...

— Благодарю... Мое имя, стало быть, после похода будет славно так же, как и твое.

— Ты сказала, что пойдешь со мной?

— Да, как верная жена я последую за то-бой, хоть в самую сечу. Я буду держать щит перед тобой и ободрять тебя поцелуем, когда ты падешь духом!... — Помни, мы соединимся на всю жизнь!

— Да, но только после похода...

— Один поцелуй, Зоя...

— Нет, мы успеем намилиться после...

— Ты жестока...

— Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был сла-
вен, вот и все...

— Но если поход будет неудачен?

— Все равно: я твоя...

Голова Аскольда кружилась, как на другое утро после пира. Он чувствовал, что эта женщина с каждым своим словом приобретает над ним неотразимую власть.

Он ушел в свои покои, потому что к Зое пришел брат.

— Что, брат, — спросила молодая женщина, — я была права?

— Я не узнаю его... Что с ним? Он совсем переменился...

— А я тебе скажу... Чего не могли сделать с ним вы, сильные мужчины, сделал один только поцелуй слабой женщины.

— Твой?

— Мой.

Всеслав плюнул.

— Бабник! — презрительно произнес он.

— Все равно, поход решен...

— Спасибо тебе и на этом!

В самом деле, в то же утро начались деятельные приготовления к морскому походу. На Днепре было устроено множество временных пристаней.

Около каждой из них нагружались припасами и оружием струги. Повсюду во все роды и племена были посланы уведомления с призывом к набегу. В Киев стекались огромные толпы людей. Приходили кроткие яснолицые поляне, являлись звероподобные древляне. Все несли с собой припасы и оружие и в надежде погулять и побуйствовать на просторе спешили в Киев...

Одушевление было полное...

Всем известно было, что много пленников и среди них внуки Улеба, любимейшего старейшины полянского, томятся в Византии, и поход на столицу ее славяне считали своим общим, всех сплачивающим, делом.

Как раз в это время получено было известие, что византийские купцы, миновав пороги, подходят к Киеву.

Князья не желали их пускать, но Зоя хотела знать, что происходит в Византии...

Купцы были допущены к князьям, и им даже было оказано гостеприимство в княжеских палатах.

11. ПРИБЫТИЕ ПОСЛОВ

О прибытии послов в Киев и в палатах князя, и среди народа шел великий толк.

— Чего это князьки-то очень с ними торгуются? — говорили простые людины Киева. — Сами на их государство набегом идут и сами же их за милую душу принимают.

— Негоже как будто это...

— Чего негоже? Разузнают они про их государство все, что надо, вот и ударят на них...

— Так от них и разузнаешь!

Прибывшие купцы, между тем, искренно дрожали за свою жизнь. Не будь на их судне византийских солдат, они давно бы уже свернули в сторону, но, увы, им сделать этого было нельзя. Среди них был серьезный человек — врач Фока. Всю дорогу, от Константинополя до устья Днепра, он пробыл в своей каюте. Что он там делал — купцам не было известно, но когда они пересели на струги и пошли уже по Днепру, этот самый Фока вдруг

обратился к ним с речью.

— Вы знаете, зачем вы посланы, — сказал он. — В самом деле, смерть для каждого человека так или иначе, а неизбежна. Это каждому предопределено судьбой при его рождении. Где умереть, в Византии или на берегах Днепра, — это все равно. И там, и тут — смерть... Я говорю и о себе также, только я думаю как философ и всегда готов к своему концу. Покоритесь и вы! Неизбежного не избежать. Отечеству, когда оно в опасности, послужить необходимо. Это — долг каждого. Итак, вы поднесете этим киевским князьям обильные дары, а между ними вот эти браслеты; постарайтесь, чтобы они примерили их. Браслеты разной величины, а эти варвары очень любят украшать свое тело... Пусть бы они надели их...

— Тогда что же? — воскликнул наиболее любопытный Ульпиан.

— Тогда мы спасены!

— А они?

— Они погибли...

— Но разве это возможно?

— Все возможно для науки! — настави-

тельно воскликнул врач.

— Это будет очень трудно сделать, — про-
бормотал один из купцов.

— Вы должны суметь сделать это! — то-
ном, не допускающим возражений, сказал Фо-
ка в ответ на это замечание.

После этого разговора купцы собрались на
отдельное совещание. Фока между ними не
присутствовал.

«Кака быть?» — беспокоил всех один толь-
ко вопрос о предстоящем страшном деле.

— Нужно исполнить, — отвечал за всех
Лаврентий Валлос, — слишком велика торгов-
ля Киева с Византией, чтобы допустить на-
бег...

— Но ведь очень трудно заставить этих
варваров немедленно надеть на себя брасле-
ты.

— Мы должны попытаться.

Так было решено.

Прибывшие купцы и понять не могли, че-
му они обязаны таким широким гостеприим-
ством в Киеве. Их приняли там как самых по-
четных гостей. Хотя все кругом, по их наблю-
дениям, готовились к набегу, но князя не по-

дали и виду. Они готовы были встретить пришельцев с прежней своей простотой и обходительностью.

Когда их легкие струги причалили к купеческим пристаням, то из княжеских палат сейчас же были посланы купцам обильные подарки.

Сами князья обещали навестить их.

Но незадолго до времени, назначенного для прибытия князей, на струги византийских купцов пришла женщина, закутанная с ног до головы. Даже лицо ее было сплошь закрыто. Она очень интересовалась тем, что происходит в Византии, и подробно расспрашивала прибывших о всех происшествиях последнего времени.

Купцы были очень удивлены, когда оказалось, что эта женщина знает все тайны не только обычной византийской жизни, но и двора.

Она спрашивала и о подруге порфирогенета Ингерине, и о Василии Македонянине, и о Склирене, и о Никифоре.

К сожалению, никто не мог удовлетворить ее любопытства. Валлос и его товарищи про-

были слишком мало времени в Константинополе и сама знали очень немногое.

Зато, когда их посетительница ушла, они были поражены словами своего невольного спутника — врача Фоки.

— Клянусь Эскулапом, — сказал тот, — мне знаком этот голос... К сожалению, я не видел ее лица, но голос, голос...

— Ты узнал его? — с испугом воскликнул Валлос.

— Не могу ручаться, но это — голос Зои — знаете, той, что из рабынь стала госпожою.

— Почему ты это думаешь?

— Я несколько раз лечил Зою... Голос тот же, рост тот же, держит себя эта женщина, как та! Если учесть, что Зоя вместе с Анастасом исчезла из Константинополя, то можно предположить с большой вероятностью ее появление здесь.

— Как она могла попасть сюда?

— Мало ли как!

Но в это время показалось шествие князей, направлявшихся из своих палат к ладьям купцов.

Разом все стихло.

Наступила решительная минута...

Участь Византии была в руках Фоки...

12. У «ГОСТЕЙ»

Аскольд и Дир, сопровождаемые своими ближними боярами, спустились к ладьям купцов и приветливо отвечали на их низкие поклоны.

Они не хотели и виду подать гостям, что готовятся к походу на их родину. Зоя убедила Аскольда принять чужестранцев как можно ласковее. По ее мнению, купцов во любом случае следовало задержать под тем или иным предлогом в Киеве, чтобы они не могли дать в Византию весть о предстоящих грозных событиях.

Князья во всем согласились с нею. Оба они невольно для самих себя подчинились ее власти, чувствуя превосходство ее ума над своим.

Аскольд теперь с таким же нетерпением ждал похода, с каким прежде откладывал его. Ведь по возвращении его ждало счастье, в мечтах о котором он проводил бессонные ночи...

Ни Лаврентий Валлос, ни Ульпиан, ни их

остальные товарищи, конечно, и не подозревали о пребывании Зои в Киеве. Сообщение врача Фоки до крайности смутило их. Ведь, присутствие матроны грозило полной неудачей их предприятию. Если бы она узнала Фоку, то, знакомая с обычаями константинопольского двора, сумела бы верно оценить его появление в стране, вожди которой уже окончательно приготовили нападение на его родину.

Но Фока во все время, пока Зоя была у купцов, старался держаться незаметно, да и сама посетительница мало обращала на него внимания.

Когда они увидели приближающихся князей, то сразу поняли, что ничего особенного не произошло, и их темные замыслы не были открыты: или Фока ошибался, или Зоя не видела, или не узнала его...

Приветливые улыбки князей окончательно их ободрили.

Лаврентий Валлос поспешил во главе своих товарищей выбежать навстречу князьям и издали еще подобострастно приветствовал их низкими поклонами.

— Привет вам, могучие правители великого северного народа! — говорил он. — Ваш приход — ни с чем не сравнимое счастье для нас, бедных мореходов; ради него мы готовы забыть все ужасы пройденного нами трудного пути среди бесконечных опасностей, туманов, мрака... Да и что нам туман и мрак, когда у нас теперь проглянуло из туч ясное солнце!

Все это он говорил таким убедительным тоном, как будто и в самом деле чувствовал, что говорит...

— Привет вам, привет вам, привет! Благословенны вы, озаряющие нас, бедняков, своим лучезарным светом!

— Примите и от нас, и от народа нашего также приветствие, — милостиво отвечали Аскольд и Дир. — Только вряд ли вы большую прибыль увезете от нас в этот ваш приезд.

— О, разве только прибыль нужна нам?... Мы счастливы уже тем, что видим лицо ваше и дышим воздухом вашей великой страны.

Обмениваясь такими приветствиями, князь спустился к самым ладьям и взошли на них. Здесь им поспешили подать золоченные троны. Аскольд и Дир сели на них, их дру-

жинники разместились около них полукругом. Валлос подал знак, чтобы несли подарки, но Аскольд остановил его.

— Погоди, гость, — сказал он, — прежде чем ты покажешь нам свои товары, мы будем вести речь о многих делах с тобой и твоими людьми...

— Как ты добр, светило полночных стран! — воскликнул Валлос, хотя его сердце дрогнуло от этого княжеского обращения.

"О чем он? — подумал купец. — Уж не открыты ли мы?"

Но он сейчас же ободрился.

Обращение князей было приветливо, взор был полон ласки. Вообще не было ничего такого, что могло бы предвещать собой грозу.

— Слушаю тебя, повелитель, — кланяясь, проговорил он, — слушаю и готовлюсь отвечать вам по силе моего крайне немудрого разума...

— Вы из Византии?

— Из града царя Константина...

— Что там говорят о нас?...

Валлос на минуту задумался.

— Позволь мне говорить правду, несравни-

мый, — вымолвил, наконец, он. — Говори, мы тебя слушаем!

— Вся Византия, от края до края, дрожит от ужаса. Туда уже пришла весть, что твои храбрые россы готовятся обнажить свой меч против нее. Трусливые сердца в смятении, даже мужественные потеряли голову и не знают, что делать. Одним словом, ужас царит в Византии, и ваша храбрость тому причиною... Горе моей родине! Разве нам, торговым людям, противостоят могучим барсам Днепра... Еще раз, горе, горе, моей родине!

Он закрыл лицо руками и сделал вид, что плачет.

— Мне жаль тебя, гость, — проговорил Аскольд, — но что же делать?! Ты сам должен понимать, что неизбежного не избежать. Мы идем на Византию и не оставим камня на камне!

— Горе, горе! — слышались на судне тревожные восклицания.

— Позволь, великий, последнею милостью твоей воспользоваться нам, бедным людям, — воскликнул Валлос.

— Позволяю!

— Все мы уже много раз пользовались твоим гостеприимством, много раз ели хлеб-соль за твоим столом, — но, увы! Мы погибнем и более уже не придется нам видеть твоего светлого лица и лица великого Дира.

— Что же вы хотите?

— Хотим мы, чтобы ты и твой Дир в память этого приняли от нас наши скромные дары. Пусть они служат вам воспоминанием о нас...

— Хорошо, мы готовы исполнить ваше желание и, верьте, со своей стороны мы также сумеем отблагодарить вас по-княжески.

Валлос сделал радостное лицо и подал знак, чтобы поднесли подарки.

Прямодушный норманн не предугадывал коварства...

13. ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ

Дары «бедных людей» были, однако, великолепны.

Чего тут только не было! Вся изобретательность пылкого и пышного Востока, казалось, устремилась на подносимые изделия. Тут были и чудные амулеты, и сверкавшие драгоценными камнями диадемы, и золотые цепи самой тонкой работы, и пурпуровые одежды...

Даже Аскольд и Дир, уже видевшие на своем веку великолепие, не могли скрыть своего восхищения. Об их дружинниках и говорить было нечего. Глаза тех так и сверкали жадностью при каждом новом подарке.

— Говорил я тебе, ярл, что мы должны идти на Византию, — склонился к уху Аскольда Руар, — там много таких драгоценностей, и все они стали бы давно уже нашими, если бы ты не откладывал своего похода...

— Да, да! — прошептал в ответ Аскольд, не спуская восхищенных глаз с подносимых драгоценностей. — Теперь я вижу, что вы были правы, требуя похода.

Купцы заметили, какое впечатление произвели их подарки, и старались еще более усилить его действие, обращая внимание на каждую подносимую ими вещь.

Но вот Валлос сделал знак, и на парчовых подушках ему поднесли два чудных запястья.

Они были из чистого литого золота, всеусеянные и снаружи, и по краям, и даже внутри самыми драгоценными камнями. Валлос, поднося эти запястья, повернул их на подушке так, что лучи солнца ударили в них и, отразившись в драгоценных камнях, так и заиграли на них, переливаясь всеми цветами радуги...

Крик восторга и изумления вырвался из груди всех на ладье. Впечатление было произведено чрезвычайно сильное.

— Позволь просить тебя и Дира, — вкрадчиво проговорил Валлос, — надеть эти запястья сейчас, дабы и мы могли полюбоваться их блеском. Аскольд и Дир взяли запястья. Дир уже раскрыл свое, готовясь украсить им свою руку, но в этот момент Аскольд остановил его.

— Погоди немного, друг, — сказал он, — прошу тебя, погоди немного!

Дир удивленно взглянул на него.

— Эти запястья — лучшее из всего, что мы видели до сих пор; ради них одним стоило бы разорить Византию... Но мы уже полюбовались ими, пусть же их увидит и Зоя...

— Ты хорошо придумал, брат! — воскликнул Дир. — В самом деле, пойдём и покажем Зое.

Гримаса недовольства перекосила лица купцов. Они услышали знакомое имя. Фока не ошибался. Какая же другая как не византийская Зоя могла быть здесь?... Потом князья отложили примерку обновки, и хотя купцам казалось, что они ни за что не расстанутся с ней, но все-таки им хотелось бы, чтобы Аскольд и Дир обновили запястье немедленно, на их глазах.

— Светило севера! — воскликнул Валлос. — Право, мне кажется, что вы должны показаться женщине во всем блеске, чтобы взор ее еще более был прельщен вами.

— Он прав! — воскликнул Дир.

— Нет, брат, прошу тебя, сделаем так, как я говорю, — твердо сказал Аскольд, поднимаясь с трона. — Благодарю вас, гости, за ваши да-

ры. Прошу вас сегодня же на мой честный пир, и там вы получите наши подарки, а пока прощайте!... Идем, товарищи и друзья!

Аскольд и вслед за ним Дир поднялись на сходни и, громко говоря между собой о великолелии полученных даров, стали подниматься в гору.

— Что? — с тревогой в голосе спросил вынырнувший из трюма Фока.

— Взяли.

— Примерили, надели?...

— Нет!

— Проклятье!... Если там Зоя...

— Она там... Они здесь называли ее по имени.

Фока схватился руками за волосы головы.

— Все погибло! Ей известен этот секрет...

Он в отчаянии опустил на палубу.

— Поднимай паруса! — в паническом ужасе закричал Валлос, сам хватаясь за снасти.

И он, и Ульпиан, и все на их ладьях буквально потеряли голову: одни спускали весла на воду, другие развертывали паруса, третьи уже кидались отталкиваться шестами от берега. Все были, как сумасшедшие...

— Стойте, стойте, что вы делаете? — закричал пришедший в себя первым Фока. — Ведь вы прежде времени губите самих себя... Что подумают здесь о вашем бегстве?

— Все равно, не подставлять же свои шеи палачам!...

— Может быть, все еще уладится... Может быть, там другая Зоя, не та, которую я знаю... Может быть, эти варвары уже недели мои запыстья.

— Все может быть, а вернее всего — смерть.

— Так или иначе, а все равно смерть, на то мы и шли...

— Спасенье возможно еще, мы на свободе!

— Поздно! Взгляните! — воскликнул Ульпиан и указал рукой на берег.

Оттуда мерными шагами спускались к воде княжеские дружинники. Тут были славяне и норманны; видно было, что они чем-то очень оживлены. Они не переставая говорили друг с другом. Оружие их бряцало, шишаки сверкали на солнечных лучах, а сами они шли, все ускоряя и ускоряя свой шаг.

— Поздно! — упавшим голосом проговорил

Валлос. — Они за нами!

— Тогда покажем этим варварам, как умирают византийцы! — воскликнул Фока. — Бегство невозможно, идем к ним сами навстречу... Но что это?

— Дорогие гости! — почти что кричал дружинник. — Князья наши так довольны подарками, что просят вас сейчас же идти в их палаты на честной пир...

14. ОТРАВЛЕННЫЕ ЗАПЯСТЬЯ

Восхищенные подарками, Аскольд и Дир, веселые и довольные, оставили купцов.

— Если простые купцы могли привезти нам такие дары, то как же велики богатства самой Византии?! — воскликнул пылкий Дир.

— И все они давно бы могли быть нашими! — с сожалением в голосе отвечал Руар.

— Несомненно нашими, — поддержал его Инголет, — но теперь уже наши князья не будут, по крайней мере, противиться походу. Они сами видят, что добыча будет большая.

Аскольд слышал все это, но ничего не отвечал. Он был занят одной новой мыслью, которая в этот момент сосредоточила на себе все

его внимание.

— Пройдем прямо к ней, Дир, — сказал он своему брату, едва только они переступили порог палат. — Мы покажем ей все эти великолепные вещи, и она будет рада им, потому что эти дары напомнят ей Византию и все, что столь недавно оставлено ею там.

Дир улыбнулся.

— Пойдем, покажем ей, — согласился он с братом.

Ему уже была известна сердечная тайна Аскольда. Он вполне сочувствовал ему и от души готов был сделать все, что пожелал бы тот. Аскольд, Дир и Всеслав, сами неся полученные подарки, вошли в покои Зои. Молодая женщина поспешила к ним навстречу с приветливой, ласковой улыбкой, при виде которой так и затрепетало пылкой радостью сердце влюбленного Аскольда.

— Прошу тебя, Зоя, взгляни на приношения гостей наших и сама выбери из них, что тебе понравится.

Он подвел Зою к столу, на котором уже были разложены подарки. Запястий между ними не было.

Зоя в восхищении смотрела на них. Еще бы! Ведь все эти драгоценности живо напомнили ей все годы, проведенные ею на берегу Пропонтиды, напомнили ту роскошь, к которой она так привыкла. При одном виде их она вспомнила свой дворец, с его атриумом, с великолепным убранством, вспомнила друзей, и слезы заволокли ей глаза.

— Пошли, Аскольд, за всеми этими купцами, я хочу их видеть, хочу говорить с ними... Прошу тебя, не медли, пусть их просят великой честью. Аскольд сделал знак Всеславу, и тот поспешно вышел из покоя.

Получив доказательства неотразимого влияния сестры на старшего князя, Всеслав теперь со своей стороны старался исполнить все ее даже малейшие желания...

— Что же ты облюбовала, несравненная? — склонился к Зое Аскольд.

— Здесь все хорошо...

Все...

Но выбери ты мне сам. Что понравится тебе, то будет по сердцу и мне...

— О, раз ты хочешь так, — воскликнул Аскольд, — тогда прошу тебя зажмурить глаза и

дать мне твою руку.

Дир понял желание своего названного брата.

— А другую мне! — воскликнул он.

Аскольд взглядом поблагодарил его.

— Закрой же, Зоя, глаза! — еще раз сказал он.

Молодая женщина покорно повиновалась ему. Глаза ее зажмурились, руки были протянуты братьям.

Этим моментом воспользовался Аскольд. Почти в одно и тоже время, как и Дир, он украсил запястьем руку молодой женщины и закрыл замок.

Зоя вскрикнула при этом и широко в недоумении открыла глаза.

— Аскольд, что это? Что ты сделал со мной? Отчего мне больно? -тревожно произнесла она.

Взгляд ее упал на украшенные запястьями руки. Крик ужаса вырвался из ее груди, она вся побледнела, затряслась и, не помня себя от страха, стала срывать с руки эти драгоценности.

— Зоя, Зоя, что с тобой, что? — восклицал

перепуганный ее жалким видом Аскольд.

— Это — запястья византийских купцов... — задыхаясь от ужаса, лепетала Зоя. — Скорее отруби мне руки выше локтя...

Иначе я умру... Бери же меч... Дир, руки мне отруби! Скорей, скорей... Поздно...

Нет еще...

— Что, что с тобой, Зоя? — в страшном невыразимом испуге восклицали оба витязя.

— Запястья эти отравленные!... Недаром я видела врача Фоку... Они предназначались для вас... Отрубите мне руки! Яд вошел уже в мою кровь... Я знаю эти запястья! Отчего вы не показали мне их, я бы предостерегла вас... Душно...

Смерть... Один укол смертелен, я получила два укола... Это — дары Византии... Они предназначались вам...

— Люди, эй, люди! — не помня себя, заревел Аскольд, бросаясь к дверям покоя. — Скорее сюда, скорее на помощь, к нам, здесь умирают!...

На его зов вбежал Всеслав.

— Что с вами, князь? — воскликнул он, не заметив уже упавшей на пол Зои.

— Она...

Она умирает! — ревел иступленный Аскольд.

— Проклятые византийцы отравили ее... — чуть ли не рыдал Дир.

— Брат, — раздался слабый, чуть слышимый, голос Зои, — я умираю... Отравка предназначалась не мне, а им... Византия хотела лишить россов их вождей...

Всеслав так и замер в ужасе.

Аскольд, увидавший в соседнем покое купцов, кинулся к ним. Ему под руку попался Валлос. Норманн схватил его своими железными руками и подтащил к трепетавшей еще Зое.

— Что ты наделал? — ревел он.

— Я не виноват, я ничего не знаю! — кричал несчастный купец. — Там есть врач Фока... Может быть, он и спасет ее...

Луч надежды на минуту блеснул для иступленного витязя.

15. ДВЕ СМЕРТИ

Он кивнул головой, и Всеслав тотчас же кинулся за Фокой.

Зою, между тем, подняли и положили на ложе. Она была мертвенно бледна, но время от времени на ее щеках проступали ярко-багровые пятна.

— Зоя, слышишь ли ты меня? — кричал над ней Аскольд. — Сейчас придет сюда тот, который отравил тебя... Я заставлю его спасти тебя... Ты будешь жить...

— Нет, милый, не утешай себя напрасной надеждой, смерть уже близка ко мне... — пролепетала молодая женщина.

— Вот он, — раздался около них голос Всеслава.

Аскольд отпрянул от ложа умирающей, Зоя приподнялась на локтях.

Перед ними стоял врач Фока, холодный, бесстрастный, готовый ко всему. Умирающая узнала его с первого же взгляда.

— Фока, ведь это — ты? — спросила она, поднимая с трудом на него свои глаза.

— Я, госпожа! — бесстрастно ответил

тот. — Ты узнал меня?

— Да! Ты — матрона Зоя...

— Можно меня спасти?

Фока пожал плечами.

— Если Бог захочет совершить чудо, для Него все возможно!...

— А ты?

— Я — нет... Ты сама знаешь...

— Да, знаю! Скажи еще: ведь не мне, а им, киевским князьям, предназначались эти запястья?...

— Да... Я действовал по приказу Вардаса. Ты сама знаешь, что я не мог послушаться...

— Я умру не скоро?

— Ангел смерти уже около тебя...

Аскольд заревел, как раненый зверь.

— Горе вам! Горе тебе, Византия!... — кричал он. — И я, я, любивший ее более всего на свете, убил ее сам...

— Милый, подойди ко мне, — раздался лепет Зои, — наклонись. Я счастлива, что умираю за тебя... Если бы не я, ты погиб бы... Так суждено... Прости!... Я любила тебя с первого взгляда... Я умираю... Отомсти за мою смерть!...

Она уже захлебывалась; голос ее превратился в почти непонятное хрипенье.

— Отомсти не им... Они не виноваты... — хрипела Зоя. — Отомсти Византии за все ее коварство... Да? Клянись!

— Клянусь! — загремел Аскольд. — Я камня на камне не оставлю в этом проклятом гнезде!... Вы слышите мою клятву?

— Благодарю... Милый, любимый... Наклонись, поцелуй во второй и последний раз... Так... Прощай!...

Началась агония.

К счастью, Зоя мучилась недолго... Яд врача Фоки действовал верно и скоро...

Она умерла...

Совсем другим отошел от ее холодеющего труп Аскольд.

Глаза его горели лихорадочным блеском. Лицо осунулось, губы были сухи, в волосах показались седины.

Он был страшен. Даже привычные ко всему варяги попятнулись перед ним...

Страшным распаленным взглядом посмотрел он на бесстрашно стоявшего перед ним Фоку.

Стон дикого зверя вырвался из груди князя.

— Разорвать его между деревьями немедленно! — крикнул он.

Ни один мускул не дрогнул на лице византийского врача.

К нему бросились славяне и потащили было из горницы.

Из соседнего покоя раздались надрывающие душу крики купцов, понимавших, что теперь уже для них все кончено.

— А с теми что прикажешь делать, княже? — дрожащим от бешенства голосом спросил Всеслав.

— Разметать конями по полю!... Ее похоронить.

— Она была христианка, княже! — раздался спокойный голос Фоки.

— И вы, христиане, убили ее? — крикнул ему Дир.

— Так было суждено... Молю вас, похороните ее по христианскому обряду!

— Берите же его! — закричал вне себя от бешенства Аскольд. — И сейчас же...

Фоку утащили из покоев.

Озлобление против него было страшное. Предательство казалось славянам таким преступлением, за которое не может быть пощады. Весть о всем случившемся в княжьих палатах уже успела обойти весь Киев. Толпа народа бежала отовсюду к молодому леску, где уже собрались славянские дружины князей. Фока, по прежнему спокойный и бесстрашный, приведен был туда же. Он столько раз видел смерть, сам, по приказанию других, совершал преступления, что всегда готов был к своему смертному часу. Но он не знал, что его ждет. Он плохо понимал славянское наречие, и смысл слов Аскольда был ему почти недоступен.

Оттого-то он и был так спокоен!

Он даже не понимал, что готовится для него. С любопытством смотрел он, как веревками, привязанными к вершинам, пригнуты были к земле два стоявших близко друг от друга молодых деревца. Потом его повалили на землю... Фока чувствовал, что его ноги привязывают к нагнутым вершинам деревьев. Раздалось какое-то восклицание. Державшие веревки разом отпустили их... Дере-

вья быстро распрямились. Послышался ужасный рев, на толпу брызнуло откуда-то сверху что-то липкое...

Теплое... Но это было одно мгновение. Когда все взглянули кверху, то окровавленная масса, растянутая в две противоположные стороны, качалась между вершинами деревьев. С нее лилась кровь, сыпались какие-то куски.

Это было тело разодранного пополам между деревьями византийского врача Фоки.

Издали слышались вопли разметываемых по полю несчастных купцов...

16. ПОСЛЕДНИЙ ПИР

Прах несчастной Зои был предан земле по христианскому обряду. На этом настоял Всеслав. Зоя еще при жизни взяла с него клятву, что если она умрет в Киеве, то он похоронит ее по обрядам, предписываемым христианством. Славяне того времени, как северного, так и южного союза, хотя и были язычниками, но ко всем другим религиям относились довольно хладнокровно. Сами они в масе своей не меняли веры в Перуна, в Даждьбога, веселого Леля, но, если кто-либо из них

уходил в христианство, он не наживал себе этим беспощадных врагов между своими. Он мог оставаться в родимых местах, и никто бы не подумал причинить ему там зло за перемену веры отцов. Фанатиками веры славяне никогда не были.

К тому же, в это время в славянских землях начинало мало-помалу распространяться христианство, проникая, главным образом, с побережий Черного моря, где были цветущие греческие колонии.

Таким образом, первые зачатки христианства были получены нашими предками именно от православной Византии, свято хранившей предания апостольские, а не от отложившегося от нее католического Рима, не обращавшего в то время никакого внимания на богатую и густонаселенную страну.

Будущее показало, что исполнилось пророчество Первозванного апостола: свет христианства, истинный свет, такой, какой был завещан миру его Божественным Искупителем, засиял в землях славянских...

О других посещенных им странах Первозванный апостол ничего подобного не гово-

рил.

В Киеве во времена Аскольда и Дира были уже христиане. Поэтому неудивительно, что на просьбу Всеслава предать тело несчастной Зои по обрядам ее веры, убитый горем Аскольд приказал позвать к трупам христианского «жреца».

Зоя была похоронена как христианка.

Лишь только могильный курган возвысился над ее прахом, звуки рогов возвестили, что князь желает говорить со своей дружиной и киевским народом.

Народ собрался и не узнал своего любимого князя.

Так постарел, осунулся и сгорбился за это время красавец Аскольд.

— Народ киевский и храбрая дружина моя. Уходим мы в поход дальний и опасный. Знаю и теперь уже я, что не вернутся многие. Но пусть не плачут о них матери и жены. Смерть храбреца — счастье. Пусть утешаются и дети. Они будут сиротами, но, если приведет мне судьба вернуться в Киев, всех их приму я к себе; если я не вернусь, то это сделает брат мой Дир, а не вернемся мы оба, то должен при-

нять к себе сирот тот, кто заменит нас собой.

— Зачем говоришь так, батюшка-князь? — раздались кругом восклицания. — Как это можно, чтобы ты не вернулся?!

— Зачем сердце наше понапрасну смущаешь такими речами?...

— Не ходи тогда уж лучше, оставайся с нами в Киеве!

— Нет, все готово для похода, и мы пойдем! Горе тебе, Византия! -вдруг раздражился Аскольд. — Никакая земная сила не спасет тебя от этой грозы... Только ты, киевский народ, поклянись нам, что останешься нам верен во веки веков!

— Клянемся! Вовеки веков, пока Киев стоит, будем тебе верными! -кричал народ.

— Как мы забыть тебя можем, благодетеля нашего? Ведь ты от хазар нас избавил!

— Только оставь нам за себя кого-нибудь.

— Для этого я и созвал вас. За меня, пока мы будем в походе, пусть здесь останется Всеслав! Он будет править вами нашим именем, он будет творить над вами суд и милость.

— Князь, князь! Я не останусь здесь, я иду с тобой! — раздался голос Всеслава.

— Молчать! — вдруг, засверкав глазами, загремел на своего любимца Аскольд. — Я — князь, я приказываю, и ты послушаться моей воли не посмеешь!...

Впервые видел таким князя Всеслав. Он невольно смутился и только мог пробормотать в свое оправдание:

— У меня дети там...

— Я приведу их тебе... Изока я знаю, а где он — там и сестра... Если им суждено остаться в живых, они будут возвращены тебе, — несколько смягчился Аскольд. — Ты нужен народу. Кто сумеет лучше тебя управиться с ним, оказать ему правду? Ты знаешь народ, знаешь и мои мысли, твое место здесь...

— Я повинуюсь твоей воле, князь... Пусть будет так, как ты желаешь, — опуская низко голову, отвечал на эти слова Всеслав.

— Благодарю, я этого ожидал от тебя... А теперь, народ киевский, иди к моим хоромам и пируй в последний раз. Разве знает разве кто-либо из вас, будет ли он пировать еще за моим столом или нет?

Громкими приветствиями отвечали на это киевляне. Разом хлынула вся толпа к приго-

товленным в обилии яствам и питьям. Начался в палатах шумный пир, но первое место за ним занимал один только Дир. Аскольда не было. Один с своей тоской, с своим горем, заперся князь в своей горнице. Не до шумного пира ему было, не то у него лежало на сердце. Мерещился ему милый образ. Казалось ему, что его Зоя, как бы окутанная какой-то дымкой тумана, стоит перед ним, протягивая к нему свои руки, и в ушах его так и звенел ее молящий голос:

"Милый, отомсти за меня!..."

17. ПОХОД

Рано— рано утром на другой день, когда головы многих были еще тяжелы после веселого пира, рога князей созвали всех воинов на берега Днепра, к стругам и ладьям.

Аскольд лихорадочно торопился идти в поход. Он надеялся в пылу сечи размыкать свою гнетущую тоску, забыть Зою...

Дир тоже был рад начинаемому набегу. Он в душе был храбрый воин и скучал бездействием так же, как и другие норманны; только он не хотел обижать своего названного

брата, приступая к нему с настоятельными требованиями набега.

А теперь вот и сам Аскольд ведет своих варяго-россов в бой.

Все на стругах давно уже было приготовлено к отплытию. Снесены были припасы, каждый из отправлявшихся знал, к какому стругу он принадлежит, знал в лицо своего начальника и готов был пойти за ним и в огонь, и в воду.

Большинство отправлявшихся была молодежь, веселая, беспечная, жизнь для которой была еще малоценна. У всех чувствовался избыток сил, и всем предстоявшие битвы казались веселее пиров...

Собралось же всех до 10.000 человек.

До чего беспечна была эта толпа, можно было судить по тому, что вся она пускалась по бурному и грозному Черному морю в таких утлых суденышках, как струги, в которых и по рекам-то, особенно в ветер, ходить было небезопасно.

Над каждым стругом начальствовал или норманн, или один из привыкших уже к ратному делу дружинников славянских.

В первом струге шли во главе своего войска сами князья с отборной дружиной.

Вот после молитвы Перуну спустился Аскольд по крутому берегу к своему стругу. Дир был с ним. Следом за князьями шли Руар, Ингелот, Родерик, знаменитые скандинавские воины и, наконец, в толпе их скальд Зигфрид.

Все были воодушевлены, глаза всех светились нескрываемой радостью. Норманны шли на любимое дело, по которому они давно уже скучали.

Перед тем как вступить на струг Аскольд крепко-крепко обнял Всеслава. — Береги Киев! — сказал он.

— Буду, а ты, князь, не забудь о моих детях!

— Будь уверен. Если они живы, я привезу их в твои объятия.

— И отомсти за сестру...

Глаза Аскольда зловеще загорелись.

— Я иду, чтобы исполнить мою клятву, — глухо ответил он.

— Не измени ей!

— Не бойся этого! Прощай!...

После Аскольда обняли Всеслава Дир и знатнейшие скандинавы.

Берега Днепра огласились восторженными криками уходивших, плачем и воплем женщин.

Но вот на княжеском струге затрубили в рога, взвился парус, и струг медленно отошел от берега Днепра и вышел на середину реки.

Следом за ним другой, третий, четвертый...

Стругов было так много, что княжеский давно уже скрылся из глаз, а средний только что отчаливал от берега.

Почти что на закате ушел последний струг, и оживление на Днепре разом сменилось мертвой тишиной.

За день было пережито так много впечатлений, что теперь каждый спешил на покой, забыться сном после тревожных дней.

Аскольд мрачный и угрюмый сидел на корме своего струга. Он был совершенно безучастен ко всему происходившему вокруг него. Как сквозь сон, он услышал, что запел скальд Зигфрид.

*В поход пошли сыны Одина,
Чертоги светлые их ждут,
Среди сечи павшего, как сына,
Встречает божеский приют.*

*Смелей, смелей!
Отваги полный
Ведет нас в сечу славный вождь;
Не страшны нам морские волны,
Мы на врага падем, как дождь...
Щиты отбросим мы далеко,
Возьмем секиры и вперед!...
Там, в небесах, хотя высоко,
Валгалла светлая нас ждет.
Не вспомним мы на миг единый
О жалкой смерти на земле,
Умрем мы все, сыны Одина,
С печатью счастья на челе!...*

Громкие крики восторга с ближайших стругов были ответом на эту песнь всеми любимого скальда.

Всем было весело, у всех было легко и от-
радно на душе. Только один Аскольд был
угрюм и мрачен.

Путь быстро летел.

Пороги по приказанию Аскольда прошли
волоком. Он хотел сохранить людей и свои
легкие суда на будущее и счел за лучшее по-
терять несколько больше времени на волок,
чем рисковать своей дружиной.

Вот и устье Днепра...

За ним раскинулась необозримая гладь морская...

Но скоро и она оживилась. Все Черное море у правого своего берега так и белело парусами стругов...

Гроза надвигалась на Византию.

18. ПАТРИАРШЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Весть о неудаче, постигшей Фоку и купцов, уже была принесена в Византию...

Теперь Василий Македонянин узнал, куда скрылась Зоя. Однако он все еще не понимал истинных причин ее бегства. Изок и Ирина, жившие у него, сами ничего не знали. Они могли сказать только одно, что в темницу приходила какая-то богато одетая женщина, которая увела от них их добрую покровительницу и заключенного вместе с нею патриция.

Ни Изок, ни Ирина не успели узнать еще о том родстве, которое связывало их с Зоей. Они считали ее просто доброй женщиной, охранявшей встреченных ею сирот исключительно из чувства сострадания. Василий же, прочтя оставленные Зоей таблицы, понял, что у беглянки были особые основания про-

сить его заботиться о детях.

Брат и сестра жили в его покоях, ни в чем не нуждаясь. Теперь высокое покровительство такого важного лица, каким стал Василий, вполне охраняло Изока от всяких посягательств на него Склирены, Ирине же после казни Никифора бояться было нечего.

Но вот по всей Византии разнесся слух, что «варяги» — так называли их здесь ввиду одноплеменности их с наемной гвардией императора — уже в Черном море, уже близко от Константинополя.

Ужас напал и на царедворцев, и на чернь.

Вардас, Василий Македонянин и Фотий почти что не расходились в это время, проводя его в постоянных совещаниях.

В них одних сохранились остатки энергии, они одни думали за всех и старались защитить Константинополь.

Но, увы, возможности для этого почти что не представлялось. В Константинополе не было войск, способных бороться с грозным врагом — все они были на границе Персии. В Константинополе не было даже порядочного оружия, он был беззащитным...

Что делать?

— Грозные времена наступают, — говорил Вардас, — хоть бы умереть теперь, чтобы не видеть, как варвары станут неистовствовать в граде царя Константина.

— Ты малодушен, Вардас, — попробовал возразить Василий, — может быть, мы еще успеем получить нужную помощь.

— Откуда? Не с неба ли ее ждать? — ядовито отозвался Вардас.

— Отчего же и не с неба? — удивленно спросил присутствовавший при этом разговоре Фотий.

— Дождешься! — сказал Вардас.

— И ты, христианин, говоришь так! — в ужасе воскликнул Македонянин.

Вардас спохватился.

— Прости меня, я не то хотел сказать, Василий, — совсем другим тоном заговорил он. — Я хотел сказать, что в Константинополе мало, по всей вероятности, угодных небесам.

— Тогда следует преклониться со смирением пред этой карой...

Голос Василия был так суров, что Фотий счел нужным по возможности загладить это

невыгодное впечатление.

— Нет! — придав своему голосу интонацию восторженности, воскликнул он вдохновенно, простирая руки к небу. — Нет, Василий, слушай меня внимательно! Не погибнем мы, это говорю я — смиренный служитель алтаря. Не погибнем! Пусть никакие силы земные не могут спасти нас от варваров, за нас силы небесные, над нами покров Пресвятой Богородицы!...

Это пророчество было произнесено так искренно, что возмущившееся было религиозное чувство Македонянина успокоилось.

— Верь мне, верьте мне все, — продолжал Фотий, заметивший, какое впечатление произвели на слушателей его слова, — что минует эта гроза, не тронув Константинограда... Ни один волос не упадет с головы последнего из его жителей, и только славе небес послужит это нападение варваров!...

Он замолк.

В это время в комнату Вардаса вошли еще несколько приближенных больного правителя, и они все слышали, что сказал патриарх.

Лица слушателей выражали благоговеющей

ный восторг.

Фотий видел это и торжествовал.

— Подите, все слышавшие, и возвестите слова мои народу, а я сейчас уйду в свою келью и буду молиться Всеблагому за царственный город, за его обитателей и за всю Византию. Может быть, голос смиренного раба Господня достигнет Горнего Престола.

Благословив всех присутствующих, Фотий поспешил уйти.

В тот же день об его словах, казавшихся смятенному народу пророческими, заговорил весь Константинополь. Стоустая молва передавала их от одного к другому. На форуме только и речи было, что о пророчестве патриарха. Все как-то воодушевились. Жителям Константинополя, потерявшим всякую надежду на помощь земную, стало казаться, что, в самом деле, силы небесные защитят их от надвигающейся грозы...

Одушевление росло, вместе же с ним и уверенность в благополучном исходе грозившей беды.

А когда наступила ночь, весь Константинополь ясно видел из своих стогонов мрачное за-

рево множества пожаров...

То дружина Аскольда и Дира выжигала деревни, городки и монастыри на берегу Черного моря...

19. ОГНЕМ И МЕЧОМ

Варяги, действительно, были очень и очень близко.

Счастье в этом походе было исключительно на их стороне. Нигде и никто не оказал им даже самого ничтожного сопротивления. Панический ужас охватил всех прибрежных жителей. Грозные завоеватели не останавливались ни перед чем... Они все на своем пути предавали огню и мечу. Это был, действительно, набег скандинавских викингов со всеми ужасами, которые были только возможны в тогдашние ужасные времена. Стерты с лица земли были все прибрежные селенья — в глубь страны, по приказанию Аскольда, его воины не решались проникать. Зато все острова на их пути были разорены и опустошены.

Все монастыри и селения чудных по собранным богатствам густонаселенных пло-

родных островов Плати, Иатра, Теревинера были уничтожены. От них остались одни груды развалин. Какая-то непонятная жажда разрушения и убийств овладела подступившими к Византии воинами. Их струги уже были обременены богатой добычей, но это была только ничтожная часть того, что погибло в огне разрушения. Но нападавшие не удовлетворялись ничем, они шли на Константинополь, они его — эту столицу возрожденного древнего мира, как некогда вандалы Рим, жаждали превратить в груды развалин...

На Теревинере, одном из богатейших прибрежных островов Черного моря, жил в изгнании предшественник Фотия, патриарх Игнатий. Когда Вардас возвел на патриарший престол своего племянника, бывший патриарх был заточен в монастырь. При нападении варягов Игнатий только чудом спас свою жизнь при всеобщем разгроме.

Казалось, сама природа покровительствовала надвигавшимся на Византию страшным врагам. Плавание по Черному морю было очень удачным для их флотилии. Несмотря на то, что была осень и приближался период

бурь, флотилия россов не потеряла ни одного струга. Двести слишком этих легких судов вышли из Киева, столько же их подходило и к Константинополю.

А там от ужаса теряли голову.

Ни войск, ни флота не было и в помине, порфиrogenет, оставив Константинополь, как это было известно народу, по-прежнему проводил время в пирах да удовольствиях, забывая даже, что его престолу грозит смертельная опасность вместе с его столицей...

— Что же будет? — кричали на форуме. — Неужели нас так и отдадут в жертву этим проклятым варварам?...

— Разве для них веками собирались здесь несметные богатства?

— Для того, что ли у нас есть император, чтобы он пьянствовал со своими куртизанками, когда отечеству грозит опасность?...

Возмущение росло и росло. Озлобление охватывало всех. Только имя одного Василия Македонянина вспоминалось без злобы. Он один являлся угодным толпе. Да и в самом деле Василий в эти тяжелые дни жил вместе с народом. Его видели и на форуме, где он сво-

ими убедительными речами подымал упавший дух константинопольцев, его видели в храмах молящимся за спасение города, видели с патриархом — словом, народ, особенно такой впечатлительный как южане, все более и более привыкал к мысли, что с таким правителем, как этот Македонянин, никакие грозы не были страшны для города царя Константина.

Василий и в самом деле распоряжался и как гражданский правитель, и как военачальник. Большой Вардас чувствовал, что этот человек приобретает все большее и большее влияние, но не смущался этим, а был даже рад возвышению Василия.

Именем императора он отдал приказ о том, чтобы повсюду повиновались Василию, как самому порфирогенету, и это приказание принято было с большим удовольствием.

На одного только Василия возлагались всеобщие надежды...

И он всеми силами старался оправдать их.

По его приказанию, вход в Босфор был затянут цепями, и таким образом прегражден был непосредственный доступ к Константи-

нополю с моря.

Эта цепь уже дважды спасала столицу Византии от подобной же грозы. В 707 году к Константинополю подступали арабы, но их флотилия не могла проникнуть за цепь. Затем в 822 году к Константинополю подступал мятежник Фома, и цепь так же преградила доступ в Золотой Рог его судам.

Но тогда в Константинополе были войска, теперь же — одни беззащитные жители.

Оставалось и в самом деле возложить всю надежду на милость Божию...

20. ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Слухи о приближении варягов достигли и до Изока с Ириной.

Впрочем, от них никто и не думал скрывать приближающейся грозы. Да и как можно было скрывать ее, когда каждую ночь из Константинополя видны были зарева пожаров, освещавших путь диких завоевателей...

Изок, когда узнал об этом, обрадовался и захопал в ладоши, как дитя. — Они пришли, они освободят нас с тобой, сестра! — воскликнул он, не будучи в силах скрыть своего вос-

торга.

— И погибнет тот, кто все это время был так добр к нам! — серьезно отвечала Ирина.

— Ты говоришь о Василии... Его мне действительно жаль... Но я верю -там наш отец...

— Ах, как бы мне хотелось его видеть, Изок!

— Тогда знаешь что...

Юноша остановился, не договорив того, что хотел сказать.

— Что, Изок? — подняла на него свои голубые глаза Ирина.

— Пойдем к ним!

— Как?... Разве нам может это удалиться?...

— Отчего же нет?

— Нас убьют, прежде чем мы выйдем из города.

— Теперь слишком много жителей покидают этот город, чтобы кто-нибудь стал обращать на нас внимание. Пойдем! Мы, уверяю тебя, проскользнем совершенно незаметно, и знаешь что? Мы тогда спасем нашего благодетеля -мы уговорим наших не трогать ни его, ни его дома, а то ему придется очень и очень плохо!

— Нет, Изок, нет! Мы должны оставаться здесь! — отрицательно покачала головой Ирина. — Славяне не осмелятся тронуть внуков старейшины Улеба, а вместе с ними и того, для кого они будут просить пощады.

— Ну, как знаешь, — обиделся Изок. — Я вижу, что жизнь в Византии совсем уничтожила в тебе любовь к родине.

— Я никогда не знала и не видела ее.

— Только это одно и может тебя оправдать!

Однако Изоку пришлось очутиться среди своих гораздо раньше, чем он предполагал.

Он уже надумал бегство и готовился привести в исполнение свой план, который ему казался вполне легким и доступным. Уйдя из Константинополя, он предполагал как-нибудь перебраться на другую сторону Босфора, пройти до входа в него из Черного моря, а там, по его мнению, уже легко будет добраться до своих.

Пылкий юноша не думал даже, что он почти не знает языка страны, что ему пришлось бы идти по совсем незнакомой местности, и он был бы убит прежде, чем успел бы скрыть-

ся из Константинополя.

Но за Изока был сам случай.

Во дворце было тайное заседание. Совещались Вардас, Фотий, Василий, великий логофет Византии и еще несколько высших сановников.

Беседа, как всегда, была самая серьезная и велась исключительно об одном.

Вардас предложил средство, всегда оказывавшееся наиболее действенным в подобных случаях — откупиться от наступавшего врага...

— Лучше потерять часть, чем все! — говорил он.

Волей-неволей пришлось согласиться с этим и завести сношения с варягами; выбрать послов возложено было на Василия Македонянина.

Вообще все, что казалось потруднее, всегда возлагалось на него, и Василий всегда с честью выходил из всевозможных затруднений.

На этот раз затруднение, действительно, казалось непреодолимым.

Кого послать?

Кто, в самом деле, решился бы теперь, яв-

но рискуя своей жизнью, пойти к рассвирепевшим, жаждущим крови варварам. За это время Василий прекрасно ознакомился с нравами Константинополя и не видел никого, кто осмелился бы на такой подвиг.

Да и сами варяги не поверили бы каким бы то ни было послам, после того, что случилось в Киеве. Вряд ли это можно было предположить.

Вдруг Василия озарила неожиданная мысль.

Он нашел, кого послать к приближавшимся варягам...

Приняв по возможности спокойный вид, он прошел к себе и приказал немедленно призвать к себе Изока.

— Что прикажешь, господин? — явился к нему юноша.

— Изок, знаешь ли ты, что грозит Византии? Отвечай мне прямо, — спросил Македонянин юношу, пристально глядя на него.

— Знаю! — был ответ.

— Это твои идут на нас войной...

— Да! Я слышал, что киевские князья ведут на Византию свои дружины, и они разорят

Византию.

— Ты отвечаешь с прямою, достойной мужчины и славянина, — сказал Василий. — Но подумай сам, что они найдут здесь?

— Как что? Добыча будет богатая...

— И тебе не жаль этого славного города, не жаль беззащитных старцев, женщин и детей, которые погибнут под мечами твоих соплеменников?... Тебе не жаль меня, дважды уже спасавшего тебя и твою сестру?...

— Зачем ты это говоришь, господин?... Сердце славян горит мезтью...

— За что? Разве византийцы пленили и продали в рабство твоего деда? Вспомни, это сделали именно те норманны, с которыми идут твои земляки на нас войной...

— Ты прав, господин...

— Благодарю тебя... Так вот, если ты хочешь отплатить мне за добро, за мою ласку, исполни мою просьбу!

— Я слушаю тебя.

— Отправься к твоим землякам, уговори их уйти от Константинополя, взяв выкуп.

Глаза юноши засверкали радостью.

— Исполню твое желание, господин.

— Еще раз благодарю тебя, но дай мне клятву, что, во всяком случае, ты вернешься...

— Клянусь честью славянина! — пылко воскликнул Изок.

21. ЧЕСТЬ СЛАВЯНИНА

И кровопролитие, и дым пожаров, и опасность морского пути в утлых суденышках не могли заглушить смертельной тоски Аскольда.

Он как бешеный кидался во все схватки с врагами, не думая об опасности, искал пыла битв и не находил себе ни на минуту успокоения. Наконец князь стал думать, что только тогда придет этот желанный покой, когда он выполнит свою клятву и разорит дотла Византию...

Этот желанный миг казался ему все более и более близким. Еще два перехода — и он будет у входа в это проклятое гнездо, из-за которого так ужасно погибла его милая...

Хотя бы скорее кончились эти переходы! Право, скучны эти мелкие схватки с трусливым народом, бегущим при первой встрече со врагом, при первом военном клике славян.

В успехе своего предприятия Аскольд несколько не сомневался. Поход был несомненно очень удачен.

Не дойдя всего один дневной переход до Константинополя, варяги остановились, по приказу князя, на ночлег. Их передовые струги шли безостановочно вперед, но главные силы дружины князя берегли на случай серьезного сопротивления.

Берег, едва только струги были зачалены, засветился бесчисленными огнями костров. Повсюду слышался шум, веселый смех, песни, крики. По всем направлениям были разосланы отряды, чтобы оберегать покой отдыхающей дружины.

Для князей был разбит отдельный шатер, но Дир предпочитал проводить время на открытом воздухе с дружиною, Аскольд же оставался в шатре со своими неотвязными думами и тоской.

«Близок, близок час мести за тебя, моя ненаглядная, — размышлял он. - Чувствуешь ли ты, что я исполняю свою клятву, чувствуешь ли что это проклятое гнездо, принесшее тебе смерть, скоро-скоро будет разорено...

Камня на камне не оставлю я в нем... Все они погибнут за тебя одну!» Сильный шум и крики, донесшиеся до слуха князя, прервали его думы. Он встрепенулся, поднялся на ноги и по норманнской привычке, сохранившейся в нем, положил руку на рукоятку меча, готовый обнажить его при первой надобности.

Вдруг входная пола шатра поднялась, и Аскольд увидал сияющее радостью лицо Дира.

— Друг, брат, согласишься ли, кого я веду к тебе? — кричал Дир. — Смотри, смотри, кто это? Вот был бы обрадован Всеслав, если бы он был с нами...

Аскольд взгляделся в приведенного Диром человека, и в первый раз со дня ужасной кончины Зои на лице его появилась улыбка.

— Изок! — воскликнул он.

— Я, князь! — кинулся к нему юноша. — Как я счастлив, что вижу тебя здоровым и невредимым... Я слышал, отца нет?

— Да, он остался в Киеве... Но мы теперь вернемся к нему, как только кончим здесь свое дело...

Лицо Изока омрачилось при этих словах, но ни Аскольд, ни Дир не заметили этого.

Они поспешили усадить юношу, не помнившего себя от радости. Изок забрасывал их вопросами о Киеве, об отце, рассказывал сам, как он попал в плен, как здесь нашел сестру.

— Мы знаем это! — воскликнул Дир.

— Откуда? — удивился юноша.

— Сестра твоего отца — ты знаешь ее — это Зоя — рассказала нам все -и про тебя, и про славного Улеба, и про твою сестру.

— Зоя! Госпожа Зоя! Разве она — сестра отца нашего, Всеслава?

— Да!

— Вот как! Я этого не знал! Ну, слава Перуну. Где же она? Что с ней? Здорова ли она?

При этих вопросах лицо Аскольда исказилось, как бы от какой-то ужасной боли.

— Ее убили проклятые византийцы, и я пришел отомстить за нее! -грозно воскликнул он.

Изок с удивлением посмотрел на него.

— Я не понимаю тебя, княже! — робко промолвил он.

В ответ на это Дир поспешил рассказать ему все, что произошло на Днепре.

Юноша несколько раз менялся в лице, слу-

шая этот рассказ.

— Так! Это вполне походит на жителей этого проклятого гнезда! — воскликнул он, когда Дир кончил свой рассказ. — Ты прав Аскольд! Отомсти за нее Византии, сотри этот город с лица земли, к этому у тебя есть полная возможность... Узнайте, что Византия беззащитна: там нет ни воинов, ни судов, она в твоей власти... А теперь прощайте, князья...

— Как прощайте? Ты уходишь?

— Да!

— Куда?

— Туда, к византийцам...

— Зачем? Я не пущу тебя! — воскликнул Аскольд.

Изок грустно улыбнулся.

— Я еще не сказал вам, зачем я пришел сюда и как смог я уйти из столицы Византии... Узнайте же, что сами византийцы послали меня к вам предложить вам богатые дары, чтобы только вы отступили от них... Но я вижу теперь, что так поступить вам, князья, нельзя... Вы явились сюда не столько за добычей, сколько ради мести, а месть священна... Идите же на столицу Византии, возьмите ее!

Еще переход, и она будет ваша, а меня отпустите...

— Но объясни, зачем ты хочешь возвращаться? — воскликнули вместе и Аскольд, и Дир.

— Я дал клятву славянина, что вернусь...

— Князь твой разрешает тебя от этой клятвы...

— Нет, не удерживайте меня... Если я останусь, не только мое имя, но и все славянство покроется позором. Я сдержу данное мной слово.

— Но тебя замучают, убьют там...

— Стало быть, так суждено мне богами...

— Но подумай, несчастный, что скажет твой отец?...

— Он похвалит только меня!... Всеслав первый бы отрекся от меня, если бы он узнал, что я не сдержал своего слова. Молю вас, князья, не держите меня!... Я должен спешить... Что будет со мной — то будет, вы же идите и отмстите за Зою, за Улеба... Прощайте еще раз!

Он кинулся в объятия Аскольда, потом Диры, глубоко растроганных его поступком. Затем, едва сдерживая свое волнение, он по-

спешно вышел из шатра...

Честь для славянина оказалась выше всего.

22. ЧУДНОЕ ВИДЕНИЕ

Изок шел безостановочно и на другое уже утро был в Константинополе. У него был пропуск от Василия Македонянина, и потому он беспрепятственно достиг дворца.

Нерадостные вести принес он с собой.

Когда Василий узнал, что побудительным поводом к набегу была не жажда грабежа, а месть, он сразу понял, что в этом случае нечего и надеяться на пощаду...

Сперва он хотел заключить Изока в темницу, но и его поразили поступок этого юноши.

"Какой народ, какой дивный народ! — думал он. — Если дети в нем таковы, то что же говорить о взрослых!"

Он с восхищением смотрел на Изока.

Потом Василию пришло в голову, что Изок в случае беды может еще пригодиться. Его знают славяне, и с его помощью как-нибудь удастся спасти кого-либо из близких.

Василий готов был ко всему и не ждал бо-

лее спасения Константинополю. Он ласково отпустил Изока, а сам немедленно отправился к Вардасу, у которого непрерывно находился Фотий.

Там уже знали о возвращении посланца.

— Что? — в один голос спросили тревожно Вардас и Фотий.

— Нам остается ждать только чуда, предсказанного тобой, великий патриарх! — дрожащим голосом отвечал Василий.

— Почему же?... Они разве не хотят брать выкуп?

— Киевские князья пришли не за нашими богатствами...

— Что же им нужно?

— Тут дело идет о мести и о мести за женщину... Вы помните ту, которая, по нашим известиям, сделалась жертвой несчастного Фоки? Ее имя до сих пор было неизвестно... Знаете, кто она? Это — матрона Зоя, исчезнувшая вместе с Анастасом, благодаря интригам Никифора и Склирены. Отравленные запястья убили ее в то время, когда она готовилась стать женою этого киевского правителя Аскольда, и теперь этот поход является мстью

за ее гибель...

Вардас и Фотий поникли головами.

— Что же делать? — прошептал Вардас.

— Одно только чудо спасет нас!

— И это чудо будет! — горячо воскликнул Фотий. — Я уверен в этом.

Силы небесные защитят нас от этого бича! — Молись за нас, великий патриарх! — И вы молитесь! Помните, что только это одно и остается нам...

В небывалом смущении, окончательно потерявшие всякую надежду, разошлись эти савановники, не придумав ничего для спасения своего родного города.

А варяжские дружины с первыми лучами солнца начали свой последний морской переход к Константинополю. Все на стругах были спокойны, все были заранее уверены в удаче.

К вечеру крики восторга огласили водяную пустыню: перед варягами в последних лучах солнца засверкали купола церквей и соборов Константинополя.

Путники были в виду своей цели...

Варяги подошли к Византии.

Пущенные вперед струги уже натолкну-

лись на заграждение входа в Золотой Рог. Аскольд немедленно отправился сам осмотреть цепи и убедился, что и в самом деле ни разбить эти цепи, ни перетащить через них даже легкие суда было совершенно невозможно. Всей славянской флотилии оставалось избрать стоянкой открытый залив и отсюда уже начать военные действия против столицы Византии.

Осматривая заграждения, Аскольд вышел на берег, а потом, когда он возвращался к своему стругу, прямо к нему бросился навстречу какой-то старик.

Князь хотел отстранить кинувшегося, даже схватился за меч, но, увидав, что все вооружение этого старика состоит из небольшого деревянного креста, успокоился и остановился.

"Это — какой-нибудь христианский жрец, — подумал он, — он, верно, хочет просить меня о пощаде своего храма!"

Но христианский жрец и не думал ничего просить. Напротив того, он сам грозил вождю страшных варягов.

— Почто пришел безумный? — расслышал

Аскольд его лепет, почему-то заставивший вздрогнуть его закаленное сердце. — Почто пришел? Разорять храмы Бога, который тебя создал, губить ни в чем неповинных женщин, детей? Или ты думаешь, что Бог допустит это?...

— Никто не помешает мне, старик, — гордо ответил Аскольд. — Если бы не только что ваш Бог, но даже сами Один и Тор явились предо мной и встали на защиту этого города, я бы и с ними вступил в борьбу.

— Замолчи! Ты ли, слабый, ничтожный человек, дерзаешь вступить в борьбу с Божеством? Знай же! Это говорю тебе я, служитель Бога живого: волоса не упадет с головы ребенка, живущего в городе святого царя Константина. Святая Дева — защитница всех, ты же будешь посрамлен, и только жалкие остатки твоего войска вернуться на родину!

Аскольд был суеверен, а старик говорил с таким убеждением, что впечатление его речи неотразимо действовало на суеверного норманна.

— Кто может остановить меня? — пробормотал он.

— Силы небесные! Им же нет числа... Гляди, гляди! Вон, на небе -видишь? Святая Дева простирает над городом покров свой!

Какая-то невольная сила повлекла взор Аскольда на небо. К ужасу своему и удивлению, он действительно заметил там, среди облаков, следующее явление. Среди облаков образовалась как бы человеческая фигура с простертыми вперед руками. Раздраженное воображение поддалось убежденным речам вдохновенного старика, и Аскольду показалось, что эта фигура приняла вид женщины необыкновенной красоты. Он ясно видел, что женщина в простертых руках держит какую-то одежду, которой, как казалось витязю, она покрывала осажденный им город...

Громкий стон и плач заставили его опустить глаза на землю; там восторженно рыдал на коленях вдохновенный старик. Когда Аскольд снова взглянул на небо, там уже ничего не было видно...

Сердце суеверного норманна трепетало от какого-то тревожного предчувствия...

23. ПАТРИАРХ И ЮРОДИВЫЙ

Итак, спасения византийцам ждать было неоткуда. И высшим сановникам точно так же, как суеверной черни, приходилось ждать только защиты сил небесных, одного только чуда...

— Чуда, чуда! — громко говорил сам себе патриарх Фотий, остававшийся один в своих роскошных покоях. — Да разве можно ждать чуда для города, где на бесчисленное множество нечестивцев не наберется и десятка праведников... Чуда для столицы государства, разлагающегося, зараженного всякими пороками!... Эти люди явились как бы мстителями за все преступления, совершенные Византией... Судьба! Да, эти варяги -мстители...

И вдруг патриарху вспомнились святые слова: «Мне отмщение, и Аз воздам».

Какими-то особенными, пророческими показались ему они в эти тяжелые мгновения.

Фотий на патриарший престол попал случайно. Он никогда не готовил себя к духовной деятельности. Это был человек науки, замечательно образованный для своего времени. Со-

временники удивлялись разносторонности его знаний. Его «Библиотека», составленная им для брата, была энциклопедией его времени. Не было той отрасли науки или знаний, которая не была бы изучена этим человеком. Каприз или, вернее, политические соображения заставили Вардаса, сместив Игнатия, поставить на патриарший престол своего племянника. И здесь он оказался еще величественнее, чем среди блестящих придворных императорского двора. Фотий был страстным патриотом. Он любил свою родину более всего в жизни. Для славы ее он готов был на все — даже на нарушение заветов святых отцов, конечно, когда это касалось частных случаев и святость церкви не могла пострадать, но в общем он свято верил в основы своего православного вероисповедания, и, когда Рим, по настояниям германских и франкских императоров, цинично отверг некоторые из них, Фотий, ясно сознавая все бессилие Византии пред могущественным Римом, решительно вступил за правоту православия в тот великий религиозный спор между Востоком и Западом, который продолжается до настоя-

щего времени.

И теперь этот талантливый и даже гениальный человек терял голову пред очевидной бедой...

— Чудо, чудо! — хрипло повторил он. — Да, на него надежда! Буду молиться о чуде!

Он опустился на колени перед своей божницей, но молитва не шла ему в голову. Фотий с тоской поднял глаза на изображения святых, и прямо на него с старинной иконы глянул кроткий лик Богородицы...

Патриарх припомнил, что это изображение взято из Влахернского храма Пресвятой Богородицы.

Какая-то мысль промелькнула в его голове, но он не успел даже дать себе в ней отчета — в дверь его покоя громко застучали.

Фотий поднялся с колен и дал разрешение войти.

— Кто смеет беспокоить меня, когда я нахожусь на молитве? — гневно спросил он. — Или уже варяги завладели Константинополем, и византийский патриарх — ничто для своей паствы?...

— Прости, великий, — с испугом восклик-

нул его келейный послушник. - Там пришел один человек, который хочет видеть тебя во что бы то ни стало... Он был очень настойчив, грозил нам гневом небес, и мы осмелились побеспокоить тебя...

— Кто это?...

— Он называет себя Андреем... Это, кажется, юродивый.

Патриарх под влиянием первого впечатления хотел было приказать прогнать ночного гостя, но вдруг новое соображение остановило его.

«Этот юродивый, я помню его, поможет мне ободрить народ», — подумал он и приказал позвать Андрея.

Вошел седой, сторбленный старик с вдохновенными, сияющими юношеским блеском, глазами; одежда его была вся изорвана и в пыли, из-под нее виднелись железные вериги, опоясывавшие стан и грудь чудного старика. Он был бос, и, когда ступил на пол, то Фотий заметил, что старик оставляет за собой кровавый след.

Он не подошел к патриарху под благословение, даже не приветствовал его, а, войдя,

хриплым голосом закричал:

— Фотий, Фотий! Чудо! Чудо!

Патриарх в изумлении смотрел на него. Он припомнил этого Андрея. Старика называли Беалосом, и он пользовался огромной известностью в Константинополе.

«Такой-то мне и нужен, — подумал Фотий. — Он сумеет воодушевить несчастных, и если им суждено умереть, то они будут умирать жертвами гнева Господня».

— О каком чуде говоришь ты, Андрей? — ласково спросил он.

— Пресвятая Пречистая Дева... Там на небе... Я Ее видел, видел Ее и вождь варваров... На небе, Фотий... Она была видна над Влахернским храмом! Она покрывала своей ризой храм... Чудо! Чудо! Варяг Ее видел... Я видел, Фотий! Молись!...

"Что он говорит? — не приходя в себя от изумления, спрашивал сам себя патриарх. — Его трудно понять..."

— Иди, Фотий! Иди во Влахерн! — кричал Андрей. — Там риза Святой Девы!

— Когда ты видел Пречистую, Андрей? — ласково спросил юродивого патриарх.

Он видел, что в покое они не одни. Кругом около открытых дверей толпились привлеченные криком юродивого люди. Фотий дал им возможность слышать все, понимая, что все происходящее в его покое будет сейчас же известно на форуме и оттуда разойдется по всему Константинополю...

— Где же ты видел Пречистую? — повторил патриарх свой вопрос.

— В небе, в небе! Она плыла в облаках и на миг остановилась над Влахерном... Иди, Фотий, во Влахерн! Там спасение... Вождь варваров Ее тоже видел. Он смутился... Во Влахерн, во Влахерн, Фотий!...

Неясный шум у входа прервал юродивого.

Вбежал, расталкивая собравшуюся толпу, один из патриарших телохранителей, запыхавшийся, утомленный, перепуганный...

— Патриарх!... — закричал он, упав на ложе почти без чувств. -Варяги...

Фотий задрожал всем телом. Он побледнел и еле нашел в себе силы спросить:

— Где?

— Они перетаскивают свои лодки по суше, минуя заграждения, к вечеру они будут

здесь...

Крик ужаса вырвался из груди всех. Фотий поник головой, он потерялся. В эту минуту откуда-то донесся протяжный звон набата. Это давали сигнал с церквей, где были колокола. Сторожевые башни, с которых давался прежде такой сигнал, были уничтожены по распоряжению императора, не желавшего, чтобы звуки тревог мешали веселью его пиров. Теперь церкви заменили сторожевые башни, и звуки набата все разрастались и разрастались.

— Чудо! Чудо! — хрипел Андрей.

Фотий чувствовал, что в груди его не хватает воздуха. Он подошел к окну, растворил его и невольно взглянул вперед.

Едва брезжил рассвет. Слабый блеск зари уже заметен был на горизонте. Утро обещало быть прекрасным.

Последнее утро Византии!

Вдруг Фотий весь задрожал, лицо его озарилось радостью — он что-то увидел на горизонте.

Живо он обернулся к собравшейся уже толпе.

— Слушайте вы все! — заговорил он вдохновенным голосом. — Нет опасности для града Константина!... Святая Дева спасет его от варваров и посрамит их ради славы своего Предвечного Сына!

— Аминь! — воскликнул в экстазе Андрей.

— Идите все и возвестите народу, что сказали вам патриарх ваш и этот человек Божий... Византия спасена!...

24. В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Мало кто спал в эту ночь в Константинополе, а если кого сон и посетил, то зловещие звуки набата немедленно призывали к бодрствованию.

С быстротой молнии весть о всем случившемся в палатах патриарха распространилась по форуму, а оттуда уже эта весть понеслась, ободряя собой и вселяя в сердца надежду, по всем уголкам и закоулкам столицы. Андрей-юродивый метался всюду, и везде слышен был его хриплый крик:

— Чудо, чудо! Во Влахерн, во Влахерн!

В то же время пронеслась и другая весть. По указанию свыше патриарх со всем своим

клиром, правители со всеми военачальниками, придворными и народом пойдут во Влахерн, где хранится святая риза Небесной Владычицы. Разом вселилась в народ какая-то уверенность в том, что против земного врага на защиту Византии стали сами силы небесные...

Звон колоколов — уже не набат, а торжественный византийский звон -призывал всех верующих в храмы, откуда они могли присоединиться к торжественному шествию патриарха, заместителей императора и народа во Влахерн.

Под общим названием Влахерна было известно предместье Константинополя, находившееся в западном углу столицы Византии. Влахерн славился своими святынями. Еще во времена Феодосия Младшего «408-450 гг.» во Влахерне, на берегу залива, построен был магистром Пименом великолепный монастырь. При Льве Великом «он же Македонянин, в 474 г.» здесь сооружена была церковь во имя Пресвятой Богородицы, куда и положена была честная риза Пречистой Девы. По преданиям, эта местность названа была по имени како-

го-то Влахерна, княжившего недалеко от Византии еще до Константина Великого. В царствование Льва Македонянина два брата, Гильвий и Кандид, похитили в доме одной старой галилейской еврейки честную ризу Богоматери «Четьи Минеи, 2 июля» и положили ее с особой торжественностью в нарочно выстроенной для этого императором церкви.

Теперь в эту церковь и направлялся крестный ход во главе с патриархом.

Это для несчастных обитателей Константинополя было уже последним средством защиты, вне которого не оставалось спасения.

Торжественное шествие вышло из храма святой Софии при громком перезвоне всех колоколов. Громко пели соединенные хоры певчих гимны Пресвятой Богородицы. Толпы народные все прибывали и удлиняли собой шествие.

Впереди в полном облачении шел Фотий с крестом в руках. За ним следовали придворные с Василием Македонянином и константинопольским епархом во главе. Все замечали, что шествие идет поспешно, чуть не бегом, как приказал патриарх.

А Фотий, идя впереди, вопреки всем обычаям, высоко держал голову и не спускал глаз с небес.

Временами он вздрагивал, на лице его появлялась довольная улыбка, губы шевелились, как-будто он шептал какие-то молитвы.

Всем казалось, что патриарх что-то видит на небе.

Но что?

Фотий, как и все высокоталантливые люди, был замечательно наблюдателен. Когда, рассеянно слушая в своих палатах бред юродивого, он подошел к окну, чтобы взять в грудь чистого воздуха, ему показалось странным, что на безоблачном горизонте видно какое-то чуть заметное пятнышко...

Это сказало ему все...

Ведь была осень... Над Черным морем наступило время бурь... Всякий мореход, увидав это пятнышко на горизонте, поспешил бы укрыться в удобную гавань...

Все это сообразил гениальный человек.

Это пятнышко — предвестник наступающей бури, было чудом, ниспосланным Византии свыше в тот момент, когда все надежды

на спасение исчезли... Крестный ход с громким песнопением поспешно, чуть не бегом, шел ко Влахерну...

25. ЧУДО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

У загражденного цепями входа в бухту Золотого Рога, между тем, шла оживленная работа.

Аскольд и Дир вспомнили походы викингов на Лютецию, когда норманнские смельчаки поставили на колеса свои дракки и, распустив паруса, шли по суше, как по морю...

Здесь было слишком незначительное пространство: на колеса, по расчетам князей, струги не стоило ставить, и они решили прямо перетащить их волоком, чтобы к вечеру уже нагряться в беззащитный Константинополь и начать там хозяйничать по-своему.

Но Аскольд, несмотря на то, что торопил приготовлением и сам распоряжался волоком судов, все-таки чувствовал себя смущенным.

Вчерашнее видение не выходило из его головы.

Он рассказал про него Диру, но тот в ответ

только пожал плечами.

— Ты слишком тоскуешь по своей Зое, — сказал он ему, — и вот тебе последствия этого!

— Но я видел своими глазами!...

— Тебе просто померещилось; оставь об этом думать! Что может спасти Византию? Прежде чем наступит закат, она будет в наших руках...

— Но что значит этот заунывный звон? — спросил Аскольд.

— Это христиане, — засмеялся подвернувшийся Руар, — по своему обычаю готовятся к смерти, молясь своему Богу.

Как раз в это время задул ветер.

Аскольд, а за ним и Дир, взглянули на небо...

Оно совершенно изменило свой цвет. Препней синевы как не бывало. Мрачная, грозная туча, с свинцовым отливом, надвигалась на Византию.

— Пожалуй, будет буря, — равнодушно проговорил Руар. — Хорошо, что она застает нас здесь, а не в море...

— Да, — согласился с ним Дир. — Жаль, что

мы не переволокли всех наших стругов, здесь бы им было совсем спокойно...

Варяги, не обращая внимания на надвигавшуюся бурю, продолжали свое дело.

А, между тем, во Влахерне весь Константинополь от мала до велика молился коленопреклоненно пред вратами Богородичной церкви.

Патриарх и все духовенство, сохраняя по возможности торжественность, с подобающими песнопениями вынули из сокровищницы святую ризу.

Возложив св. Одежду на головы, духовенство вышло из храма при громком пении хвалебного гимна.

Проникшиеся, наконец, всей важностью переживаемого момента царедворцы, сановники, небольшие кучки воинов, весь народ как один человек пали на колени, лишь только из дверей храма показалось патриаршее шествие с св. Одеждой.

Какое-то высшее, недоступное в другое время, чувство овладело всеми. — Владычица Пресвятая, заступи, спаси и помилуй нас! — завопил весь народ, с надеждой и умилением

обращая взор свой к ветхой, уже значительно поддавшейся времени, одежде, лежавшей на главе патриарха.

А тот твердыми шагами шел вперед к берегу Золотого Рога.

Он верил, что чудо будет!

Об этом сказал ему ветер, налетевший шквалом, об этом сказало ему скрывавшееся в свинцовой туче солнце, об этом сказали ему покрывшие весь залив валы с зеленоватой пеной на своих вершинах.

Фотий теперь смело и уверенно шел к воде.

Вот он и все духовенство уже на берегу. Весь народ замер в томительном ожидании.

Патриарх снял со своей головы драгоценную одежду, осенил себя крестным знаменем и с лицом, на котором ясно был написан восторг, поцеловал край ее.

— Владычица небесная! — громко, во весь голос, произнес он, так что его далеко-далеко было слышно среди наступившей тишины. — Владычица небесная! Ты — наше убежище, Ты — наша сила, на Тебя уповаем мы!... Покровом своим огради, спаси и помилуй нас!

— Помилуй нас! — как эхо, повторил за патриархом весь народ.

Раздалось пение хвалебного гимна Богородицы.

Все видели, как Фотий опустил драгоценную одежду на волны Пропонтиды. И как раз в это время совсем близко-близко на волнах забелели паруса подступавших к несчастному городу передовых варяжских стругов...

Патриарх второй раз опустил святую одежду, третий, и вдруг народ в ужасе заметил, как сразу померк дневной свет. Грозная туча покрыла собой все. Налетел с ужасающей силой шквал, другой, третий, залив заревел, ударил гром, засверкала молния...

Началась буря, какой не запомнили даже старожилы Константинополя. Легкие варяжские струги как щепки подхватывал ветер, кружил в воздухе, бросал снова на волны, бил и трепал их о прибрежные скалы. Среди воя бури, рева ветра, слышен был треск разбивавшегося о камни дерева, громкие крики погибающих, и ко всему этому вдруг прибавилось торжественное пение, так недавно еще несчастного, упавшего духом, а теперь снова

воскресшего народа:

— Тебе, Военачальнице славной, победная
песнь. Ты избавляешь нас от ужасного врага...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НЕБЕСАМИ ПОБЕЖДЕННЫЕ

1. ПОСЛЕ БУРИ

Страшная буря ревела с рассвета и далеко за полдень.

Было нечто ужасное, несокруσιμο-стихийное, в этом подавлявшем своим величием страшном явлении природы.

Весь Константинополь видел в нем чудо Пресвятой Девы, и хотя буря ревела и бесновалась, но все так и застыли на берегу в молитвенном экстазе.

То, что творилось в заливе, не поддавалось никакому описанию.

В тот момент, когда началась буря, большинство людей было на судах. Славяне, которых среди варягов было большинство, мало были знакомы с морем.

Для них маленькая тучка на горизонте не сказала ничего...

Они не заботились даже укрепить или укрыть свои легкие струги, и налетевший

шторм застал их врасплох.

Несчастные не поняли даже, что случилось с ними в эти минуты...

Они слышали рев, вой, стон, свист, видели громадные надвигавшиеся валы, чувствовали, что какая-то страшная, неведомая, непреодолимая сила поднимает их струги, кидает на прибрежные камни, разбивает их в мелкие щепки и самих их бьет, крутит, вертит и, лишив сил в непосильной борьбе, влечет в пучину, где царит смерть, откуда нет возврата.

Открытая местность не давала несчастным даже возможности думать о спасении, каждый потерял всякую нравственную связь с другими, заботился только о себе, думал только о своем спасении и погибал...

Крики отчаяния, проклятия, стоны смешивались с ревом бури.

Зато Константинополь торжествовал.

Все чувствовали, что всякая опасность теперь надолго миновала. Патриарх с драгоценной одеждой Пресвятой Девы, духовенство, заместители императора и двор поспешили удалиться с берега во Влахернский храм в са-

мом начале бури, но народ не расходился.

Все были под впечатлением только что виденного...

Народ был достаточно защищен и мог безопасно держаться на берегу; издали доносился грохот срываемых крыш с домов, треск падавших ветхих построек, но что до этого, когда чудо Пресвятой Девы было так очевидно?... Во Влахернском храме пережидали бурю Фотий и заместители императора.

Эпарх и Василий Македонянин были с ними.

— Святейший! — воскликнул Македонянин, обращаясь к Фотию. — Это чудо! — Ты сам видишь, Василий, — ответил кротко улыбаясь, патриарх.

В искренних слезах радости, в смиренном преклонении выразилась благодарность этих людей Богу за так очевидно чудесно посланную с выси небес помощь.

Богослужение длилось до тех пор, пока не начала утихать буря.

Снова, наконец, прояснился небосвод, засияло солнце, залив начал успокаиваться...

Бури на юге всегда ужасны по своей силе,

но, вместе с тем, большею частью кратковременны...

Больной Вардас ничего не знал о происшедшем в эти часы.

Дворец весь казался вымершим.

Ушла даже прислуга, которая должна была безотлучно находиться при больном правителе.

Правитель оставался совершенно один, беспомощный, бессильный, и не знал, что и подумать о всем происшедшем.

Он жалобно звал прислугу, врача — никто не откликнулся на зов больного.

Шли нескончаемо долгие часы.

Старик прислушивался к реву бури, доносившемуся до его слуха, к грохоту срываемых ветром крыш и рушившихся построек и приписывал весь неестественный этот шум ни чему иному, как неистовству ворвавшихся в городские стены норманнов, ожидая с мига на миг их появления и в своем покое.

Мучительные мгновенья переживал теперь этот человек, так еще недавно считавший себя всемогущим...

Он считал свою смерть неизбежною...

Вардас удивлялся только одному, что окна его палат не озарены пламенем.

Он по многим примерам знал, что варвары при нападении прежде всего поджигают занятые им города и потом уже начинают грабеж.

Вдруг шум поспешных шагов раздался совсем близко от больного. «Варяги... Конец!» — подумал он и, впервые ощутив страх, зажмурился. Но вместо страшных варваров, забывая все требования этикета, в покой старого правителя вбежал запыхавшийся от скорой ходьбы и волнения Василий, только что вернувшийся из Влахернского храма.

Македонянин был бледен и восторжен.

— Вардас, Вардас! — громко кричал он. — Слышишь ли ты меня? Чудо! Чудо!

Услыхав этот знакомый голос, старик широко открыл глаза.

— Это ты, Василий? — произнес он. — Мне казалось, что я уже умер! Но я жив! О каком чуде ты говоришь мне?...

Василий отвечал еле переводя дыхание:

— Пресвятая Дева спасла Константинополь: страшной бурей, рев которой ты слы-

шал, разметаны суда варваров, опасности более нет!

— Слава Владычице! — прошептал Вардас. — Но расскажи мне, Василий, все подробно... Я ведь ничего не знаю...

Македонянин поспешно передал все, что ему самому было известно.

Чем дальше к концу шел рассказ, тем все более прояснялось лицо Вардаса, а когда Василий умолк, в больном проснулся прежде всего прежний умный и тонкий политик.

— Небеса и в самом деле не отступились еще от Византии, — воскликнул он, — но теперь следует с большею для нас выгодой воспользоваться последствиями этого чуда. Это так ясно, и мы не должны упускать случая. Что ты скажешь на это, Василий?

2. НЕБЕСАМИ ПОБЕЖДЕННЫЕ

Аскольд и Дир, в свою очередь, только чудом спаслись во время постигшего их дружину несчастья.

Они оба находились на суше в то время, когда началась буря.

Это их и спасло. Вожди сами не пытались скрываться в защищенном месте на берегу, но Аскольд внезапным порывом вихря был так брошен о землю, что лишился чувств. Заметив несчастье с названным братом, Дир поспешно кинулся ему на помощь, но новый шквал сбил и его. Боясь, чтобы ветер, легко поднимавший и бросавший ладьи, не унес бесчувственного друга, он кинулся на его тело и своею тяжестью удержал его. В это время несколько дружинников, забыв об опасности, кинулись на помощь к своим князьям и оттащили их обоих в более защищенное место.

Когда этот неслыханный погром стал несколько утихать, едва пришедшие в себя от неожиданно ужаса варяги с удивлением заметили странного, одетого в лохмотья человека, суетившегося и бегавшего среди них и в то

же время что-то громко говорившего.

Те из них, которые знали византийское наречие, разобрали его слова.

— Великий Бог во Св. Троице!... Разумейте, вожди!... Нет конца Его силам, могуществу, крепости! В морских пучинах потопил Он сонмище нечестивых и теперь на варварах, явившихся к св. Городу, он доказал свою силу! Слава ему, Единому, Великому, Предвечному!...

Этот человек был Андрей-юродивый. Какими-то одному ему ведомыми путями успел он пробраться из Константинополя в становище варягов... Несчастливым было не до того, чтобы прислушиваться к этим странным речам, они не обратили на Андрея внимания, да и он сам, казалось, совсем не видал их.

Он весь ушел в свой порыв.

— Слава Тебе, показавшему нам свет! Слава отныне и вовеки веков! Только слепой не увидит совершенного Тобой чуда, только немой не возвестит о нем, только глухой не услышит про него! Слава, слава Тебе! Смотрите, язычники, трепещите и изумляйтесь: Божье видение, божественно чудо свершилось

перед вами. Бог явился вам в реве бури, в вихре, в громе, в молниях... Изумляйтесь, и да озарит вас и сердца ваши свет христианской истины!...

Прославляя так Бога, Андрей приблизился к тому месту, где, охраняя своего друга, прижался к одиноко стоявшему дереву растерявшийся Дир. Юродивый сейчас же узнал того, с кем он накануне был удостоен лицезреть великое видение.

Он остановился и заговорил снова.

— Вот — тот вождь, чье сердце немного уже озарено вечным светом!... Божественная Дева явилась ему! Она удостоила его счастья лицезреть себя, и милость Ее над ним!

Дир, заподозривший, что старик задумал недоброе, замахнулся на него мечом.

— Пошел прочь, безумный! — закричал он.

Андрей только дико засмеялся в ответ на это.

— Мечом грозишь? Мечом? — заговорил он. — А что твой меч? Вот меч, — поднял он перед Диром крест, который держал в руке, — он поражает без боли, но наверняка... Это — меч христиан! Им мы победили тьмы тем!

И, не обращая внимания на славянских вождей, он побрел далее.

Но Аскольд в это время пришел в себя.

Первый его взгляд упал на юродивого.

— Этот старик, этот старик! — закричал он.

— Успокойся, друг, — помог ему сесть Дир. — О каком старике ты говоришь?

— Вчера...

Видение...

— Ах, да! Ты говорил... Какая буря!...

— Это Бог христиан послал на нас...

— Увы! Все так благоприятствовало нашему походу, и вот теперь, когда мы были уже у самой Византии, все рухнуло.

— Это Бог христиан послал на нас! — повторил Аскольд.

— Ты можешь встать?

— Да...

Силы возвращаются ко мне.

— Тогда пойдём...

Посмотрим, что наделала буря...

Названные братья, поддерживая друг друга, побрели вдоль берега.

Везде видны были следы бури.

Там лежал разбитый вдребезги струг, здесь

в беспорядке навалены были обезображенные, разбитые ударами о скалы тела. Слышен был кое-где слабый стон. Отовсюду, завидя князей, сходились шатавшиеся от усталости, измученные люди, еще недавно полные сил и мужества.

— Все пропало, князь! — встречали они Аскольда. — Все погибло! Будь проклята эта буря...

— Немедленно собрать всех наших! — приказал Аскольд. — Где Руар, где Ингвар?

— Увы, князь, на наших глазах они были унесены в пучину вместе с своим стругом.

Витязь в глубокой печали поник головой.

— Это — Бог христиан!... — в третий раз прошептал он. — Руар, Ингвар, Инголет более других настаивали на этом походе...

Звуки княжьего рога созывали оставшихся к князю. Заслышав его, они стали сходитьсь. С великой грустью увидели Аскольд и Дир, что от их более чем десятитысячной дружины остались одни жалкие остатки... Из двухсот стругов, ушедших из Киева, осталось немногим более полусотни.

Чуть не плача, глядели князья на эти жал-

кие остатки.

— Велик Бог христиан! — раздался за ними чей-то голос. Они быстро обернулись.

Позади них стоял Андрей и указывал им на ничтожное число дружинников. — Велик Бог христиан! — повторил он.

— Да, ты прав! — в один голос ответили ему князья.

3. СМИРИВШИЕСЯ

Уныние овладело киевскими князьями...

Еще бы! Только чуть ли не одна четвертая часть осталась от их дружины. Куда же девались остальные? Одни погибли, другие в паническом страхе разбежались, куда глаза глядят.

Те же, которые остались в целости, были неспособны ни к какому ратному делу... Они окончательно упали духом, были разбиты и физически и нравственно.

Если бы не это, то их было бы вполне достаточно для нападения на беззащитный Константинополь. Как их ни мало было, но при некотором одушевлении они смогли бы причинить Константинополю непоправимый

вред.

Но теперь в славянской дружине никто об этом не думал.

Около князей не было таких влиятельных и решительных советников, как Руар, Ингвар, Ингелот, остальные же норманны не были смелы в обращении с князьями, а славяне самостоятельно никогда не действовали и всегда шли за норманнами.

Их могли бы повести за собой князья...

Но и Аскольд, и Дир сами были так поражены всем случившимся с ними, что оставили всякие помышления о нападении на Константинополь.

Аскольд даже о клятве своей забыл.

Душа его была в смятении. Ведь он и раньше слышал о могуществе невидимого Бога христиан, а тут на его глазах этот Бог совершил явное чудо, спасши от разгрома свой город.

Ко всему этому прибавилось еще то, что этот сумасшедший старик — так называли в своих беседах юродивого Андрея князья — почти ни на шаг не отступал от Аскольда.

— Видел ты чудо? — громко кричал он ему,

следуя за ним по пятам. -Убедился ты, что велик наш Бог?

— Да, видел и убедился...

— Велик наш невидимый Бог?

— Велик!

— Обратись к Нему, уверуй в Него!...

— Он не примет меня, я шел против него...

— Милостив Он! Нет грешника, который не был бы прощен при истинном раскаянии.

Сам не сознавая почему, Аскольд жадно прислушивался к этим так недавно чуждым для него словам. В сердце его как будто что-то перевернулось. Он не был уже прежним киевским князем. Это был совсем другой человек, с другими, новыми чувствами, с другой, новой верой, с другими, новыми воззрениями.

Жадно прислушивался к словам Андрея и Дир. Он был таким же, как и Аскольд, только моложе его, а потому и легче относился к вещам и событиям. Но явное чудо небес, спасшее Константинополь, произвело впечатление и на него. Он видел в этом что-то новое, неизмеримо чудесное, таинственное, и эта таинственность влекла его к себе.

К тому же они быстро узнали, что предше-

ствовало началу бури. К ним пришла весть, что буря началась, лишь только опущена была на воды залива одежда святой Матери христианского Бога.

Это не осталось без впечатления на восприимчивые души киевских князей.

От природы суеверные, услышав рассказ о погружении ризы, они нисколько не сомневались в чуде и до глубины души верили в его совершение. — Сами небеса за Византию, нам ли бороться с нею?... — говорил Аскольд.

— Да, ты прав, брат, — подтверждал Дир, — мы храбры в борьбе с людьми, но борьба с незримыми силами не для нас.

— Мы видели, что Бог христиан всемогущ!

И вдруг в это время перед ними как из под земли вырос Андрей. — Обратитесь к Богу невидимому, просветите сердца ваши!

— Что нужно сделать для этого? — спрашивал Аскольд.

— Креститесь от воды!

— Это значит отстать от всего прежнего!

— Вы тогда перемените тьму на вечный свет!...

— Но мы прежде всего должны познать ве-

ру твоего народа.

— Она проста.

— Но чего она требует от людей?

— Только того, чтобы они Бога и своего ближнего любили как самих себя.

— И только?

— Разве этого мало? Прощение врагу, любовь к брату, правда во всем -это такие победы над собой, что не всякий решится на них.

Такие разговоры велись часто, и под влиянием их все больше и больше смягчалось сердце князей.

— Знаешь ли, брат? — сказал раз своему другу Аскольд. — Чувствуется мне, что судьба недаром привела нас сюда.

— И мне кажется то же, Аскольд...

— Судьба хотела показать нам все величие христианства... Под Византией нам делать нечего. Если Бог христиан оградил этот город от тьмы хабрецов, то неужели он не спасет его и во второй раз от остатков нашей дружины?

— Ты прав...

— Я думаю так...

— Я разделяю твои думы.

— Я еще не все сказал.

— Говори же, что у тебя на сердце.

— Но неужели мы уйдем, не узнав, что это за всемогущее существо, повелевающее стихиями!

— Нет, мы должны непременно узнать это учение, и кто знает — может быть мы обратимся к Богу византийцев.

— Но как это сделать?

— Мы пошлем послов в Византию, объясним, что не хотим войны, а просим мира, и пусть нас пустят туда. Мы осмотрим их храмы и потом позовем жрецов христианского Бога к себе на Днепр. Пусть и нам, как византийцам, помогает этот Бог!

Полное согласие Дира было ответом на это предложение.

Братья-друзья решили отправить к императору послов с мирными предложениями.

4. СВЕТЛЫЕ НАДЕЖДЫ

Хотя в Константинополе все ликовали победоу, но Вардас, Фотий и Василий понимали, что дело далеко еще не пришло к концу. Варягов все-таки оставалось довольно, чтобы наделать много вреда беззащитному городу. К тому же, уже прошло несколько дней после того, как буря разметала их суда, а они, как будто бы чего-то еще дожидаясь, и не думали уходить от стен Константинополя.

Может быть так все бы и шло, но в это время вернулся в Византию порфирогенет с частью войск, бывших до того на границе Персии.

Впрочем возвращение императора несколько не изменило положение дел. Варяго-россы по прежнему были страшны Византии...

Приходилось изыскивать новые способы защиты.

В становище варягов посланы были разведчики, которые, вернувшись, рассказали, что киевские князья затевают послать посольство к императору Михаилу.

— Они чувствуют себя достаточно сильными! — воскликнул Вардас, когда узнал об этом. — Чудо не произвело на них впечатления.

— Тогда что же мы должны предпринять по твоему мнению? — спросил у больного правителя как у старшего Василий Македонянин.

— Прежде всего обезопасить Константинополь от нового нападения.

— Нового чуда так скоро вряд ли можно ожидать даже со стороны милостивых к нам небес! — заметил от себя Фотий.

— Ты прав, чудеса бывают редко! — воскликнул Вардас. — Теперь варяги будут поосторожнее и, заметив приближение новой бури, постараются укрыться сами и укрыть свои суда.

— Это так! — сказал Василий. — Но что же делать?

— Попробовать откупиться от них.

— Это — позор для Византии!

— Э! Что за позор! Напротив того, это — победа... Лучше дать им немного принадлежащего нам золота добровольно, чем они сами

придут и возьмут его силой...

— Но все-таки следует узнать, чего они добиваются, и что они хотят передать нам через своих послов.

Василий Македонянин, однако, узнал это скорее всех. Он, по своему обыкновению, все свое свободное время проводил на форуме в народных толпах, только очень редко узнававших его, а потому всегда откровенных. Однажды при посещении форума, внимание Василия было привлечено громкими радостными восклицаниями толпы, слушавшей кого-то, Василию невидимого.

Македонянин поспешил как всегда обратиться к рассказчику и сразу узнал в нем хорошо теперь ему известного Андрея-юродивого.

Он не видел его как раз с того времени, когда Андрей возвещал чудо в покое Фотия.

— Что говорит Беалос? — спросил он у своего ближайшего соседа.

— Беалос рассказывает о новом чуде, совершенном Пресвятой Девой.

— О каком чуде?

— Он часто бывает в становище варваров

и вот рассказывает, что сердце их князей смягчилось после той ужасной бури, и они готовы воспринять свет истины.

— Вот как! — удивился Македонянин.

Для него это сообщение было, действительно, очень приятной новостью. Он стал внимательно прислушиваться к словам Андрея.

— Спасение града св. Константина, — хрипло выкрикивал юродивый, — Всемогущий Бог избрал средством, чтобы просветить сердца, погрязшие во мраке невежества. Аскольд и Дир были поражены этой бурей. Они чувствуют Бога и посылают к императору своих людей за разрешением познать тайны Всемогущего Божества... Разве это — не новое чудо Пресвятой Девы?

— Откуда ты знаешь это, Андрей? — выступил Василий Македонянин.

— Это — ты, Македонянин? — воскликнул юродивый, как будто обрадованный появлением правителя. — Пойди и возвести императору, правителю и патриарху о том, что ты здесь слышал... Сам Бог привел тебя сюда... Сердца варваров смягчились... Если они про-

светятся светом истины, то и вся их страна примет христианскую веру... А это будет третьим чудом Пресвятой Владычицы Небесной.

Когда толпа узнала Василия, всюду раздались крики восторга. Василия, как известно, очень любили в Константинополе, видя в нем такого правителя, в каком давно уже нуждалась столица Византия.

Воодушевленная толпа почтительно расступилась перед ним, когда он, взяв под руку юродивого и отвечая на поклоны и приветствия, отправился вместе с ним к императорскому дворцу.

— Вот, великолепно, — вводя Андрея в покои Вардаса, проговорил он, — этот тебе уже известный человек говорит чудные вещи. Он рассказывает, что варяги, придя на Византию врагами, уйдут покорными ее детьми.

— Я этого ждал! — с просветлевшей улыбкой отозвался Вардас. — Это для их простых детских сердец должно быть прямым последствием совершившегося чуда... Расскажи мне, Божий человек, что ты видел и слышал во вражеском становище?

Андрей, оставив свой обычный тон, спо-

койно рассказал Вардасу обо всем, чему он был свидетелем в стане пришельцев.

В это время, по зову Василия Македонянина, в палаты Вардаса прибыл и Фотий.

Андрей приветствовал его как патриарха и подошел под его благословение. Фотий с не меньшим вниманием, чем Вардас, выслушал рассказ юродивого.

— Да, милость Божия над нами! — произнес он, когда Андрей умолк. — Через этих князей и все жители этой страны соединятся с нами в вере нашей. — И тогда уже над Византией не будет грозы с берегов Днепра.

— Напротив того, ее имя будет славно и среди варварского народа, — поддержал Василий. — Кто знает, может быть все эти страны признают власть нашего императора?

— Вряд ли, — перебил его Вардас, — они этого никогда не сделают, но с нас довольно и того, что, став нам единоверными, они прекратят свои нападения на нас... Только нам следует не отталкивать их, а встретить с великою ласкою и почетом, поразить их нашим великолепием, показать им храмы и еще раз убедить, что сами силы небесные за народ ви-

зантыйский.

На этом совещание кончилось.

Когда киевские князья прислали спросить, будут ли они допущены в Константинополь, их посланные были обласканы, щедро одарены и отпущены не только с разрешением, но даже приглашением к киевским князьям посетить столицу Византии.

5. ПЕРВЫЕ ВАРЯГИ В ВИЗАНТИИ

Совсем не так, как предполагалось раньше, вступили киевские князья с малым числом своей дружины в царственный город.

Вместо победного, их шествие походило скорее на покаянное.

Прежде всего с ними было допущено очень малое число дружинников. Правители Константинополя все-таки не на шутку побаивались своих полудиких гостей, так еще недавно бывших врагами. Всего только один струг с князьями и оставшимися в живых из их приближенных был впущен в Золотой Рог. Затем самые одежды князей вовсе не соответствовали их положению: у них все погибло во время бури, а по условию все гости должны

были явиться без всяких признаков вооружения. Одежды же их не отличались ни пышностью, не великолепием, и, в сравнении даже с одеждами дворцовых слуг, одеяние князей казалось жалким и убогим.

Да и струг их шел как будто под конвоем... Со всех сторон его окружали суда с воинами императорской гвардии.

Посланные из Византии убедили Аскольда и Дира, что это со стороны императора является знаком особенного к ним почета.

Не о таком шествии на покоренную Византию мечтал оставшийся в Киеве Всеслав... Он думал, что его князя и их сторонники купаются в крови побежденного и разгромленного ими эллинского града, и вдруг вместо этого киевские князя сами идут чуть ли не с просьбой о помиловании...

Хорошо, что ничего этого не знал Всеслав...

Зато прием вышел, действительно, великолепным.

По установившемуся этикету князьям только показали императора.

Когда их струг прибыл к роскошно убранной пристани, князя встречены были Васи-

лием Македонянином и духовенством ближайшей к берегу дворцовой церкви.

— Добро пожаловать к нам, дорогие гости! — приветствовал их Василий. — Шли вы на нас с мечом и смертью, но Заступник наш Всесильный помог нам, и вот мы, не питая к вам никакого зла, готовимся принять вас как друзей... Он первый поклонился князьям. Те, в свою очередь, отвечали ему также низким поклоном.

— Ратное счастье изменчиво, — отвечал Василию Аскольд, — сегодня победил ваш Бог, завтра победим мы.

— Не говори так, вождь. Когда ты в наших храмах увидишь все величие нашего невидимого Бога, ты поймешь безумие твоих слов... Но не будем теперь говорить об этом, пойдем — наш всемилостивейший император желает видеть вас, храбрых славянских богатырей...

Он встал в середину между названными братьями и, задушевно и ласково разговаривая с ними, пошел по устланному сукном пути к входу в императорский дворец.

Другие придворные поступили так же в от-

ношении прибывших с князьями их приближенных. Шествие растянулось на довольно большое расстояние.

С любопытством глядели варяги на все вокруг себя. Все этим детям днепровских полей и суровых фиордов Скандинавии казалось здесь интересным, новым. Великолепные, богато разукрашенные дворцы, сверкающие позолотой своих куполов храмы, толпа восторженно кричащего при виде Василия народа по обеим сторонам шествия, наконец, великолепие уборов на встречавших их придворных — все это и поражало их, и наполняло их сердца необъяснимым для них самих смущением.

Но вот они во дворце. Искусственные рычащие львы привели их в трепет, убранство палат вызвало у них крики восторга и восхищения. Все здесь им было ново, все ими никогда не было видано, и, независимо от самих себя, они ощущали почтение и восторг к этому городу, к этим людям. Михаил-порфирогенет встретил киевских князей, сидя на необыкновенно высоком троне. По настояниям патриарха он воздержался от оргии и был,

вопреки своему обыкновению, трезв. Он весь сверкал золотом и драгоценными камнями. Драгоценностей на нем было так много, что все окружающие его придворные совсем бледнели перед ним.

Когда драгоман ввел князей, те почувствовали, что какая-то неведомая сила заставляет их преклониться пред этим, казавшимся им таким величественным, владыкой.

Оба князя, не отдавая себе отчета, что они делают, пали пред императором на колени.

Но это дивное для них видение продолжалось всего несколько мгновений... При константинопольском дворе только ослепляли послов блеском императорской особы, но дать возможность приглядеться к нему было не в расчетах византийских хитрецов. Они всегда рассчитывали только на одно первое впечатление, и, в отношении тех народов, которых они считали варварами, этот расчет всегда оправдывался.

Трон с императором был мгновенно скрыт. Князья могли только мельком заметить, что он унесся куда-то вверх.

Они были изумлены, но Василий, накло-

нясь к уху Аскольда, прошептал:

— Вы, вожди, удостоились зреть царя земного, теперь удостоитесь увидеть Царя Небесного...

Не пришедшие в себя от изумления варяги с не меньшей торжественностью были уведены из императорского дворца в храм св. Софии.

То, что увидали они там, навсегда осталось потом в их памяти.

Служил сам Фотий.

Глаза варягов в полутьме могли различить только волны фимиама, струившиеся от алтаря. Среди них они, как сквозь дымку, замечали какие-то фигуры, казавшиеся им тенями небожителей.

— Велик Бог христианский! — воскликнул Аскольд, пораженный всем увиденным им.

— Велик, велик! — как эхо повторили за ним все варяги...

А когда, отвечая на возгласы священнослужителя, откуда-то с высоты храма запел незримый хор, не удержался и Дир.

— Так поют только в Валгалле! — в сладком восторге проговорил он.

6. РАДОСТНОЕ СВИДАНИЕ

Потрясенные до глубины души вышли князь и их спутники из храма св. Софии. Они молчали, не зная, что думать, что делать. Благоговейный восторг овладел всем их существом. Им хотелось плакать от умиления, хотелось прославлять этого Невидимого Бога, и в то же время они чувствовали, что должны во что бы то ни стало сохранить свое достоинство...

— Теперь, славные витязи, — услышали они вкрадчивый голос Василия, — после того, как вы вкусили пищу духовную, прошу вас в покои императора, где вы найдете пищу для вашего тела.

— Можно ли думать о пире после всего виданного нами? — воскликнул Аскольд.

— Что ты хочешь сказать, витязь?

— Хочу сказать, что чувствую...

— Говори же, мы слушаем тебя...

— Но я боюсь осуждения вашего... Мы, норманны, умеем говорить только то, что думаем.

— Нам Бог запрещает осуждение... Он про-

поведовал любовь даже к врагу. — Даже ко врагу? — задумчиво проговорил князь. — А наш Один и славянский Перун... Но что я хотел сказать?... Я скажу только, что я понял теперь причины этой страшной бури. Нет сомнения, Бог, которому вы служите, заступился за вас. До сих пор я в этом сомневался, но теперь я верую этому.

— И веруй! Благо тебе будет! После я дам тебе возможность беседовать с первосвященником нашего Бога, и ты услышишь то, что, как я вижу, жаждет познать душа твоя.

Князей снова провели во дворец. Там в одном из больших, светлых покоев был приготовлен для угощений обильный самыми утонченными яствами стол.

Перед тем, как с таким торжеством принять варягов, состоялось еще одно тайное совещание. На нем был возбужден вопрос о том, что не лучше ли разом избавиться от варяжских вождей, прибегнув к излюбленному византийскому средству — отраве. Без них и остатки варяжской дружины, спланивавшаяся только вокруг своих князей, являлись жалким сбродом, разогнать который рискнули

бы даже изнеженные императорские гвардейцы. Но против этого плана восстал Вардас, Фотий и Василий Македонянин.

Они как будто видели будущее.

— Эти люди и так нам теперь не страшны, — говорили они, — а, возвратясь на родину, они принесут весть о чуде, и Византия приобретет в них верных слуг, а не врагов, какими они были нам доселе.

Мнение это восторжествовало, и князья не были отравлены.

Василий готовил им еще радость...

Когда стол был кончен, он попросил князей к себе в свои палаты.

— Вы увидите там нечто такое, что доставит вам большую радость, — предупредил он их.

Но после всего пережитого в этот день Аскольд и Дир остались безучастными к этому предупреждению.

Какая радость могла их еще ждать?

Они последовали за Василием, дружина же их осталась в столовом покое, где им в изобилии поданы были крепкие вина, являвшиеся для этих детей природы, в полном

смысле слова, новинкою...

Приведя их к себе, Василий оставил князей одних, а сам удалился.

— Что ты скажешь, Дир? — спросил брата Аскольд.

— Скажу, что все виденное нами непонятно... Знаешь, мы одни, и я могу говорить откровенно... Как хорошо было бы, если бы этот Невидимый Бог был и у нас в Киеве!

— Я сам думаю о том же... — со вздохом вымолвил Аскольд.

Шорох в дверях отвлек от разговора их внимание. Не успели они обернуться на него, как крик радости вырвался из их груди:

— Изок!

Князья кинулись к вошедшему в покой и протягивавшему свои руки юноше. — Князья, князья! Вот и мы свиделись вновь! — кричал он.

— Мы думали, что ты погиб...

— Нет, византийцы пощадили меня... Этим я обязан Василию.

— Какому?

— Вы его видели; это — тот, который привел вас сюда.

— Не мне ты обязан, юноша, — слышался голос Македонянина, — а самому себе, своему честному сердцу. Зная, что тебя здесь ждет смерть, ты все-таки не решился изменить твоей клятве и пришел, как обещал, обратно. Чья бы рука поднялась на тебя? А вы, князья, примите его в свои объятия точно так же, как и сестру его...

Он слегка подтолкнул вперед Ирину, смущенную и зардевшуюся.

С удивлением глядел на появившуюся перед ним девушку Аскольд, Киевский князь был поражен ее появлением и, едва увидя ее, воскликнул:

— Зоя!

Ирина была замечательно похожа на сестру своего отца...

— Зоя, ты воскресла из мертвых и пришла ко мне! — воскликнул Аскольд. — Я — не Зоя, а Ирина, — прошептала в невольном смущении девушка.

— Ее лицо, ее голос, ее движения... Что это? Новое чудо?... Скажи же мне, византиец, скажи, прошу тебя, как понять это?

— Увы, храбрый витязь! Это — не Зоя... Но

она, действительно, похожа на нее... В этом надо видеть перст Божий... Он знает все и приводит нас через множество испытаний к тому, что нам самим кажется недостижимым... Это видно по тебе... Смирись перед Ним и уверуй в Него!... Он будет тебе помогать так же, как помог Византии...

— Верую... — прошептал в ответ на эти слова чуть слышно Аскольд.

7. МИЛЫЙ ОБРАЗ

Аскольд не помнил себя в своем волнении. Он краснел, бледнел, не знал, что и сказать, — слова не приходили ему на язык, и он думал в эти мгновенья только одно, что перед ним стоит вовсе не Ирина, сестра Изока и дочь его любимца Всеслава, а Зоя, его милая Зоя...

Василий заметил, какое впечатление произвело на киевских князей появление этой девушки, и решил воспользоваться им с большей выгодой для своей страны.

— Отдай мне ее, отдай, византиец, — заговорил, наконец, весь трепеща от охватившего его волнения, Аскольд. — Дир, посмотри, как

она похожа на мою несчастную невесту...

— Да, и я бы принял ее за Зою...

— Ты подтверждаешь, что я говорю? Благодарю тебя! Отдай мне ее, византиец!

Македонянин отрицательно покачал головой.

— Что? — воскликнул Аскольд.

— Ты очень поспешен!... Такие дела так скоро никогда не делаются...

— Но я молю тебя!

— Напрасно!... Что я? У меня есть император, который только один может решить это дело.

— Идем к нему!

— И этого нельзя... Невозможно видеть императора всегда, как только пожелаешь... Он не допустит теперь ни меня, ни тебя перед свое светлое лицо...

Аскольд весь поник.

— Что же делать? — прошептал он.

— Ждать!

Изок и Ирина, присутствовавшие при этой сцене, смутно понимали ее. Они видели, что речь идет именно о них, но в чем дело, этого они не могли постигнуть. Ирина с удоволь-

ствием глядела на красивого варяга. Из слов брата, сказанных ей шепотом, она поняла, что это именно и есть тот самый князь, о котором она столько раз слышала от него. Женское любопытство сказалось в ней. В Аскольде она видела героя, героя ее родины, избавителя родного народа от ига хазар. Но что он хочет? О чем он молит этого доброго Василия, и зачем этот Василий на все его мольбы только отрицательно качает головой?...

— Василий, скажи мне, я чувствую, что речь касается меня, — заговорила она, — скажи же мне, что ему нужно?

— Видишь ли, дитя мое, — ответил Василий, — тут говорят действительно о тебе, и речь идет очень серьезная... Я затрудняюсь тебе сказать... Но, если ты ответишь мне на некоторые вопросы правдиво, искренно, как подскажет твое сердце, тогда и я встану на твою сторону и помогу тебе поступить по твоему желанию... Будешь ли ты мне отвечать по сердцу?

— Буду, говори!

— Сейчас... А вы, князья, слушайте, запомните ее слова и потом решите сами, что де-

Лать.

Он на минуту смолк, потом обратился к Ирине с вопросом:

— Дитя мое, веруешь ты во Христа?

— Верую! — было ответом.

— И не отвергнешь его?

— Никогда!

— Даже если бы это лишило тебя всего счастья, которое суждено тебе на этом свете?

— Даже и тогда!... Что счастье земное, если нас в будущей нашей жизни ждет лучшее счастье — небесное!

— Я ожидал этих ответов, дитя мое... Благодарю тебя, но теперь я скажу тебе вот что: любила ли или любишь ли ты кого?

Личико Ирины вспыхнуло ярким пламенем. Всего еще за несколько мгновений до этого она смело бы ответила на этот вопрос отрицанием, но теперь она смутилась и ничего сказать не могла...

— Хорошо, не отвечай, — заметив ее смущение, сказал Василий. — Но вот что: если бы язычник предлагал тебе свою любовь, и ты бы сама полюбила его, решила бы ты стать его женой?

— Да, если бы он принял святое крещение.

— А если нет...

— Я бы умерла, но отказалась он него...

— Слышишь, князь?... Спасибо тебе за эти ответы! Теперь я скажу, что речь действительно шла о тебе. Вот этот человек, он — вождь храброго славянского народа, хочет взять тебя своей женой; правда это, Аскольд?

— Да, — глухо подтвердил киевский князь.

— Я слышал твой ответ. Этот человек, Ирина, — язычник; что ты ответишь ему?

— Пусть он станет христианином, и я буду ему верной подругой на всю жизнь.

— Слышишь, князь! Теперь, Ирина, удались в свои покои... Изок, поди с ней...

Или нет, предложи молодому витязю, — Македонянин указал на Дира, — пройтись по императорскому саду, мы же здесь поговорим с его братом.

Изок поспешил повиноваться Василию, и Дир, со своей стороны, не нашел предлога к отказу. Он понимал, что между этим византийцем и его названным братом должен произойти серьезный разговор.

Они ушли. Василий и Аскольд остались од-

ни.

— Ты все слышал, князь? Ведь не наложишь, а женой своей хочешь взять ты эту девушку? — заговорил первым Василий.

— Да, женой! — воскликнул Аскольд. — Вы сами отняли у меня Зою и должны мне теперь отдать ее назад... Да, должны...

— Но ты слышал, что она сама тебе здесь сказала?

— Слышал!

— Она — христианка и может стать только женой христианина...

— Что же из того?

— Как что? В этом все... Я не могу тебя понять, — уж не слеп ли ты? Бог столько раз показывал тебе Себя в явных чудесах, и ты до сих пор еще не решаешься обратиться к Нему...

— Я уже сказал, что я уверовал в Него!

— Этого мало!

— Что же еще?

— Крестись!

Аскольд ничего не ответил и только поник своей могучей головой...

8. ПАТРИАРШЕЕ ВРАЗУМЛЕНИЕ

Тотчас же весь этот разговор стал известным Вардасу и патриарху. И тот, и другой вполне сошлись во мнении с Василием, что таким путем само Небо хочет подчинить Византии столь страшного врага, как славяне.

— Сильны пути любви, — хитро улыбаясь, сказал Вардас, — посредством этой женщины мы всех славян будем держать в полной покорности...

— Да, судьбы Божьи неисповедимы, — согласился Фотий, — но я вижу еще дальше... Всем вам известно, что образовалось два славянских государства: одно — на севере, на озере, которое по-славянски называется Ильмень, другое — на Днепре. Северные варяго-россы грубы, свирепы, нрав их неукротим, и борьба с ними была бы очень трудна. Теперь и они для нас безопасны. Если между Византией и киевскими варягами установится прочная связь, то нам нечего бояться северных. Киевские варяго-россы станут первым оплотом Византии, и они никогда не допустят своих ильменских соплеменников до нас.

— Ты прав, блаженный! — воскликнул Василий. — Но тогда что же отдать в жены девочку этому варвару?

— Только если он примет крещение по обрядам нашей веры...

— Он примет!

— Тем лучше для него...

— Но эта... Ирина, ты говоришь? Какова она? Будет ли она предана интересам Византии? — спросил Македонянина Вардас.

— Насколько я знаю ее, она скромна, честна, она воспиталась здесь, и город Константинополь стал ей родиной. Как все славянки, она несколько упряма, но это только может вести к нашей выгоде.

— Тогда действуй в этом направлении, но прежде всего я хочу видеть обоих вождей варваров, — сказал Фотий. — Я увижу, насколько их сердца приготовлены для принятия света истины.

А те сердца, о которых говорил патриарх, по крайней мере сердце Аскольда, только и жаждали, чтобы поскорее этот свет озарил их...

Они так наводновались за это время, что,

не веруя еще на словах, уже веровали в глубине своей души. Они часто бывали в христианских храмах, и всегда богослужение производило на них сильное впечатление. И Аскольду, и Диру всегда казалось, что в облаках фимиама над бескровным жертвенником всегда витает Бог христиан, Бог — перед которым ничто и Один, и Тор, и Перун славянский...

Свидание с патриархом, подготовленное вскоре Василием, застигло их чуть ли не врасплох.

Когда они были введены к Фотию, то патриарх был окружен такой пышностью и великолепием, что простодушные норманны пали пред ним ниц.

— Встаньте, — сказал им Фотий, — поклоняйтесь Единому Богу, я же -недостойный и смиренный служитель Его здесь на земле!... Призвал я вас, чтобы говорить с вами. Слышал я уже от многих теперь, что смягчились сердца ваши, и желаете вы познать истинную веру в Бога живого... Отвечайте, правда ли это?

— Правда, — твердо ответил Аскольд.

— Да, правда... — не так твердо, но все-та-

ки подтвердил его слова Дир.

— Вы радуете меня, и на небесах радость... Проследите, как Небо вело вас к истине: ты, витязь, — обратился патриарх к Аскольду, — потерял свою невесту, ты был в горе, тоске и отчаянии, но Небо в громе, молнии, вихре и буре сперва показало вам свою силу, разметав вас по морским волнам, а потом и оказало тебе милость, приведя тебя к той, которая кажется тебе как бы вставшей из мертвых твоей невестой... Правду ли я говорю вам, отвечайте?

Оба князя ответили утвердительно.

— Я рад этому, — продолжал патриарх, — но если вы познаете истину, то должны забыть все ваше прошлое. Вы должны вновь родиться и стать другими людьми. Вы должны возлюбить ближнего, как самого себя, забыть про битвы, про войны и быть готовыми лучше самим умереть, чем пролить кровь брата вашего...

Голос Фотия звучал необыкновенной торжественностью.

Тон его то был настолько мягок, что проникал прямо в душу, то вдруг становился

строгим и даже грозным, заставляя варяжских князей вздрагивать всем своим телом.

Они слушали патриарха как в забытьи, тот же все говорил и говорил, наставляя их в правилах новой веры...

Вдруг его вопрос вывел князей из их томительного полузабытья.

— Отвечайте! Готовы ли вы креститься? — громко и строго спросил патриарх.

— Готовы! — в один голос отвечали князья.

— И не отступите от этого решения?

— Нет!

— Тогда примите мое благословение, и вы будете скоро причислены к Христову стаду, заблудшими овцами которого вы были доселе...

Он встал с своего трона и преподал благословение благоговейно склонившимся перед ним киевским князьям.

9. ОЗАРЕННЫЕ СВЕТОМ ИСТИНЫ

В становище варягов узнали, что задумали их князя, но там почти безвыходно был Андрей-юродивый. Он, не умолкая, твердил о свершившемся чуде остаткам княжеской дружины и сумел вселить в сердца суеверных людей такое почтение к Невидимому Богу византийцев, что они не только не роптали на то, что князя их готовились переменить свою веру, но даже одобряли их, рассчитывая, что тогда Бог христиан будет им таким же защитником, как и византийцам.

— Пусть князя меняют веру, — толковали в становище, — все равно они не нашему Перуну молились.

— Как так?

— Да так, они своего Одина к нам принесли.

— То-то Один и помог им...

— А Бог христиан, может быть, и поможет...

Итак, и с этой стороны намерение Аскольда и Дира принять христианство не встречало никаких препятствий.

Да они и не особенно заботились об этом.

Оба князя были увлечены важным шагом в своей жизни. Дир к принятию христианства относился с таким же пылом, как и Аскольд. Он сочувствовал Аскольду в его новой любви и уже ради того, чтобы его названный брат был счастлив, готов был сделать, что угодно.

Князья готовились к принятию христианства под руководством особо назначенных для того Фотием священников. Мягкие их души давно уже были готовы к восприятию нового вероучения, и они охотно внимали всему, что говорили им наставники. Да, впрочем, многое из этого и Аскольд, и Дир слышали уже ранее, еще в то время, когда ходили вместе с викингами на франков и саксов; там тоже говорили об этом невидимом, но всеильном Божестве; они припомнили, как ради этого Божества их непобедимый Рюрик отказался от мести своему заклятому врагу.

Они, конечно, совершенно незнакомы были с догматами христианства и плохо понимали, зачем их вероучители настаивали на том или другом, заставляли их запоминать форму, независимо от скрывавшегося за ней

смысла. Они не знали, что именно форма повела к разлучению Запада с Востоком... Но, как бы то ни было, приготовления к совершению св. Таинства быстро шли вперед, и Аскольд с Диром день ото дня становились тверже в устоях христианства.

В промежутках между занятий Аскольд несколько раз видел, правда, на самое короткое время Ирину и, чем ближе он вглядывался в нее, тем все более и более поражался ее сходством с несчастной Зоей.

Теперь он и сам думал, что это судьба влекла его к стенам Византии, и, постигая это, он все более и более убеждался, что здесь виден перст Божий.

"Если бы мы взяли город и сожгли его, я никогда не увидел бы Ирины, -размышлял Аскольд. — Эта буря остановила нас, и вот я знаю ее, вижу и жду, наконец, счастья..."

Когда Фотию сообщили, что князья достаточно подготовились к принятию св. Крещения, он назначил день для совершения св. Таинства.

Сам император был восприемником у новокрещаемых.

Михаил, конечно, не явился лично, его заместителями были одни из самых высших придворных...

Итак, Аскольд и Дир стали христианами. От этой новой победы, от которой теперь ждали очень и очень многого, возликовал весь Константинополь.

В императорском дворце дан был пир. Дир присутствовал на нем с такой же непринужденностью, как и на пирах в самом Киеве, но Аскольд дождаться не мог, когда ему удастся переговорить с Василием.

Наконец этот случай представился.

— Вот Василий, я и брат мой стали христианами, — сказал он ему.

— Я могу только радоваться за вас.

— Но ты помнишь, о чем мы говорили с тобой?

— О чем?

— Об Ирине.

— Как же! Помню! Ты можешь взять ее своей женой.

— Но пойдет ли она?

— А об этом ты спроси у нее сам.

Сердце Аскольда так и забилося от внезап-

ного волнения.

Он даже растерялся...

— Где же я увижу ее?...

— Погоди немного...

Василий вышел.

Киевский князь в великом смущении ждал, что будет. Должна была так или иначе решиться его судьба. Мгновения тянулись для него несказанно долго. Ему казалось, что он слышит биение своего собственного сердца... Наконец он услышал легкие шаги Ирины.

— Ты...

Наконец!... — прошептал он. — Знаешь ли, я — христианин!

— Знаю, княже, и радуюсь за тебя.

— А за себя? — наклонясь к ней, тихо спросил Аскольд.

— И за себя также, — вся зардевшись, отвечала молодая девушка.

Князь привлек ее к себе — она не сопротивлялась.

10. ВИЗАНТИЙСКИЕ ЦЕПИ

Снова Аскольд переживал счастливое время любви...

Это было уже не то бурно чувство, полное неисчислимых мук, только мимолетных проблесков счастья, которое переживал он в Киве, нет, это была кроткая, все умиротворяющая, все смягчающая любовь, тихая, покойная, постоянная...

Аскольд чувствовал, что он не только любим, но и любим... Ирина, по присущей славянкам скромности, не выказывала ему прямо своих чувств, но по ее взглядам, по тону голоса Аскольд видел, что чувства его разделены, что его сердцу отвечает другое сердце, и другая жизнь полна только им одним... А, между тем, если бы он не был так поглощен своей любовью, то наверное заметил бы, как это заметил Дир, что их пребывание в столице Византии обратилось в какой-то плен...

Правда, оба князя и их приближенные были на свободе, но, увы, это была свобода птицы в клетке. В клетке птичка порхает, находит себе корм, но выйти за ее пределы для

нее невозможно...

Также было с киевскими князьями.

Пока они были в Константинополе, им ни одного раза не удалось побыть среди своих. Не однажды собирались они в свое становище, но Василий Македонянин под разными предлогами отговаривал их или, лучше сказать, удерживал.

И князья оставались.

А, между тем, остатки дружины уже пришли в себя, опомнились от перенесенного потрясения, число их несколько увеличилось собравшимися с разных сторон товарищами, случайно спасшимися от гибели.

Вместе с этим, пришедшие в себя после погрома варяги почувствовали свою силу.

Почувствовали и заволновались...

— Чего это наших князей держат? — кричали в становище.

— В гости позвали, а назад не отпускают!...

— Мы без князей все равно что без головы — не знаем, уходить нам или здесь оставаться.

— Здесь — так, пожалуй, с голоду вспухнешь!

— Так пойдём на Днепр — там хлеба вволю.

— Как пойдём? А князя-то?

— А чего они там сидят?

— Да, может, их не пускают?

— Тогда пойдём и вызволим! Вернёмся без князей — нам позор во веки веков будет!

— Вызволим, вызволим!

— И в Византии позабавимся, душеньку отведем!...

Раздалось бряцание оружия, крики становились все громче и громче, струги приводились в порядок.

В Константинополе испугались снова не на шутку.

Все сведения из становища доходили туда немедленно, и, как ни мало было варягов, нападение их могло наделать множество бед, даже в том случае, если бы сами обитатели Константинополя истребили всех этих полудикарей.

— Чего вы медлите? — говорил Фотий. — Мы добились своего: эти вожди славянского рода приняли крещение, ну, и пусть идут обратно к себе! Отдайте старшему в жены эту

девочку, вразумив ее предварительно в том, что она должна заставить весь народ креститься... Отпустите скорее их.

— А Изок?

— Что он?

— Он не желает принимать Христовой веры...

— И те варяги, которые в становище, тоже продолжают веровать своему Перуну, — что же из этого? Ну, удержите этого юношу заложником...

Совет патриарха, особенно ввиду происшедшего в варяжском становище, был принят, как спасительный.

Василию Македонянину пришлось вести новые переговоры с киевскими князьями.

Он повел дело, как всегда, весьма тонко, заботясь только о выгодах своего отечества, но обставляя это так, что эти своекорыстные заботы всегда казались чрезвычайно выгодными для противной договаривающейся стороны.

— Князья мои дорогие, — говорил он Аскольду и Диру, когда первый, по его мнению, был достаточно уже истомлен неопределен-

ностью своих отношений к страстно любимой им Ирине, — князя дорогие! Вот узнали вы веру Христову, что вы думаете делать теперь?

— В Киев бы! — с тоскою ответил Дир.

— Я думаю то же! Вы теперь счастливы — христиане, зачем же оставлять народ ваш во мраке невежества... Вы должны поделиться с ним своим счастьем... И его просветить великим светом христианского учения!

— Отпустите нас, и мы пойдем, — снова заговорил Дир.

— Я без Ирины не пойду! — мрачно вымолвил Аскольд.

— Без Ирины! Кто тебе сказал, князь? Но, прежде чем говорить об Ирине, мы поговорим о деле. Ты сам видел величие Византии, сам дивился ему, видел, что не только земные, но и небесные силы защищают ее. Думаешь ли ты бороться с ней и теперь, сам став христианином? Неужели ты решишься идти на этот город как враг, вести с собой полчища варваров, чтобы разорить этот город и воспользоваться его жалкими богатствами, которых и без того у тебя много? Я думаю — нет! А

если другие варвары осмелятся пойти с такими же целями, или просто граду св. Константина понадобятся воины храбрые, готовые защитить его, разве ты не дашь нам своих? Этим ты только прославишь свое имя... А если твои соплеменники с Ильменя вздумают пойти на нас войной, разве ты не преградишь им путь, не ляжешь сам на поле брани, спасая св. Город? Скажи, готов ты исполнить это?

— Исполню! — глухо ответил Аскольд.

— Все?

— Да!

— И за народ свой ручаешься?

— И за народ!

— Тогда мы напишем все это на хартии и заключим на веки ненарушимый договор. Согласен?...

— А что я получу за это? — спросил Аскольд.

Василий несколько мгновений поглядел на него, потом ответил только одно слово:

— Ирину!

11. ДОМОЙ

Никогда еще такого выгодного договора, как на этот раз, не заключали византийские правители. Без всяких затрат со своей стороны они ограждали себя, приобретали союзника и какого еще! — который готов был ценою своего собственного существования защищать целостность пределов государства, ровно ничего для него не значащего, государства, которое всегда само могло стать его добычей.

Никто из правителей Византии не сомневался, что со стороны славян этот договор свято будет соблюден.

Сами не признававшие никаких принципов чести, византийцы свято верили в честность других.

Лишь только договор был заключен, Аскольда и Дира немедленно отпустили в становище их дружины. Теперь их бояться было нечего, напротив, они могли принести еще пользу, успокоив своим появлением волновавшихся варягов.

Князья успели как раз.

Терпение варягов истощилось, и они уже решили нагрянуть на Константинополь, чтобы вызволить своих князей.

Их появление было встречено громкими криками радости.

— Князья, князья! Слава Перуну! — слышались со всех сторон.

— А мы уж тебя выручать хотели идти!

— Разнесли бы мы это гнездо!...

— Говорят, ты крестился?

— Что же? На то твоя воля! Их Бог и нам через тебя помогать станет. Уж покажем мы им с Его помощью себя!... Он-то нас бурей, а ты Его попросишь, как опять придем сюда, чтобы Он их огнем!

— Важно будет!

Аскольда и Дира обрадовали эти проявления преданности. Они поняли, что связь между ними и их дружиной не прервалась. Направляясь сюда, они не знали, как объяснить дружине свой переход в христианство, но это, ввиду настроения дружины, решилось само собой.

Дав стихнуть восторгам, Аскольд первый заговорил со своей дружиной.

— Товарищи и друзья! — громко заговорил он. — Действительно, и я, и брат мой — теперь христиане; отчего бы и вам не познать это учение вместе с нами? В этом учении истина...

— Нет, нет! — раздались крики. — Вы — князья, ваша воля, а мы стоим за Перуна, за веселого Леля. Они с нашими отцами были, пусть и с нами останутся... Не хотим других!...

Аскольд понял, что он не о том повел речь. Не была еще достаточно подготовлена почва среди этих людей к восприятию истин христианского учения.

— Я только предложил, а каждый волен поступать, как желает, — сказал князь. — Но вот что я приказываю вам: собирайтесь все немедленно: мы скоро, очень скоро, через несколько дней пойдем все домой, в наш родимый Киев.

— В Киев, в Киев, домой, домой! — раздалось вокруг князей, и голоса звучали не менее радостно, чем прежде.

— Пора, княже, — выступил один из старейших дружинников, — пора... Заждались, я чай, нас дома... Туда, поди, и вести уже о на-

шей беде дошли! Да что беда! Не люди нас победили ведь... Так нам домой не стыдно вернуться... Только бы поскорее, княже!

— Верю тебе, старик, заскучал ты! — проговорил князь. — Тогда собирайтесь в путь-дорогу.

— А вы, князья?

— С вами же! Только вернемся мы ненадолго в этот город — не все дела покончены...

— Твое дело...

А что... Нам нельзя туда?... Там, говорят, поживиться есть чем...

— И думать не смейте об этом!... — вне себя закричал Аскольд. — Мало вам беды, так еще понадобилось!... А если только осмелитесь, не считайте меня князем, уйду от вас, и Дир со мной!... Идите домой одни, как хотите, князей своих бросив...

— Зачем же? Из послушания твоего мы не выйдем, что приказываешь — все по-твоему будет! Иди с миром в свою Византию, возвращайся только скорее да веди нас домой...

Князья поспешили вернуться обратно.

Прошло еще несколько дней, и варяги оставили берега, где постигло их несчастье.

Византийские правители, чтобы задобрить на будущее этих нагнавших на них такой ужас воинов, всех щедро одарили.

Никто не возвращался с пустыми руками, хотя и не с такой по количеству добычей предполагали вернуться варяги, идя в поход.

Только князь их Аскольд вез добычу, которая более всего была ему по сердцу — жену молодую...

С грустью он поглядывал на возвращавшихся. Из ушедших с ним скандинавов не было почти что никого...

Ни Руара, ни Ингваря, ни Ингелота...

Никто не веселил возвращавшихся песнью: не было между ними и скальда Зигфрида.

Все они погибли во время ужасной бури.

Не было и Изока...

Византийцы задержали его как заложника и, на все просьбы князей отпустить его с ними, отвечали упорным отказом...

Не знали, не предвидели они, что этим своим упорством они накликают на себя новую грозу, да не такую еще, как пришлось пережить при Аскольде и Дире...

Грозу страшную, упорную, оставившую на вратах Константинополя неизгладимый след, а во всемирной народов истории никогда не исчезающую память...

12. НА ДНЕПРЕ СНОВА

Остатки флотилии еще только подходили к устью Днепра, а на берегах его уже было известно, что князья возвращаются...

И возвращаются не с долгожданной и желанной победой, а разбитые, уничтоженные, с сотнями, вместо ушедших в поход тысяч.

Плач и стон стояли на Днепре... Не было селенья, где бы не оплакивали ушедших и не возвратившихся.

Князей, впрочем, никто не обвинял. Всем было известно, при каких обстоятельствах потерпели они ужасное поражение.

— Что князья? Они, поди, и сами не рады...

— Чего радоваться-то?... Им других куда жалко!...

— Другие что? А князья ведь все...

— Да, конечно, все... Они — головы... Как-во им, чай, было смотреть, как их дружина гибнет ни за что, ни про что...

— Плакали, поди!...

О том, что князя переменяли веру, никто не говорил, Все считали это их личным, только их одних и касающимся делом.

Больше всего встречавших занимало известие, что князь Аскольд везет с собой на Днепр и молодую княгиню...

— Ишь, нашел время жениться! — упрекали князя.

— Да коли по сердцу пришлась...

— А все ж не время...

Вдруг пронеслось известие, что молодая княгиня — ни кто иная, как дочь оставшегося за князя в Киеве Всеслава.

— Вот оно что! — заговорили на Днепре. — Вот это так!

— Еще бы не так — своя!

— Своего корня, своего рода и племени...

— Ну, коли так, то сделал он хорошо, оженись на ней; чего ей в чужих землях было пропадать, пусть у своих покняжествует!...

Плач и стоны не прекращались: слишком уж многие не вернулись...

Слышал обо всем этом и Всеслав.

Слышал и думал глубокую думу.

«Вихрем там их разметало... Христианский Бог, говорят, против них пошел... Отчего это Он ни за франков, ни за скоттов, ни даже за славян самих никогда не заступался, а тут вдруг? Нет, что ни говори, а с Рюриком и с Олегом ничего подобного никогда бы не случилось... А тут — князья!... Пировать да к бабам ластиться — на это их станет, а воевать да врагов бить — нет их... Шутка ли — и дружина погибла, и струги потеряли, и сами с пустыми руками возвращаются! Где, и когда, и у кого это видано, слыхано?... Дружину потерять — в ратном деле мало ли что бывает, сегодня счастье за одних, завтра за других — так-то в честном бою, а тут без всякого боя... Подойти, стать и потерять все... С викингами ходили, а бури заметить и остеречься от нее не могли... Бури!... Когда ее каждый норманн носом чуют должен! А потом вдруг, накое, свою веру бросили и в чужую ударились. Кто говорит, может, эта вера хорошая — да и вернее всего, что хорошая, коли их Бог и Сам помогает, и бури насылает, а все же на отцовскую ее менять не приходится! И как менять-то! Потихоньку, одним!... Уж, если князь

признал, что чужая вера лучше своей, так объявил бы об этом своему народу, пошел бы с ним, завоевал ее, да вместе с народом и принял бы, а не так, тайно!» Всеслав был глубоко возмущен таким поступком князей.

Одно еще только пока примиряло его с ними — это то, что они должны были возвратить ему детей...

Он знал, что князь Аскольд женился на его дочери-христианке.

«Уж если дочь эту мне неведомую везет, так, значит, и Изок с ними», - говорил себе Всеслав, и морщины распрямлялись на его челе.

Киевский народ весь высыпал на берег Днепра встречать возвращавшегося князя.

Оба берега были затоплены народом.

Все ждали возвращения дружин с нетерпением, вполне понятным.

Вот, наконец, забелелись и паруса стругов.

Как их мало!

Столько уходило и столько вернулось!...

Вот и княжеский струг подходит к пристани.

Всеслав ждет князей, он волнуется.

На палубе княжеского струга рядом с Аскольдом он видит женщину в богатой византийской одежде, вылитую Зою.

«Это — твоя дочь», — шепчет Всеславу какой-то неведомый голос.

Дочь, а где же сын?

Напрасно отыскивает Всеслав сына, его нигде не было видно...

«Верно, Изок на другом каком судне», — успокоился витязь.

Князь, ведя под руку свою молодую княгиню, вышел на пристань; с обоих берегов Днепра загремело долго не умолкавшее приветствие.

— Ирина, — говорит Аскольд, указывая княгине на Всеслава, — вот отец твой!

С криком радости бросилась на грудь отцу молодая женщина, целует его, ласкает, и старый варяг сам не чувствует, как по щекам его потекли непрошенные слезы умиления.

Так радостна встреча.

— Где же Изок? — спросил Всеслав.

— Он остался в Византии, — поспешил ответить ему Дир.

— Зачем?

— Заложником!...

Нахмурился, потемнел весь Всеслав, но ни слова не сказал более...

И князя ничего не сказали.

В палатах князей, когда Аскольд рассказывал ему все происшедшее, он тоже упорно молчал, но когда тот кончил говорить, Всеслав поднял голову и как-то особенно спросил:

— Князь, а что же твоя клятва?

13. ЗАМЫСЛЫ ВСЕСЛАВА

Что мог ответить Всеславу на этот решительный вопрос Аскольд?

Византия осталась неприкосновенною, Изок не был возвращен отцу -клятва — страшная клятва осталась совершенно неисполненной...

Он только поник головой в ответ...

«Нет, не князя это, не князя», — подумал Всеслав, но ничего не сказал.

Аскольд, заметивший, что его любимец не думает возбуждать неприятного для него разговора, продолжал дальше свой рассказ.

Он очень подробно описал слушателям бо-

гатство и великолепие Константинополя и даже неосторожно поведал об его полнейшей незащитности от внешних врагов.

— Когда же ты поднимешь новый поход, княже? — выслушав его, спросил Всеслав.

— Больше никогда! — горячо воскликнул князь Аскольд.

— Как никогда?

— Так! Вечный мир будет теперь между Киевом и Византией.

— Вечный? — с изумлением переспросил князя его любимец.

— Да!

— Почему?

— Я заключил договор об этом.

— Не спросив народа?!

— Я — князь, и мне спрашивать не у кого! — гордо ответил Аскольд.

— Тогда расскажи мне, в чем твой договор с византийцами.

На это предложение Всеслава Аскольд согласился очень охотно.

Он не замедлил подробно передать содержание своего договора, но он был отуманен своей любовью, Всеслав же вполне владел

рассудком и сразу понял, что представляет собою подобный договор.

— Да что же ты это наделал, княже? — воскликнул он.

— Как что, я тебя не понимаю?

— Киев по этому договору стал верным рабом Византии, и сам ничего не выиграл... Что ты получил взамен того, что дал сам?

— Твою дочь Ирину!

— Что моя дочь! Она мне и любя, и дорога, да родина моя для меня гораздо дороже дочери! И ты будешь держаться этого договора?...

— Как же иначе?... Я поклялся в этом...

— Ты был ослеплен!

— Не тебе меня учить... Еще раз я говорю тебе, что я — князь...

Всеслав только тяжело вздохнул в ответ на это, но ничего не сказал.

«Не князья, не князья», — еще раз подумал он.

На этом разговор прекратился.

Когда Всеслав оставил князей и ушел к себе, много-много дум бродило в его голове.

Он приглядывался к Ирине.

Да, она, эта женщина, несомненно — его

дочь. В ней узнавал он черты свои и своей матери. Она походила как вылитая на Зою, но он не знал ее. Его сердце в отношении Ирины молчало. Она была ему как чужая. Да она, это видно, вся предана князю Аскольду... Что она ему, в самом деле? Она вернулась, а Изок там, томится в плену. Нового похода не будет. Это очевидно. Ведь и договор, позорный для славянства договор, заключен. Нет и надежды на то, чтобы, помимо князя, поднять поход. Из скандинавов в Киеве никого не осталось, а славяне за князей. Они не послушаются его, Всеслава, не пойдут за ним, как шли за своими князьями.

Стало быть, нечего и думать о походе...

Кто же тогда выручит из византийского плена Изока?

И тяжело стало на душе Всеслава.

Припомнилось ему прошлое и прежде всего вспомнился Ильмень...

Там княжит славный Рюрик, этот сокол, пред которым все окрест и трепещет, и в восторге преклоняется.

Там Рюрик и Олег, этот храбрец из храбров скандинавских, не останавливавшийся

ни перед чем, ни перед какой бы ни было опасностью. Он бы не предал своей земли, не испугался бы обыкновенной бури...

Вот у кого просить защиты... Вот кто поможет освободить Изока. Но прежде Византии он должен будет придти сюда. Тогда, нет сомнения, и Аскольд, и Дир погибнут.

Что же!

Погибнут они двое, а не весь народ приднепровский. Договор заключен ими. Не будет их, и Киев будет свободен от договора...

И Изок будет освобожден. Другое дело, если бы он вернулся, ну, что ж тогда?... Тогда еще можно было бы примириться, как ни тяжело, с положением дел, а теперь, теперь — нет...

До утра продумал Всеслав и, чем дальше он думал, тем все более и более укреплялся в своих мыслях.

Весь следующий день проходил он мрачнее осенней темной ночи.

На возвратившуюся дочь он не обращал никакого внимания, как будто ее никогда не существовало для него.

Ирина только и могла, что мельком видеть

этого сурового, мрачного человека, которого все вокруг называли ее отцом.

Она боялась его.

На расспросы княгини, что такое с Всеславом, Аскольд отвечал только одно:

— Об Изоке скучает! Он думал, что мы возвратим ему твоего брата.

Но Аскольду и самому становилось жалко своего любимца; они столько лет провели вместе, что сжились невольно, и теперь князь понимал, что никто иной, как он, виновник его тайных страданий.

А Всеслав, между тем, надумал все...

— Княже, долго мы жили с тобой, вместе хлеб-соль водили, — явился он к нему, — но теперь прости: не слуга я тебе больше.

— Как! Что? — встревожился Аскольд.

— Так, ухожу я, прости!

— Куда же ты идешь?

— На все четыре стороны, — уклончиво ответил Всеслав.

14. НА ИЛЬМЕНЕ

В Киев редко приходили вести с великого озера славянского.

Но если бы они приходили чаще, то Аскольд и Дир узнали бы о той тяжелой борьбе, которую пришлось выдержать с ильменскими славянами их бывшему другу Рюрику, ставшему Новгородским князем.

И эта борьба кончилась всецело в пользу единой власти, олицетворенной для разрозненных и враждовавших племен единым князем.

Рюрик, наконец, стал княжить на Ильмене совершенно спокойно.

Около этого времени появился на Ильмене пришелец из земель приднепровских.

Его тотчас же узнали и приняли в княжеских хоромах на Рюриковом городище. Многим он был еще памятен там.

Сам князь тотчас же поспешил принять его к себе.

Да и как было не принять старого товарища — ведь это был Всеслав, разделявший с Рюриком опасности не одного похода.

Но кто более всех обрадован был появлением Всеслава, так это Олег.

Ведь Всеслав явился недаром.

Он принес долгожданную весточку о тех, кого Олег в глубине своей могучей души считал изменниками общему делу.

Никак он не мог забыть того, что объявили они русскому князю, которым они были посланы покорить под его власть земли приднепровские, после того, как уже осели там.

«Ты будешь конунгом на севере, а мы — на юге, — уведомляли ярлы Рюрика. — Друг другу мы не помешаем, если же понадобится тебе наша помощь — можешь на нее рассчитывать; готовы мы вступить с тобой в союз. Изменниками нас не считай, потому что не давали мы тебе клятвы в верности, и мы ярлы свободные, ни от кого независимые».

Независимые? Разве он, Олег, зависим от кого-нибудь, кроме уз дружбы? А он все-таки не изменил.

Еще тогда он предлагал Рюрику пойти и наказать виновных, но тот не пустил его.

— Нет, мой брат, у нас и здесь слишком много дел. А Киев, рано или поздно, от нас не

уйдет — все равно наш будет, как и вся земля славянская. Ярлы нам же еще услугу делают — к Киеву дорогу прокладывают. Нам после них легче будет пройти, потому что они — такие же варяги, как и мы. Поэтому и оставим их в покое до поры до времени, пусть они там забавляются тем, что новое княжество на юге основали, все равно их княжество к нам перейдет. Да и сами ярлы наши, Аскольд и Дир, совсем не люди ратные. Они к тихой, мирной жизни склонны. Это ты знай!

— Ты прав, мой Рюрик, затаю я до поры до времени думы мои, но потом, знай, буду просить у тебя позволения разделаться с изменниками по-своему, — ответил, однако, Олег.

— Придет время, ты пойдешь на юг.

Увы! Во все времена, пока княжил на Ильмене Рюрик, для Олега было столько дел, что и подумать о новых завоеваниях некогда было, но теперь пришел с Днепра старый товарищ, который рассказывал нечто невероятное об Аскольде и Дире...

Олег отказывался верить, чтобы скандинавские ярлы могли так перемениться, но Всеслав приводил подтверждения, и не ве-

рить было нельзя...

Более всего возмутился Олег тем, что Аскольд не сдержал своей клятвы и не обратился в развалины Византию; при рассказе же о тех богатствах, которые скоплены были в Константинополе, глаза норманна загорелись блестящим огоньком...

— Клянусь Одним, — воскликнул он, — лишь только управится с делами Рюрик, мы пойдем, Всеслав, на Днепр, и беда тогда изменникам.

Он несколько раз пытался заговорить с Рюриком о Киеве, но тот на все доводы отвечал только одно:

— Не время еще!

Рюрик полагал, что норманны еще недостаточно укрепились на Ильмене, чтобы начинать новые походы с целью завоеваний.

Всеславу приходилось ждать...

Но вот Ильмень постигло горе.

Умер тот, кто объединил и укрепил его — Рюрик.

Только тогда народ славянский понял, кого он потерял.

Но не смертным бороться со смертью.

Рюрик был погребен, и его наследником стал его четырехлетний сын Игорь, а так как он был мал, то вместо него править ильменцами стал Олег. Теперь он был свободен...

Он мог бы сразу пойти на Днепр, но некоторые недовольные правлением Рюрика роды приильменские попробовали возмутиться.

Пришлось их усмирить...

Когда же и это дело было окончено, Олег не долго засиделся в Новгороде; собрав грозную рать, он вместе с Всеславом тронулся на ничего не подозревавших киевских князей.

15. СМЕРТЬ АСКОЛЬДА И ДИРА

В самом деле, никто в Киеве не подозревал той грозы, которая надвигалась на него с севера.

Аскольд и Дир — христиане, уже не проводили своего времени в бесконечных пирах и охотах. Нет, они всеми силами старались ввести в своей стране ту веру, которую исповедовали сами.

Однако нельзя сказать, чтобы им это удалось.

Князья не желали действовать силой. Они своим примером, своей жизнью хотели увлечь за собой народ, но пример действовал далеко не успешно. Народ оставался равнодушным к верованиям князей и по-прежнему продолжал поклоняться истуканам.

Однако князья не теряли надежды на успех. Они строили христианские храмы, учили народ, но народ любил их за кротость, доброту, ласку, однако не хотел следовать за ними в деле веры.

Так шло время.

Однажды князьям пришли сказать, что у

берега Днепра остановилась пришедшая с севера ладья с купцами, и эти гости, которые говорили по-славянски, желали бы, чтобы Аскольд и Дир спустились к ним, посмотрели их товары и приняли дары.

Такие посещения не были редкостью в Киеве.

Благодаря его князьям, все чаще и чаще прибывали в столицу южного славянского союза заезжие гости. Они торговали на славу. Товары их, порой малоценные, с большой выгодой обменивались на товары приднепровские. Гости и киевляне были довольны, а последние были рады прибытию купцов.

Заходили в Киев гости и с севера — с Ильменя...

К ним всегда выходили князья, подробно расспрашивали их о том, что происходит на великом озере славянском. Приблизительно они знали все, что там происходило...

Видя, что Рюрик ничего не предпринимает против них, Аскольд и Дир успокоились. Они уверились, что северный владыка вполне примирился с мыслью о разделе славянских земель и вовсе не желает идти на них вой-

ной, как они предполагали в первое время.

Но вдруг гости с севера исчезли и исчезли как-то сразу. Об Ильмене не стало ни слуху, ни духу, и князья обрадовались, когда узнали о прибытии ладьи оттуда...

Не подозревая ничего дурного для себя, Аскольд и Дир, в сопровождении всего только нескольких слуг, поспешили на зов.

Ладья была как ладья — обыкновенная купеческая, ничего в ней подозрительного не было, одно только казалось странным, что она стала в некотором отдалении от пристани, в месте глухом и безлюдном.

Казалось, тут купцам нечего было бы делать.

Однако князья не обратили на это внимания и подошли к самой ладье.

А, между тем, если бы только могли они знать, что таит в себе эта ладья и еще несколько стоявших в отдалении стругов, они не оставили бы так спокойно свои палаты...

Несмотря на свой невинный вид, эта ладья таила в себе гибель Аскольда и Дира...

Долгие годы полнейшей безопасности сделали когда-то безумно храбрых ярлов до нель-

зя беспечными, лишили их прежней наблюдательности...

Они не заметили в своей беспечности, что ладья несет на себе живой товар...

Их притупившийся слух не расслышал тихого бряцанья железа, тихо раздававшегося где-то внутри ладьи.

Оба они сгорали нетерпением узнать, что делается на Ильмене, как живет их старый друг и соратник Рюрик.

Но если князья были беспечны, то их приближенные, сопровождавшие их в очень, правда, небольшом количестве, вдруг прониклись чувством инстинктивного страха.

— Ох, князья, — шептали то Аскольду, то Диру их спутники, — необыкновенная эта ладья.

— Как необыкновенная? Что такое?

— Таких ладей у заезжих гостей не бывает!

— Варяжская эта ладья, — будто в поход какой собралась...

— И добра на ней не видно...

— Гости приезжали, так ладьи-то у них доверху всяким добром нагружены, а тут только доньшко прикрыто...

Но князя только посмеивались над страхом своих спутников.

— Что вы? — удивлялись они. — Мало ли гостей приходило, и ничего не бывало, а тут вы перепугались!

— За вас, князя, страшно.

— За нас не страшитесь, мы никому зла не делаем, и нам его также никто не будет делать...

Они подошли к самой ладье...

— Ой, князя, вернитесь, чует сердце неладное. Аскольд и Дир продолжали смеяться... Непонятное ослепление овладело ими...

Они хотели уже позвать купцов, которых не было видно, как вдруг перед ними во весь рост поднялся какой-то человек, у которого из-под купеческой одежды видна была кольчуга.

Аскольд и Дир взглянули и ужаснулись: перед ними стоял Олег новгородский.

— Вы князьями себя зовете? — загремел он. — Нет, вы — не князья и не княжеского рода, а вот вам князь, сын Рюрика.

И он высоко поднял над головой малютку-мальчика...

Это было знаком, на который из лодки выскочили несколько вооруженных воинов и с оружием в руках кинулись на киевских князей.

Берег Днепра огласился воинственным кличем...

Стоявшие в отдалении струги быстро приблизились на веслах к одинокой ладье.

Засвистали стрелы, забряцали мечи, вооруженные люди один за другим выскакивали на берег...

Несчастные не успели опомниться от неожиданности и были убиты.

А коварный победитель в тот же день вступил в Киев и объявил его присоединенным к владениям князя Рюрика.

Киевляне и не думали сопротивляться...

Правда, они любили своих князей; но у них не было иной связи с Аскольдом и Диром, кроме обычных столований да пиров...

Между тем, личность Олега новгородского была для них замечательной... В Киеве как будто ничего не произошло, ничего не изменилось...

Олег утвердился в днепровской столице и

правил городом от имени Игоря...

Договор киевлян с Византией был разрушен...

Над Византией собиралась новая гроза.

16. ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наш рассказ окончен.

Что сказать в заключение его?

Очень, очень немногое...

Аскольдом и Диром началась закончившаяся только при Владимире борьба славянства с Византией.

Мы в настоящем романе поставили себе задачей обрисовать начало этой борьбы, которой все-таки, в конце-концов, наша матушка Россия обязана одним из незабываемых устоев своего величия — православием.

Пусть читатель судит, как удалось нам выполнить эту задачу...

Здесь же мы должны сказать несколько слов о судьбе наших героев.

После того, как Аскольд и Дир были убиты, север и юг славянства были связаны, наконец, неразрывной цепью, и эта связь не прервалась и поныне. Тела несчастных были по-

гребены на горе, где в Несторово время находился Ольгин двор. Прах Диры покоился за церковью св. Ирины, над могилою Аскольда стояла церковь св. Николая. Киевские жители и поляне указывают это место на крутом берегу Днепра, известное даже и донныне под общим названием Аскольдовой могилы.

О судьбе Ирины автор ничего не сообщает здесь, так как предполагает, что благосклонный читатель еще встретится с нею...

Олег оправдал надежды Всеслава.

Этот славный могучий северный богатырь-завоеватель, для которого не было «в мире лучше дел войны», был настоящей грозой Византии, которую от него не спасли никакие чудеса.

Щит его после победы над Византией, по свидетельству истории, красовался на воротах Константинополя, и Византия всегда дрожала при одном только упоминании имени этого грозного северного завоевателя.

После Олега, Игорь, Святослав, Владимир наводили панический ужас на Византию, упрочивая этим положение русского народа и объявляя своими победами о возникновении

в таинственной Скифии могущественного крепкого сплоченного государства...

Византия перенесла множество перемен.

Василий Македонянин женился на надоевшей Михаилу Ингерине, и после смерти Вардаса порфирогенет ему наскучил своими капризами.

После одной из своих бесчисленных оргий Михаил, находившийся в бесчувственно пьяном виде, был убит, и византийский народ поспешил возвести на императорский престол Василия, давшего ему во время своего царствования мир и спокойствие.

Василий оказался одним из мудрейших императоров разлагавшейся уже Византии.

Царствование его не было так блестяще, как царствование Упранды-Юстина и его племянника Юстиниана, но отличалось мудрыми законами, направленными к общему благу подданных.

После Василия остались «Базилики» — ряд законов, по своей мудрости, действительно, не уступавших законам Юстиниана.

Изок был им отпущен к отцу еще при жизни Аскольда, и он стал одним из самых слав-

ных сподвижников Олега.

Фотий, несмотря на все его достоинства, немедленно по восшествии на престол Василия Македонянина, считавшего его возведение в патриархи несогласным с законом церкви, был заменен Игнатием, освобожденным из заточения.

При нем, однако, Византия жила в полном ладу со славянами, и серьезных вспышек не было, хотя Олег и не оставлял мысли о походе и отмщении за гибель киевской дружины.

Такова была судьба действующих лиц этого рассказа.

Что сказать еще?

Дочитав до этих строк, читатель, может быть, поставит кое-что в упрек автору.

Он заранее предвидит это.

В его рассказе есть много таких эпизодов, указаний на которые не сохранила нам история.

Но что же делать?!

Ведь нашей задачей было написать не историческое исследование, точное, основанное на несомненных, достоверных свидетельствах, а более или менее интересный для чи-

тателя рассказ о давно минувших временах. В основу рассказа положен исторический факт, а относительно деталей — точны они или неточны — не все ли равно читателю, если он найдет рассказ интересным... Посвятив свой труд началу борьбы между славянами и Византией и первому возникновению христианства на св. Руси, автор предполагает в следующих романах показать его постепенное развитие в нашем отечестве, имевшее своим результатом окончательное принятие христианства всем славянским народом при Владимире.

Если читателю не наскучило еще повествование о давно минувших временах, пусть он обратится к этим рассказам...